

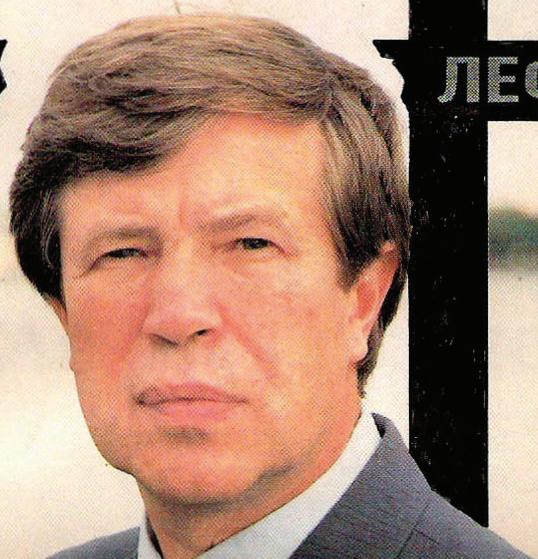
АНПИЛОВ Виктор Иванович (р. 2 октября 1945 г.), российский общественный и политический деятель, журналист, комментатор Гостелерадио СССР на страны Латинской Америки.

Организатор и лидер общероссийского политического движения «Трудовая Россия». Учредитель газеты «Молния».

Автор нескольких книг и множества статей по проблемам внутренней и международной политики. Владеет тремя иностранными языками.

Виктор Анпилов

В. АНПИЛОВ

ЛЕФОР

ЛЕФОРТОВО

ЛЕФОРТОВСКИ

ЛЕФОРТОВСКИЕ ДИАЛОГИ

ЛЕФ

КИЕ ДИАЛОГИ

КИЕ ДИАЛОГИ

ЛЕФОРТОВСКИЕ ДИАЛОГИ

ЛЕ

ОРТОГ

ОРТОГ

лефортовские диалоги

Виктор АНПИЛОВ

ЛЕФОРТОВСКИЕ ДИАЛОГИ

Тюремный конспект лекций Гегеля

Издание второе

Москва
2012 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книжечка увидела свет в конце 1994 года по инициативе главного редактора издательства «Палея» Николая Лукьяновича Мишина. Светлая ему память!

Перечитывая «Диалоги» я, к радости своей, еще раз убедился в актуальности античной философии Сократа, Платона, Протагора, Диогена и других философов, которых я постарался цитировать практически дословно по «Лекциям» Гегеля.

Тогда, в тюремной камере 32 Лефортовской тюрьмы мне хотелось соединить воедино идеи величайших мыслителей «детства человечества» с высказываниями самого Гегеля, Ленина, сверить синтез идей об идеальном государстве, о тирании и свободе — общественной и индивидуальной — со своими представлениями и выводами.

Вопросы, которые мучили меня после поражения народного восстания в Москве в сентябре–октябре 1993 года, теперь, спустя почти 20 лет, вновь начинают волновать народные массы и выводить их на улицы городов России. Почему, несмотря на обилие принимаемых парламентом законов, ни один из них не работает? Почему всякий раз по мере приближения парламентских выборов законы переписываются? Почему истинное волеизъявление народа так легко подменяется произволом временщиков у власти?

Ели мы не будем оглядываться на сокровищницу философских идей, накопленную человечеством с древнейших времен, если забудем труды наших предшественников, — мы обречены блуждать в потемках без цели, без идеалов.

Хочется, надеться, что второе издание этой книжки встретит понимание молодых сердец, всегда устремленных к познанию себя и окружающей нас действительности — материальной и духовной.

Все права на второе издание я передаю молодому лидеру Движения «Трудовая Россия» Станиславу Рузанову, включая все права по ее распространению, реализации и возможному изданию дополнительных тиражей.

Виктор АНПИЛОВ,
2 апреля 2012 г.

Глава 1

СЛУЧАЙНОСТЬ

*Будешь читать — не забудь:
в этом томике каждая буква
Создана в бурные дни мною
на скорбном пути.
В пору декабрьских бурь,
я эти строки писал.*

Овидий

Пять шагов по крашеному суриком бетону — впереди решетка. Пять шагов в обратном направлении — перед тобой железная дверь с глазком. Раковина умывальника, унитаз из бетона в форме воронки и три железные койки, исключают всякую возможность отклониться от маршрута: пять шагов туда — решетка, пять шагов обратно — глазок. Мысль о том, что до тебя сотни и тысячи товарищей в Германии, Иране, Гватемале, Чили, Бразилии, Португалии, не говоря уже о нашей России, вынесли крест застенков и не сломались, не предали своих убеждений, становится реальной опорой. Во время часовых прогулок по тюремным дворикам через металлическую сетку над головой падает снег. Подставь снегу лицо, и ты почувствуешь на щеках капли тропического дождя, который омыл лицо Че Гевары перед последним боем... Сколько друзей, сколько товарищей соединяет этот снег: Сорваров в Свердловске, Бира в Сан-Пауло, Тюлькин в Ленинграде, Кадри в Дамаске, Асеев в Железногорске, Ли в Пхеньяне, Лудо в Брюсселе... Мы прочнее. Нас связывают дожди, снега, воздух и наше общее дело — борьба за счастье людей труда на этой планете. Не я первый оказался в застенке. До меня через это прошли мои товарищи, имена которых я никогда не узнаю. Им было труднее в тюрьмах Маобита, в дувалах и кандалах азиатских тиранов. Но они выстояли. Здесь, в Лефортово, легче. Питание три раза в

день. Без излишеств и салатов, по научно обоснованной норме. В камеру можно взять шахматы и книги, что втрое, а то и вчетверо ускорит бег времени. Воистину Ленин прав: революционер обязан использовать тюрьму для самообразования.

По чистой случайности служащий тюрьмы, отвечающий за выдачу книг из тюремной библиотеки, вместо затребованного мной Дидро принес «Лекции по истории философии» Гегеля, второй том (Партийное издательство, М., 1932 г.). Вот так в мою камеру 32 вместе с Гегелем вошли античные философы Греции. Раньше, еще в университете я, как, впрочем, и многие другие студенты, ограничивался лишь знакомством с ленинским конспектом лекций Гегеля. Однако, оригинал, несмотря на встречающуюся порой «нудятину» и перемывание одного и того же, конечно, поражает при внимательном неспешном прочтении — условие, которое у человека конца XX века появляется, вероятно, только в тюрьме.

«Нет мысли человечества, нет открытия науки, которого бы с детской наивностью не высказали или не предугадали бы древние греки». Так говаривала нам, студентам журфака Московского Университета, Елизавета Петровна Кучборская. Как жаль, что Кучборской уже нет в живых и ее невозможно отблагодарить за эту истину.

По мере того, как перечитывал лекции Гегеля, возникала мысль — сделать конспект древнегреческой философии. Разумеется, без претензии повторить конспект ленинский. Захотелось сверить мысли древних с сегодняшней действительностью России и мира. Думаю, лекции Гегеля будут конспектироваться вновь и вновь, потому что это прекрасная возможность вспомнить вселенский завет Сократа: познай самого себя.

Познать себя — значит познать ошибки, которые были совершены тобой, чтобы не повторять их вновь. Надеюсь, что конспектирование лекций Гегеля поможет, по выражению Сократа, «мысли родиться». На мой взгляд, гипертрофированное развитие средств массовой информации в конце XX века отнимает у человека самый драгоценный дар природы — способность мыслить. Денно и ночью мы потребляем

чужие мысли, давно разучившись рожать мысли собственные. Сократ прибег к такому сравнению, потому что его мать Феларета, родившая величайшего философа в 4-м году 77-й Олимпиады — 469 год до нашей эры, — сама была повивальной бабкой, помогала разродиться другим. Моя мама Лукерья Петровна — обыкновенная деревенская женщина родила меня шестого без помощи кого бы то ни было: копала картофель в огороде в первых числах теплого на Кубани октября и вдруг подоспело время рожать. Мать вернулась в дом, выгнала на улицу моих старших братьев и сестер, вытащила из сундука шелковую нитку — перевязать пуповину... Никаких патологий при моих родах не наблюдалось, щипцами мне череп не травмировали, «материнское молоко нравственности» было экологически чистым. Как только встал на ноги — нужно было хоть чем-то помочь маме.

Вначале выколачивать семечки из колючих подсолнечных шляпок, затем помогать выбирать картошку, а там и копать самому. Отец, как и многие другие отцы моих одногодков, вернулся с фронта инвалидом. С одной рукой не очень-то покопаешь. Да и многую другую работу в российских селах и деревнях еще долго после войны выполняли женщины. Чистка обших — на пять-шесть дворов — колодцев тоже требовала здоровых женских рук. Как правило, перед началом работы разгорались споры — кому лезть на дно

колодца, кто был внизу два года назад. Крики, шум. Злыми, искрами начинают проскакивать слова, непонятные нам, детям. И тогда мама, вздохнув, соглашалась: «Значит, опять мне черед». Однажды обветшавшая веревка оборвалась, и ведро с илом упало на голову матери. С трудом соседи вытащили мать из колодца, обмыли, уложили на ту же постель, где она меня рожала. Мать постанывала. Мне было страшно. В глазах темнела черная пасть колодца. Я гладил мать по щекам и храбрился: «Ма, я подрасту — сам вниз полезу...» Ни разу в жизни я так и не спустился на дно сруба, не узнал, что ощущала мать. В кубанских селах позже появились и артезианские скважины, и водопровод почти в каждом дворе. Но так уж случилось в России, что вместе с благосостоянием и души, и общественное сознание народа затянулось илом.

Имея таких мыслителей соотечественников, как Ленин, Толстой, Сталин, Менделеев, Кропоткин, Плеханов, мы как-то вдруг отвыкли от культуры мышления. Конечно, можно опять проклинать телевидение, пошлые газеты, радио, но что от этого изменится?! Надо лезть на дно, надо чистить глубинные родники сознания. Пример великого сына повивальной бабки из Афин, учившего «помогать родиться мысли», надеюсь, поможет и мне.

Возможно, ничего кроме грязи увидеть не удастся. Возможно, сорвавшееся ведро с илом разобьет мне голову. Но кто-то же должен спускаться вниз.

Надо набраться мужества и заговорить с великими на равных. В конце концов предатели давно научили нас думать и действовать по формуле: «Если, не я, то кто?» Если я не смогу объяснить, как нас обманывают, если я не укажу на безобразных идолов, навязываемых народу для поклонения, если я не возьмусь за расчистку нечистой дерьмократии, то зачем я живу, зачем куда-то звал людей, зачем жертвовал семьей, покоем?! Тяжело! Но я еще мыслю. Значит, я свободен! Пусть открывается маленькая дверца-кормушка (для удобства ее можно назвать притвором) в железной двери моей тюремной камеры и надзиратель говорит: «Отбой!» Сейчас я открою книгу, и сюда войдут великие люди. Мы начнем диалоги, начнется поиск истины в камере 32 Лефортовской тюрьмы.

Глава 2

РАЗМИНКА

*Все ясное, обычное, простое
Все спуталось и рухнули устои,
А жизни нет.*

Жизнь только снится нам.

Луис де Камоэнс

9 января 1994 года новой эры. В 22.00 открывается окошко в стальной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы. «Отбой», — говорит надзиратель. Яркая лампа гасится, и остается только тусклый дежурный свет.

Камера наполняется мыслителями, родившимися за 400 — 300 лет до нашей эры. Входят и философы помоложе: Гегель, Кант и совсем молодой Ленин. Каждый из них вступает в диалог, когда считает нужным.

Сократ: Да, тесновато здесь. Когда меня заточили в темницу, мне предоставили перед смертью более просторную обитель. Впрочем, на мышлении это не должно сказываться.

Узник: Закрытое пространство гнетет и иссушает душу. Не случайно же вы, древние, связывали истину с деятельностью, с движением.

Сократ: Человек как мыслящий есть мера всех вещей. Даже четырех шагов достаточно, чтобы, чтобы мыслью объять вселенную и превратить ее сущность, ее тайные и явные законы в закон сознания. Если ты мыслишь — ты свободен!

Узник: Я мыслю и могу считать себя свободным, однако большинство людей, которым не откажешь в умении мыслить, считают по-другому: * за решеткой.

Гегель: Это обывательское представление. Конкретная реальность к истине имеет весьма условное отношение. Вообще то, что при философствовании получает значимость, то, что может быть высказано только всеобщее, а «это» реальное, разумемое, даже совсем и не может быть

высказано, — это такое сознание и мысль, до которой совершенно еще не дошло философское образование нашего времени.

Узник: В моем случае было бы гораздо лучше, чтобы и во всеобщем масштабе и в ничтожной реальности я был свободен. Да, я мыслю и могу считать себя свободным, но это мое «всеобщее» передается в неутверждении обществом, множеством людей. Истина должна быть таковой и в реальности, и во всеобщем.

Сенека: Мудрец свободен даже в цепях, ибо он действует из самого себя, не подкупаемый страхом или вожделем.

Гегель: Если считать Вас, уважаемый коллега Сенека, стоиком, то Вы не должны обидеться на указание того факта, что сами-то Вы в цепях не бывали. Моральные размышления хороши, но к ним бы добавить дельность, как соль обязательно добавляется к мясу. Иначе вас легко упрекнуть в богатстве и роскошестве, которыми одарял вас диктатор Нерон, которого вы писали речи. Хотя, несомненно, ваши остроумные антитезы и риторика способны укрепить душу.

Эпикур: Независимо от материального или реального положения, мы должны предпочитать быть несчастными с разумом, чем быть счастливым с неразумием, ибо лучше правильно судить о наших поступках, чем быть благоприятствуемыми счастьем. Это учение имей в уме днем и ночью и ничему не позволяй выбить тебя из душевного спокойствия, дабы ты жил, как некий бог среди людей. Ибо тот человек, который живет в таких бессмертных благах, ни в чем не сходен со смертными существами.

Началом всех вещей и величайшим благом является разумность, которая поэтому еще превосходней, чем философия, из нее рождаются все прочие добродетели.

Узник: Твой совет, Эпикур, прекрасен. С ним легче жить даже в камере. Однако если допустить, что я обладаю разумностью, именно она тотчас диктует мне необходимость определить: что такое разумность. А что такое философия, а добродетель?

Платон: Наше познание наилучшего разумности, добра, добродетели начинается с познания, доставляемого нам глазами. Различие видимых дня и ночи, месяцев и обращений планет породило познание времени и побудило в нас стремление к исследованию природы целого. Это стремление дало нам философию, и большего дара, чем этот дар бога, людям никогда не было и не будет. Философия есть движение чистой мысли в природе целого. Я и сейчас, спустя две тысячи триста лет, считаю, что государством должны править философы.

Узник: Увы! Желаемое и действительное разнятся не в меньшей степени, чем бытие и небытие. У нас, в России, сегодня правят прорабы, монетаристы, проходимцы, взяточники — все, кто угодно, но не философы, не мыслители.

Гегель: Однако для правильной оценки высказывания, что правители народов должны быть философами, мы должны вспомнить, что понимал Платон и что вообще понимали в его время под философией. Словом, было время, когда человека, не верившего в привидения, в чертей, называли философом.

Узник: Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Сегодня, в конце XX века, мы склонны называть философами как раз тех, кто верит в чертей, в привидения, в сновидения, в предсказания и всякую подобную тарабарщину.

Гегель: В свое время англичане называли философом всякого, кто проводил физические эксперименты или обладал теоретическими познаниями в химии, в черчении машин и т.д. У Платона философия перемешана с сознанием сверхчувственного, с тем, что мы называем религиозным сознанием.

Ленин: Да, Платон как философ — классический идеалист. Но в том-то и дело, что умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм.

Узник: Ильич, из этой реплики можно заключить, что в философии противоположности могут сближаться. В твоих конспектах лекций Гегеля есть прямое указание на то, что он «объективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагами (и кувырком) подошел вплотную к материализ-

му, частью даже превратился в него...» Не стоило обзывать старика «идеалистической сволочью». Позже, уже без тебя, лакеи от пера расстароятся и изобразят тебя вечно ругающимся безбожником.

Ленин: Противоположности могут сближаться, но «консенсуса», как сейчас принято выражаться, между ними никогда не будет. Тут без драчки не обойтись, учти это. А в драке слова и кулаки некогда подбирать. Да и как прикажете поступать, если «старик» с энергией молодого здоровяка клеветает сплошь и рядом на Эпикура, на материализм вообще, выцарапывает из Аристотеля что де «разум и постигаемое только разумом — одно и то же».., Согласен, лично к Гегелю можно проявить такт и оспаривать его ошибки без оскорблений. Но не забывай, что вся-то штука в том, кто, как и с какой целью использует ошибки «добреньких» идеалистов. Их заблуждения дорого обходятся человечеству. Нельзя же уподобляться свинье, на которую во время шторма на море указал своим оробевшим спутникам скептик Пиррон. Кораблю угрожало крушение, а свинья сохраняла полное равнодушие и спокойно продолжала жрать». Вот в такой безмятежности должен пребывать мудрец! — сказал своим ученикам Пиррон. Нет, я человек, и человеческие эмоции мне не чужды.

Сократ: Все вы отклонились от темы. Много слов -мало истины. А ведь истина проста и, следовательно, должна выражаться в простых словах.

Узник: Потому я и предлагал определить, что такое разумность, философия, добродетель.

Сократ: Видишь ли, человек должен находить как цель своих поступков, так и конечную цель мира, исходя только из себя, и достигнуть истины своими собственными силами.

Узник: Согласен со вторым: никто мне не поможет в познании истины, если я того сам не желаю, однако первое смущает меня: возможно ли познать истину, исходя только из себя, не познакомившись даже с тем, что думал по этому поводу хотя бы ты, Сократ. Как бы здесь не зайти в порочный круг: исходя из себя я заключаю, что свободен,

но окружающие так не считают, реальность другая, и в коридоре моей тюрьмы слышатся приближающиеся шаги надзирателя.

Гегель: Чтобы правильно мыслить, надо примерить к себе терновый венок мыслителей древности. Пройти через тернии к истине кратчайшим путем возможно только усвоив осмысленное за тысячелетия до тебя. Не пройдя дорогами древних, мы обречены на блуждание в потемках.

Сократ: Начнем с простого. Если истину ищет человек «я», давайте определимся, что такое «я». Если истина -добро, давайте уточним, что это такое.

Узник: В таком случае наш первый диалог будем считать разминкой перед стартом марафона к истине. Гегель: Этот марафон длится тысячелетия... Узник: Тише! Надзиратель у двери нашей камеры.

Дверка в стальной двери камеры 32 открывается.

Голос: Подъем!

Узник: Все! Спим. До свидания.

Глава 3

СЛОВО

*Достаточно и малого словца.
Чтоб страсти грозным
вспыхнули пожаром,
И одного хватает подлеца,
Чтоб жизнь для многих
сделалась кошмаром.*

Гамзат Цадаса

22.00, 10 января 1994 года после Р.Х. Открывается приворот камеры 32 тюрьмы Лефортово. Голос: Отбой!

Входят древнегреческие философы. Старший из них Горгиас родился на 2-й год 88-й Олимпиады (427 г. до Р.Х.). Здесь же Сократ, Аристотель, другие. Ленин и Гегель о чем-то спорят.

Сократ: Если человек мыслящий есть мера всех вещей, то, следовательно, время жизни человека не имеет цены. Не будем тратить время на пустяки: идем к сути без обиняков.

Узник: Не считаешь ли ты, Сократ, что прежде всего нам нужно найти основное, неизблемое положение, понятное нам всем, и уж из этого всеобщего двигаться к истине. Если истина проста, то и всеобщее немудрено, Как мы его назовем? Каким словом мы его обозначим?

Гегель: Отмечу, что в Древней Греции отвечающий относился с уважением к вопросу, строго держась того, о чем спрашивают.

Сократ: Да, я был против того, чтобы разговор прерывали или чтобы собеседник уходил в сторону посредством шуток или пренебрежительного жеста. Сам я любил приводить собеседника в смущение, выводя всеобщее из конкретного, то есть открывая неведомое а знакомых собеседнику вещах. Но никогда ни я, ни мои ученики не жонглировали словами. Слово свято и должно нести строго определенное понятие.

Гегель: Что ж. это согласуется с правилами философии восемнадцатого века после рождества Христова и вообще с правилами доброй философии. Привести в смущение человека, ведущего обычный разговор, так, чтобы он не знал, что ответить, кажется нам глупым и сводится к отыскиванию формальных противоречий. Если же это все-таки делают, то навлекают на себя упрек, что думают только о словах и занимаются пустой игрой слов. Наша немецкая серьезность отвергает поэтому также и игру слов, видя в них бессодержательное остроумие, но греки ставили чистое слово и чистое рассмотрение предложения столь же высоко, как и самую суть, и если часто противопоставляют друг другу слово и суть, то нужно сказать, что слово выше сути, ибо невысказанная суть есть, собственно говоря, нечто неразумное, потому что разумное существует лишь как язык.

Узник: Да, разумное, сущее стремится найти форму самовыражения и находит ее в слове, устным или письменном.

Ленин: Позвольте, милейший! Надеюсь, вам известно!, что одно и то же слово в разных языках звучит по-разному. Значит, важно не само слово, а понятие, которое оно заключает в себе. И тут, батенька, не обходится без мошенников. Пока одни философы докапываются до суп* слова, другие проходимцы навязывают ему другое понятие. В мои времена такое наблюдалось частенько.

Узник: Утешить нечем, Ильич! После тебя и Сталина Россия превратилась в рассадник словесных жонглеров. Пальму первенства в словесных выкрутасах следует присудить Горбачеву. Этот развалил и твою партию, Ильич, и государство. А все началось со звонкого словца «перестройка».

Ленин: От этих перестроек одна беда! Не успеют ничего сделать, а уже требуют перестраивать.

Узник: Если бы только это! В наше время перестройщики не только суетились, но и принялись разрушать то, что было сделано до них. И на все у Горбачева был один ответ: «Перестройка! Процесс пошел!» Какая перестройка? Что она означает? Что перестраивается и с какой целью? Никто из официальных философов (кроме скромного преподавателя химии Нины Андреевой) не удосужился задаться вопросом, что скрывается за модным словечком.

Ленин: И уж конечно, нашлись мерзавцы, которые позаботились о том, чтобы пустое словечко наполнить нужным им содержанием?

Узник: Нашлись, Ильич! Нашлись! И на твоей родине, и за океаном. Так перестроили, что камня на камне от социалистического государства не осталось. Это уже потом запустили в оборот слова-пустоцветы: реформы, демократия...

Ленин: И непременно кричат во все уши о том, что демократия — это когда у народа отнимают хлеб, работу, жилище, плюс возможность обличать грабителей публично.

Узник: Это уже была какая-то вакханалия. Не только слова, но и отдельные части слов переделывались. В Эстонии подняли на ноги всю академию. И все для чего? Чтобы доказать, что и в русском написании название эстонской столицы «Таллин» следует писать с двумя «н» — «Таллинн». Кончилось тем, что Эстония и все остальные республики Прибалтики первыми вышли из состава СССР и первыми пожелали вступить в военный блок капиталистических государств НАТО. Теперь они с радостью осваивают английский, но проблем с буквой «н» не возникает. Борьба за каждое слово, за каждую букву отражала невиданный накал борьбы политической. В России развелась тьма охотников извращать и переиначивать смысл слов. Давеча, в апреле 1993 года после рождества Христова российский президент Ельцин и его окружение провели плебисцит. Народ, измученный перестройкой, реформами и вообще «демократией», попросили ответить на вопрос: «Вы за досрочные выборы президента России?» Требовалось, в точном соответствии с правилами древних греков ответить «да» или «нет». Из 108 миллионов граждан России, имеющих право голоса, чуть больше трети сказали «нет», еще треть сказала «да», а остальные вообще отказались принять участие в плебисците. Скажи мне. Сократ, как следует понимать ответ, данный народом?

Сократ: Третья часть всех граждан России, имеющих право голоса, высказались против досрочных выборов президента. Волю большинства народа выявить не удалось.

Узник: Вот именно, против досрочных выборов президента проголосовало немногим больше избирателей, чем за

их проведение. Но вы не представляете, какой крик подняли сторонники президента Ельцина: народ вновь поддержал «всенародно избранного».

Гегель: Такое возможно только в случаях, когда в народе отсутствует культура мышления, и государство ничуть не заботится о философском образовании своих граждан.

Узник: Вдохновленный несуществующей «поддержкой» президент Ельцин прикажет расстрелять из танковых пушек российский парламент. Разумеется, варварство опять прикрыли словечком «демократия» и необходимостью защищать ее. А чтобы в ушах народа не звучало эхо разрывов танковых снарядов и предсмертные стоны несогласных с такой «демократией», тут же ударили в барабаны очередного плебисцита. В этот раз на голосование вытащили вопрос: «Вы поддерживаете Конституцию Российской Федерации? ДА или НЕТ?» На тот момент в стране действовала Конституция, которую пограл Ельцин. Сторонники Ельцина скроили под него свой проект авторитарной конституции. Кроме того, существовал проект социалистической конституции, за который коммунисты собрали миллион подписей.

Гегель: И за какую же проголосовали россияне, если вопрос ставился о Конституции вообще?

Узник: В том-то и штука, в том-то и весь финт, что независимо от того, за что голосовали, результат интерпретирован в пользу ельцинской конституции. Ельцинский проект протащили буквально за уши, с грубыми нарушениями Закона о референдуме. Поневоле задумаешься и о значении слова, и о том, может ли вообще слово точно отражать суть предмета, понятия, да так, чтобы ни один мерзавец не осмеливался интерпретировать его смысл, как ему заблагорассудится.

Горгий: До сих пор я воздерживался от участия в диалоге. Однако, слушая ваш спор, не могу удержаться и не подтвердить правоту философов, живших за две с половиной тысячи лет до описанных событий в России, Мои современники, да и я сам, не доверяли словам. Если бы мы даже представляли себе существующее (понятие, суть), мы все же не смогли бы его выразить и сообщить о нем. Вещи можно ви-

деть, слышать и так далее и вообще ощущать. Видимое воспринимается посредством зрения, слышимое — посредством слуха, а не наоборот: следовательно, не может быть одно показано посредством другого. Речь, посредством которой должно было бы быть высказано сущее, не есть сущее: то, что сообщается, есть следовательно, не самый предмет, не сама мысль, а только речь.

Ленин: Правильно, старина! Слово, речь не могут выразить сущее не столько по причине того, что они не относятся к ощущениям, благодаря которым мы познаем окружающую нас действительность, а в первую очередь потому, что окружающая нас действительность, материя бесконечны в своей сущности. Слово не может выразить бесконечность, его цель — довести до сознания относительную сущность наиболее точно. Возьмите деревянную чашу, из которой пили вы, древние. При нужде ев (ложно было бросить в огонь и обогреться. Если поднапрячься, можно представить, как эта чаша пригодится в драке, чтобы ударить соперника по голове. Современный физик может указать на то, что чаша представляет собой сочетание известных атомов. Далее современная наука разложила бы и атомы, и их ядра. Я могу предположить, что расщепление идет дальше до тех пор, пока бытие, материя, не превратятся в свою противоположность -небытие. Все это сущность конкретной вещи. Эту сущность невозможно выразить словом. И все же главное понятие при слове «чаша» возникает, это сосуд для питья воды, а еще лучше — вина

Диоген: Когда я увидел, как афинские мальчишки пьют воду из источника с ладошки, я выбросил свою чашу. Человеку, отважившемуся постичь истину, вещи, конкретное мешает.

Ленин: Всякое слово уже обогащает. Чувства же, ощущения, показывают нам реальность окружающей действительности. Мысль и слово служат для обобщения.

Гегель: Правильное, точное употребление слова есть постоянное требование философов. Софисты древней Греции хорошо понимали, что правильное употребление слова есть существенный элемент красноречия — искусства, учи-

телями которого стали софисты. Считалось, что посредством красноречия отдельное лицо может приобрести почет у народа, равно как и осуществлять то, что служит на пользу последнему; для этого, разумеется, требуется демократическое государственное устройство, в котором гражданам принадлежит последнее решение. Красноречив' в особенности характеризуется тем, что оно выдвигает многообразные точки зрения и придает силу тем из них, которые согласуются с теми, что мне кажется полезным; оно есть, следовательно, образование, позволяющее выдвигать в применении к данному конкретному случаю одни точки зрения, а другие отодвигать на задний план.

Узник: Вот свидетельство того, как слово, предназначенное для выражения истины сущего посредством красноречия вначале имеет целью народное благо, а затем начинает служить определенным интересам определенного лица, подчиняется волюнтаризму и шулерству. Многочисленные «спичрайтеры», команды президентов и диктаторов заставляют слово служить интересам конкретных лиц. В современной мне России прижилась пословица: «Язык служит не для того, чтобы выражать мысли, а чтобы прятать их». Да и сами софисты 23-24 века назад, насколько я понимаю, недолго придерживались целей народного блага, а вскорости освоили такую технику употребления слова, которая выставляла их самих в выгодном свете, а окружающих уничижала. Примеров тому сохранилось множество. Разберем некоторые из них, чтобы разобраться в технике смущения, или, выражаясь современным языком, технике зомбирования людей.

Гегель: Прежде всего мы находим у Аристотеля в его опровержениях софизмов много таких примеров, которые имеют своими авторами как древних софистов, так и эристиков; там же мы находим и решения этих софизмов. История показывает нам, что диалектическое занятие, состоявшее в том, чтобы привести в смущение собеседников вопросами и уметь отвечать на них, было распространенной игрой, которой греческие философы занимались как в общественных местах, так даже и за столом царей. Раз истина проста, то на вопросы требовалось отвечать просто. Это требование дей-

ствительно является требованием рассудка. Запутывание состояло, следовательно, в том, что только сложный вопрос требовали дать простой до примитивности ответ: «да» или «нет». А так как собеседник не решается сказать ни «да» ни «нет», то он чувствует себя смущенным, ибо неумение отвечать на вопрос показывает недостаток ума.

Узник: Очень похоже на корреспондентов «демократических» изданий России: они задают социально сложные вопросы, а требуют примитивного ответа в два слова, ссылаясь на отсутствие места в газете, в эфире и т.д.

Гегель: Этот принцип выступает в следующей форме: из двух противоречивых суждений одно — истинно, другое — ложно; суждение либо истинно, либо неистинно; предмет не может обладать двумя противоположными предикатами. Это — основоположение рассудка, *principium exclusi tertii*, играющий большую роль во всех науках. Это принцип Сократа и Платона, согласно которому истинное не должно противоречить себе. Одно из таких опровержений носит название лжеца. В этом опровержении ставится вопрос: «если какой-нибудь человек говорит, что он лжет, то лжет ли он или говорит правду?» Требуется простой ответ, ибо простое, которым исключается другое, считается истинным. Если ответят: он говорит правду, то это противоречит содержанию его речи: человек сам сознается, что он лжет. Если же будут утверждать, что он лжет, то на это утверждение нужно возразить, что его признание является, наоборот, правдой. Он, следовательно, лжет и вместе с тем не лжет. Простого же ответа на заданный вопрос никак нельзя дать, ибо здесь положено соединение двух противоположностей — истины и лжи — и их непосредственное противоречие. Это и выступало снова и снова в различных формах и занимало умы людей во все эпохи.

Платон: Хрисипп, знаменитый стоик написал об этом вопросе шесть книг. Другой — Филет Косский — умер от чихотки, которую он нажил благодаря чрезмерным трудам, положенным им на разрешение этой двусмысленности.

Узник: А истина, как всегда, проста! На вопрос «лжет или говорит правду человек, утверждающий, что он лжет»,

нельзя дать простой ответ. И вовсе не потому, что это сложно. Вся суть в том, что сам вопрос неполный. Ведь если человек сознается в том, что он лжет, напрашивается вопрос, в чем он лжет. То, что он сознается во лжи, это похвально, это хорошо. И эта внешняя часть проблемы не подлежит сомнению. Другое дело — сама ложь. Когда вы лгали, кому, в чем состояла ложь? Вопрос утаил от нас эти существенные детали, следовательно, мы вправе уклониться от ответа и обвинить спрашивающего в словесном шулерстве,

Гегель: Почти два тысячелетия спустя, мы встречаем подобные примеры в мировой литературе. Так, например, в «Дон-Кихоте» Сервантеса встречаем такой же рассказ. Санчо-Пансе, правителю острова Бартарии, преподносятся во время отправления им правосудия много хитроумных казусов. Среди них — следующий. На острове, которым он правит, находится мост, который построил на свои средства богатый человек для пользы путешественников, но возле моста он поставил виселицу. Каждому позволялось переходить через мост с тем условием, что он правдиво ответит на вопрос, куда он идет; если же он солжет, он будет повешен. И вот подошел один человек к мосту и на вопрос, куда он идет, заявил, что он пришел сюда, чтобы быть повешенным на этой виселице. Мостовые стражи были очень затруднены этим ответом. Ибо если они его повесят, тогда выйдет, что он сказал правду и ему нужно было дать пройти через мост, если же они дадут ему пройти через мост, то окажется, что он сказал неправду. Для разрешения этого затруднения они обращаются к мудрости правителя. Санчо-Панса долго не ломал себе голову и постановил, что в сомнительных случаях надо избирать более мягкую меру.

Узник: Санчо поступил в высшей степени разумно! Ведь в таких делах, как смертный приговор и помилование, огромную роль играет не только слово, но даже ничтожная запятая и место, на котором она стоит. Нам всем памятна резолюция, которую один из французских монархов написал на прошении о помиловании осужденного к эшафоту: «Казнить нельзя помиловать». Запятую король не поставил. Если бы запятая стояла после слова «казнить», — надо рубить

голову. Если же запятую поставить после слова «нельзя» — тогда палач останется без работы. По-человечески забывчивость монарха следует интерпретировать как смягчение приговора, то есть помилование. Что же касается виселицы у моста, то здесь правильный выход поможет найти элементарная логика. Во-первых, меценат, построивший мост и виселицу, обязан был дать более четкий приказ стражам: «Вешать только тех, кто лжет, а пропускать только тех, кто говорит только правду». Не имея возможности проверить истинность заявлений, стражи никогда бы не стали палачами. А человеку, смутившему их, они могли бы в таком случае, не нарушая указа, предоставить возможность повеситься. Ведь он даже и не заявил о желании перейти через мост. Следовательно, он сам должен исполнить свое желание. Но вешать его стражи не имели никакого права. Незачем было беспокоить доброго Санчо-Пансу.

Платон: Всякому, кто не желает быть обманутым софистикой или игрой слов, следует постоянно искать первоначальный смысл слова и термина. Ибо если некто не придает значения словам, он становится легкой добычей мошенников.

Узник: Сегодня говорят, таким человеком легко манипулировать.

Платон: Знание точного смысла слов, понятий, умение видеть интересы определенных сил за этими словами есть часть философской культуры. А различие между состоянием, характеризующим философской культурой, и состоянием, характеризующим отсутствием философской культуры, огромно. Представьте себе подземное обиталище, похожее на пещеру, с узким входом, открытым в сторону света. Обитатели этой пещеры прикованы к стене и не могут повернуть шею, так что их зрению доступна лишь задняя часть пещеры. На далеком расстоянии сзади них бросает свой свет факел. В этом промежуточном пространстве находится наверху дорога и вместе с тем низкая стена, а за этой стеной (лицом к свету) находятся люди, которые носят, поднимая выше стены, всякого рода статуи людей и животных, похожие на куклы в театре марионеток. Эти люди то разговаривают друг

с другом, то молчат. Люди, находящиеся в пещере, будучи прикованы к стене, могли бы видеть лишь тени, падающие на противоположную стену, и принимали бы тени за реальные существа, а то, что люди, носящие эти куклы, говорят между собой, до них доносилось бы лишь эхом, и они считали бы эти отзвуки речами теней. Если бы случилось, что один из этих прикованных был бы освобожден и получил бы возможность поворачивать голову во все стороны, так что он видел бы теперь сами предметы, а не их тени, то он подумал бы, что то, что он теперь видит, представляет собой иллюзорные сновидения, а тени — истинную реальность. И если бы даже кто-нибудь извлек их из пещеры, в которой они были заключены, к свету, то они были бы ослеплены этим светом и ничего не видели бы и ненавидели бы того, кто извлек их к свету, видя в нем человека, который отнял у них истину и дал взамен лишь бедствия и горе.

Узник: Ай да Платон! Ай да молодчина! Жить в пятом веке до новой эры (Платон родился, согласно Додуэллю в четвертом году 87-й Олимпиады — 429 г. до н.э.) и суметь почти в точности предугадать роль телевидения в конце XX века нашей эры. Невероятно! Все точно! Разумеется, академик Яковлев, возглавивший телецентр Останкино, не носит на голове рога, и факелом его никто не подсвечивает. Современная техника и связи без труда с помощью телевидения превращает сотни миллионов квартир в одну пещеру. Более того, изображения, передаваемые в каждую ячейку такой пещеры, настолько красивы, настолько отличаются от реального мира в лучшую сторону, что нет нужды приковывать зрителей так, чтобы они не могли оторвать глаз от экрана. Сотни и сотни миллионов добровольно безотрывочно смотрят, как горько плачут богатые, как страдает и мечется рабыня Изаура в постели размером с волейбольную площадку. Понятно, что если древние учат нас осторожно подходить ко всякому слову или по крайней мере не доверяться словам до тех пор, пока не выяснено их значение, то к телевидению нужно относиться с еще большей настороженностью. Слишком велик здесь соблазн манипулировать сознанием огромных масс людей. Увы! Так же, как узники

платоновской пещеры, телезрители готовы растерзать всякого, кто осмелится оторвать их от маленького экрана и повернуть лицом к реальному миру. А техника телевизионных съемок и передач совершенствуется. Вполне возможно, что очень скоро к изображению ореховой начинки и «толстого-толстого слоя шоколада» «Сникерс» добавится еще и запах продукта. Вот уж тогда голодных от телевизора не оторвать даже под страхом голодной смерти.

Сократ: Вот почему я считал, что ни слово, ни ощущения (то, что видишь, слышишь, осязаешь) еще не есть благо, не есть истина. Истина, всеобщее находится в самом мышлении человека. Только у одних мышление делает истину активной, деятельной, у других же из-за лени или невежества истина дремлет, как лягушка зимой. Мышление и рас судок есть правящее, само себя определяющее, всеобщее. Мышление и есть покоящееся и прочное первоначало, на которое следует опереться, начиная поиск истины. Познай самого себя. Затем тебе будет легче познать и мир, и других людей. Человек должен находить как цель своих поступков, так и конечную цель мира, исходя только из себя, и достигнуть истины своими собственными силами.

Узник: Об этом мы поговорим, вероятно, в следующий раз. А сейчас — тихо!

В железной двери камеры 32 откидывается притвор-кормушка, **голос:** «Подъем!»

Глава 4

СОН НАД БЕЗДНОЙ

*Уж если я сумел перешагнуть
Через потоки слез — по воле Рока,
Плывущий вдаль, я этого потока
И этой бездны не страшусь ничуть.*

Луис де Камозэн

Всякое слово выражает понятие. Всякое понятие имеет границы. Для этого слово никогда найдено не будет. Даже слово «Вселенная» для него тесно и неприемлемо. Удачнее всех назвал это Михаил Ломоносов: «Открылась бездна, звезд полна, звездам числа нет, бездне — дна...»

Величие Бездны наполняет сердце неизъяснимым холодным ужасом и одновременно светлой, спокойной радостью. То, что казалось нам звездой, затерянной в непроглядной темноте Бездны, при приближении оказывается галактикой, вращающей на своем хребте-оси мириады звезд. Мы еще не видим, не ощущаем этого, а где-то в Бездне вспыхнули новые скопления галактик. Новые Млечные Пути расцвели светящимся туманом потайные пространства Бездны. Разгоняют свой бег по околосозвездным орбитам новые целомудренные планеты. Эволюция выталкивает на берега оранжевых, красных, голубых и зеленых океанов фантастические существа, которые через миллионы земных лет пройдут в борьбе за жизнь, за наслаждение видеть и ощущать Бездну путь к Разуму и начнут с негасимой безумной надеждой искать в чреве Бездны себе подобных. Успех поиска зависит от случайности и времени.

Никто не скажет, что несет нам время. Сегодня оно несет положительный, созидательный потенциал эволюции на одном полюсе пространства, а завтра на другом полюсе начнется отрицательный, обратный бег. И тогда галактики начинают сжиматься шагренево́й кожей. Мятущийся Разум,

счастливо вспыхнувший в этой точке Бездны, в преддверии энергетических бурь и катаклизмов космоса, выжигающих жизнь, ищет спасения, с надеждой устремляя мысль в колоссальную пустоту.

Там, где разумные успели за отпущенное им время преодолеть индивидуализм, сплотиться до такой степени, когда интересы общего всегда выше частного, а частное всегда тождественно общему, там объединяются народы планет, созвездий, объединяются энергетические ресурсы и технические возможности. Мощь коллективного разума цивилизаций возрастает до величия самой Бездны. Строятся целые космические флотилии или же целые звездные системы разгоняются прочь от приближающейся катастрофы. Начинается космическое переселение Разума. Там, где не найдены энергетические возможности для космической одиссеи планет или кораблей, коллективный Разум готовит себя к встрече с небытием. Готовит спокойно, без паники, черпая в самом себе мужество и подбадривая каждого члена общества, заботясь о нежности, любви и гармонии каждого индивида до последнего мгновения общей жизни.

Там же, где индивидуализм не успел изжить себя, начинается самоедство разума; еще до начала космической катастрофы вспыхивают войны народов, для уничтожения друг друга разумные применяют изощренное оружие, брат отнимает у брата последний глоток воды, последний хлеб... Никто не слышит последние проклятия, последние предсмертные стоны. Разум не преодолел индивидуализма в определенный срок, и материя обрекает его на уничтожение как свою неудавшуюся попытку самоусовершенствования...

Гаснут звезды. Сонмы и сонмы атомов падают к центру бывших светил. Чудовищная сила тяжести сжимает электронные оболочки, безжалостно расплющивает атомные ядра, вещество вчерашних звезд сверхуплотняется, перемальваются не только атомные ядра, но и мельчайшие частицы, о которых Разум пока только догадывается.

Где-то в Бездне в эти самые мгновения происходит коллапс звездных систем. Сверхуплотненная материя начинает превращаться в свою противоположность — взрыв энергии

и вновь свечение на миллиарды лет. А может случится, что сжатие галактики продолжится, и тогда она превращается в черную дыру Бездны. Со световой скоростью к центру черной дыры летят нейтрино -ничтожно малые, не имеющие массы покоя частицы, вылетевшие из-под пресса космоса, перемоловшего атомы звезд. Разогнавшись до умопомрачительных скоростей, нейтрино пересекают черные дыры, догоняют корабли цивилизаций, сумевшие вырваться из катастрофы, не задерживаясь, пробивают броню капсул, где спят в анабиозе разумные, пролетают сквозь толщи планет новых звездных скоплений. За ничтожные моменты пересечения встречающихся на пути объектов нейтрино считывают информацию пробиваемых тел и передают неведомым частицам атомов информацию, накопленную ранее в бесконечном полете. Никто не знает, останется ли колоссальный объем передаваемой информации невосребованным или где-то в Бездне другой невиданный Разум расшифрует послание и содрогнется в печали, узнав о слезе ребенка, достигнутого космической бурей миллионы лет назад... Полет нейтрино, как и бытие, не зависит от чьей бы то ни было воли и сознания: с равной мощью пробивает ничтожный сгусточек энергии корпуса космических кораблей, гранитные толщи планет и череп спящего узника тюрьмы Лефортово в Москве.

Узнику снится сон. Он сидит на земле возле тенистого платана. Там, где кора отпала, зеленоватый ствол дерева покрыт бледно-желтыми пятнами, словно тело гигантского питона. У подножия невысокого холма, который венчает пятнистый платан, в тени оливковых деревьев, прогуливаются люди, одетые в светлые туники. Слышатся крики торговцев водой и жареным на углях мясом.

Рядом с узником сидит коренастый широкоплечий мужчина. Его лицо с черными печальными глазами обрамляет курчавая бородка. Это Горгий, ровесник Сократа, один из самых образованных граждан Афин, видный государственный деятель, живший в пятом веке до нашей эры. Горгий одет в светлую тунику, подпоясан красным поясом, на котором висит короткий меч. Узник одет в свободные джинсы, куплен-

ные по случаю в Риме во время международной встречи борцов за мир в 1993 году. На белой майке узника — подарке коммунистов Дамаска — изображен красный флаг с серпом и молотом, ниже — вязь арабских слое.

Горгий взмахнул рукой в сторону рощи: — Эта роща посажена гражданами Афин в честь героя Академа. Поэтому рощу называют Академия. Здесь расположена семинария, и здесь встречаются, чтобы вести беседы, все виднейшие философы. Настоящую славу Академия приобрела тогда, когда здесь начал читать свои лекции Платон. Но Сократ тоже вел твои диалоги в тени этих самых оливковых деревьев. Ты, я вижу, восторгаешься Сократом. Но будь осторожен...

— Почему? — напрягся узник.

— Видишь ли, — ответил философ, — вопросы, которые задает Сократ в диалоге, способны смутить любого. Цель Сократа — смутить собеседника, убедив его в том, что он ничего не знает о вещах, которые раньше ему были хорошо известны. От частного, конкретного, Сократ быстро переходит ко всеобщему. А кто, скажи мне, может похвалиться, что знает суть всеобщего? Сократ подобен рыбе скат, что обитает в теплых морях. Стоит прикоснуться к ней — и человек теряет путеводную нить рассудка, похож на захмелевшего гостя на чужом пиру, где все трезвые.

Рядом с платаном неожиданно резко раздался голос торговца: «А вот кому поесть! Мясо ешь — можешь думать, вино пьешь — познаешь истину.» Торговец явно валял дурака и ерничал на манер журналистов из «Московского комсомольца»

— Поди сюда! — велел Горгий. Два раба (такое могло привидеться только во сне и никакими археологическими раскопками подтверждено не будет) катили вслед за торговцем две тележки. Одна — закопченный чугунный мангал на колесах, с дымящимися углями и огромными кусками поджарившейся баранины на вертелах. В другой были кувшины с белым вином, зелень, фрукты. Горгий снял с тележки кувшин с вином и поставил перед Узником. Из этой же тележки

философ взял арбуз разрезал его на несколько частей. Тут же к сочной мякоти плода присосалась пчела. Горгий протянул руку за вертелом с мясом и тем же подкинжальным ножом обрезал аппетитную поджаристую часть на хлебные лепешки.

— Ступай! — сказал он торговцу. — Я заплачу тебе, когда вернусь в город.

Узник набросился на жаркое, но тутже остановился и поднял виноватые глаза на Горгия:

— В тюрьме я забыл вкус жаркого, — сказал он, оправдываясь. Горгий махнул рукой: не думай ни о чем, ешь.

— Давай выпьем за твою свободу и за нашу встречу, — предложил философ и отвязал от пояса две небольшие деревянные чаши.

Выпили прохладного, разбавленного водой вина. В голубом небе Афин висел зной и одиноко парил орел,

— Птица пролетела по левую руку от тебя — ты будешь свободен, — обронил Горгий.

— Ты суеверен? — удивился узник.

— Греки так считают, — пожал Горгий плечами. — Я же верю только в то, что можно доказать разумом.

— Сократ говорил так же.

— Не спорю. Однако справедливость требует, чтобы я предупредил тебя.

— О чем же?

— О том, что еще до Сократа, первым среди философов «человек есть мера всех вещей» сказал Протагор.

— Сократ сделал существенное уточнение: человек как мыслящий есть мера всех вещей.

— Да, но момент сознания первым вскрыл Протагор. До него древние ионийцы мыслили, но не размышляли о мышлении. История греческой философии должна начинаться, следовательно, с Протагора.

— Слушай, Горгий! — воскликнул взбодренный мясом и вином Узник. — Расскажи мне о Протагоре. Ты знаешь его.

— Да. Он не намного старше меня. Протагору выпала судьба Анаксагора — он был изгнан из Афин.

— За что?

— Видишь ли, у нас в Афинах нет писаных законов на все случаи жизни, как у вас...

— У нас законы, может, и писанные, но нынешние правители попирают их с такой свирепостью, какая не снилась и древним грекам.

— Наши законы не писаны. Но они установлены богами, и их чтут все граждане: от царя до кожевника. Отсюда -всеобщее обыденное почтение к богам. Так вот, Протагор написал книгу, которая начиналась следующими словами: «О богах я не могу ничего знать, ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют, ибо многое мешает познанию этого; мешает как темнота предмета, так и кратковременность жизни человека». Книга Протагора по велению государства была предана публичному сожжению, и, насколько мне известно, это была первая книга, подвергшаяся такой участи.

— О богах Протагор загнул круто, — засмеялся Узник. — Думаю, что если бы он написал подобное в России конца XX века новой эры, наши правители, демонстрирующие свое верноподданничество богам, лицемерно крестя лбы перед телекамерами, вновь сожгли бы его книгу.

— Согласно Протагору, — продолжал Горгий, — истина есть явление для сознания, ничто не есть само по себе, а все обладает лишь относительной истиной.

— Выпьем за Протагора! — вскрикнул обрадовано Узник. — Он, по-моему, был материалистом: признавал всеобщность бытия (или, как мы говорим, материи), понимал, что бытие существует независимо от сознания, и, наконец, признавал, что сознание может овладеть относительной, а не абсолютной истиной. Абсолютная истина хоть и существует, но в своем полном объеме познана быть не может. Ибо сознание — часть бытия, следовательно, чтобы познать бесконечное бытие, оно должно само превратиться в бесконечное.

— Кхе! — крикнул Горгий. — Любопытно! Я ведь тоже настаиваю на том, что часть никогда не может быть целым. Впрочем, об этом — потом. Протагор показывал, что конкретное не есть всеобщее, и, следовательно, не есть тождественное с собой. Примеры он брал из повседневной жизни, из области чувственных явлений. Вот он говорит:

«Когда дует ветер, одному холодно, а другому нет. Мы, следовательно, не можем сказать об этом ветре, что он в самом деле холоден или не холоден». После Платон разовьет этот принцип, утверждая, что белизна, тепло и все, что мы высказываем о вещах, не существует само по себе, а необходим глаз, чувство, дабы оно существовало для нас.

— Погоди, погоди, — заволновался Узник, — сдается мне, старик Протагор приоткрыл здесь щель для идеализма, а Платон залезает туда уже основательно. Во-первых, Протагор ставит тепло и холод в зависимость от чувств, ощущений разных людей. Это субъективно, относительно. На самом же деле тепло или холод зависит не только от того, как кто-то оделся. Температура ветра или любой другой реальности повышается или понижается независимо от того, чувствуем мы это или нет. То же самое с белизмой. Глаз действительно необходим, чтобы белизну увидеть. И тем не менее белизна как свойство определенной реальности отражать определенную часть спектра света существует независимо от сознания. Если же идти вслед за субъективной относительностью Протагора и Платона, то рано или поздно мы придем к заключению, что предмет, конкретное, не только существуют для сознания, но и не могут существовать без сознания. А это, как мне представляется, уже идеологическая требуха.

Собеседники помолчали и занялись едой.

— Ты должен быть снисходительнее к философам моего времени, — заговорил Горгий. — Мы открывали истину исключительно наблюдая природу и делая мысленные заключения и обобщения. У вас же, как я представляю, есть точные приборы, ваша техника позволила вам освоить космос и побывать на Луне.

— Никакая техника не избавит от дефектов или достоинств мышления. Человек мыслящий по-прежнему остается мерой всех вещей.

— Вот еще один пример из Протагора: «Если пред нами имеется шесть кубов, возле которых мы ставим еще четыре других, то мы скажем о первых, что их больше, если же мы.

напротив, поставили рядом с ними двенадцать кубов, то мы скажем, что первых меньше. Так об одном и том же мы говорим, что оно и больше, и меньше, то «большее и меньшее» есть лишь относительное определение».

— Опять-таки, — возразил Узник, — это чисто внешняя, я бы сказал, детская относительность, а значит, и детская диалектика. Но даже для «детской диалектики», количественные примеры не столь убедительны. Каждый человек, если он в здравом рассудке согласится, что шесть кубов — это больше, чем четыре куба. Следовательно, никакой относительности здесь нет. Более убедительным примером для Протагора здесь может быть обыкновенный шест. Поставьте его вертикально — и вы отметите, что у шеста появился верх и низ. Начните вращать шест над головой — и появится ось вращения. Бросьте шест на землю — и убедитесь в том, что у него появится левая и правая сторона. Вот чистая относительность, которыми наделяет наше сознание предмет. Однако, в сущности у шеста нет ни верха, ни низа, ни правой стороны, ни левой. Всеми подобными определениями предмет наделяет сознание для удобства представления о положении шеста. Но шесту до этого нет дела. Подлинная, глубинная диалектика предмета находится в нем самом, а не в нашем сознании.

Горгий: Мне никогда не нравились эти примеры: больше — меньше, одно зерно или куча... Сущее должно быть либо единицей, либо множеством, но не может быть ни тем, ни другим, ибо если оно единица, то оно величина или непрерывность, или количество, или тело, но все это не есть единица, а различно, делимо. Каждая чувственная единица необходимо есть на самом деле инобытие, многообразие. Если же оно не есть единица, то оно не может быть также и множеством, ибо множество есть много единиц. Это своего рода исчезающие моменты: единица превращается во множество, и, наоборот, множество есть единица,

Узник, внимательно слушавший философа, даже встал от волнения и пожал Горгию руку.

— Bravo! — воскликнул Узник, — Bravo! 1Л еще раз bravo! Высказанная тобой мысль может служить, во-первых,

определением бесконечной и неделимой материи. И коль множество есть единица, то и мы с тобой и наше сознание — есть часть, единица великого множества единой материи. А во-вторых, «исчезающие моменты» как бытие и небытие! Еще Ленин отметил это твое прекрасное определение диалектики. Где границы бытия и небытия? Вот над чем следует ломать голову философам.

Философ улыбнулся, польщенный похвалой, плеснул в свою чашу вина из кувшина и жестом пригласил узника продолжить трапезу.

— Мы и думали об этом, — продолжил Горгий. — Возьми представление о точке. Точка, по нашему представлению, не имеет границ. Однако, каким бы тонким пером мы не пытались изобразить точку на пергаменте, при взгляде на нее через увеличительное стекло мы увидим ее протяженность и границы. Следовательно, мыслимое всегда субъективно и, стало быть, оно и есть существующее, так как посредством мышления мы превращаем существующее в мыслимое.

— Приехали! — нахмурился Узник. — Шило-мочало -начинай все сначала. Только что ты, Горгий, правильно предполагал, что целое есть множество. Мы не можем познать целое, но часть этого целого, относительную истину, мы можем постичь.

— Ответ очевиден. Никто не обладает всей истиной, а лишь некоей относительной истиной.

— Значит, то относительное, что мы познаем, существует в реалии, а не в сознании, а то, что мы не познали, тоже существует, но мы пока его не знаем, для нашего сознания его нет.

— Существует ли точка?

— Только в нашем сознании! Это то же самое, что верх и низ у шеста. Мы могли бы обозначить точку ничтожно малой частицей материи, которую не увидишь ни под самым сильным увеличительным стеклом, ни под электронным микроскопом. Эту частицу зовут нейтрино. Однако твои «исчезающие моменты» сыграют с нами веселую шутку: нейтрино не существует в определенной точке, оно существует только со скоростью света, передвигаясь в целом, бесконечном пространстве.

— Знаешь, Узник, я рад, что встретил тебя. В мое время ничего не слышали о нейтринно. Но твой рассказ убедил меня в моей правоте: ничто не существует, если даже существует, то непознаваемо, и если познаваемо, как твое нейтринно, то сообщение о познанном невозможно. Ведь твоя речь, посредством которой ты хотел высказать сущее о нейтринно, не есть сущее, следовательно, то, что ты сообщил, это не самый предмет, а только речь.

— А кто спорит?! — пожал Узник плечами. — Разумеется, моя речь не могла передать сути. Однако, главное, ты запомнишь: точка нейтринно существует лишь как движение со скоростью триста тысяч километров в секунду. Не станешь же ты опровергать меня на основе «здорового смысла»?

— Здравый смысл — это предрассудки своего времени, а всякая философия идет дальше «здорового смысла», ибо здравый смысл не есть философия.

Нередко здравый смысл уводит нас от истины. До Коперника, например, здравым смыслом было утверждение о том, что Солнце вращается вокруг Земли, но то, что здравый смысл наблюдал ежедневно, оказалось относительным, а не истинным.

Горгий выслушал и продолжал молчать. Стало слышно, как ветер шепчется в листьях платана. У ног собеседников заиграли пятна солнечного света, пробивающиеся сквозь густую листву. Горгий поднял опущенную голову и посмотрел узнику прямо в глаза: — Мне скоро идти на службу, — сказал философ. — Запомни последнее, что я скажу тебе: то, что есть — есть либо в себе и не имеет начала, либо возникло. Первое предположение невозможно, ибо то, что есть в себе, не имеет начала, следовательно, бесконечно. Раз бесконечно, то полностью его нельзя определить, и оно неопределено. Но бытие также и не возникло, потому что если бы оно возникло, оно должно было бы возникнуть либо из сущего, либо не из сущего. Из сущего оно не возникло, ибо в таком случае оно уже есть, но оно также и не возникло из не-сущего, потому что последнее не может ничего порождать.

— Что ж, — опечалился Узник. Вино, содержащееся в кувшине, заканчивается, оно конечно. Вопрос — в чем со-держится кувшин?.. И так до бесконечности... Я тоже очень рад, что встретил тебя, Горгий. Одна из твоих величайших мыслей о том, что «бытие не возникло», свидетельствует о том, что ты имел мужество заглянуть в Бездну материи и осознать, что она вечна и непреходяща, ты понял, что без-дна соединяет противоположное: бытие и небытие. А то, что ты не смог согласиться с бесконечностью?.. По-человечески тебя можно понять: ты заглянул в Бездну и тебе стало страшно. Тем, кто осмелится сделать это вслед за тобой, будет уже легче. Прощай!..

В стальной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы в Мос-кве с лязгом откидывается притвор. Голос:

— Обед. Щи, каша перловая.

За решеткой смеется зимнее солнце 13 января 1994 года новой эры.

Глава 5

ЗАКОН

*И у свободы он в почете
И неподвластен никому.
И ложь в сусальной позолоте
Не смеет подступить к нему.*
Расул Гамзатов

«...рассказывают о Сократе, который мог равно воздерживаться или отведать там, где многие и в воздержании бесильны, и в наслаждении безудержны. А вот иметь силу на это, да еще хранить трезвость как в том, так и в другом — это свойство человека со сдержанной и неодолимой душой...»

Марк Аврелий Антонин. Размышления.

В 22.00 по московскому времени надзиратель Лефортовской тюрьмы откидывает притвор стальной двери камеры 32: «Отбой!». В тюремную камеру входят древнегреческие философы. С ними Гегель, Диоген, не здороваясь, продолжает спорить с Платоном.

Диоген: Скажи, Платон, если ты увидишь на земле пшеничное зерно, можешь ли ты сказать, что перед тобой — куча зерна?

Платон: Нет. Я скажу, что вижу одно зерно,

Диоген: Добавим к этому зерну, еще одно, изменишь ли ты свое мнение?

Платон: Нет.

Диоген: А если прибавим еще одно зерно?

Платон: Все равно — три зерна кучи не сделают.

Диоген: Я буду прибавлять по зерну целый день и целую неделю и, наконец, брошу еще одно зерно...

Платон: Тогда, видимо, я вынужден буду признать, что благодаря твоему терпению, ты набросал передо мною кучу зерен.

Диоген: Но как может одно, добавленное мною зерно, вдруг образовать кучу. Ведь ты же сам утверждал, что одно зерно — это не куча. Согласись, что единичное переходит в свою противоположность — множество.

Платон: Я вынужден признать твою правоту и твою мудрость, Диоген.

Узник: Сдается мне, что этот спор напоминает нам кубы Протагора и его размышления об относительности понятий «больше» и «меньше». На первый взгляд, в примере с одним зерном и кучей мы опять имеем неотъемлемое условия диалектики: переход количественных изменений в качественные. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле — простое увеличение числа предметов еще не дает нам диалектику, то есть борьбу противоположностей.

Ленин: Диалектика прячется в самом предмете.

Узник: И древние философы это понимали. Знаю, Ильичу не понравится источник, но я процитирую, что говорит об этом зерне Евангелие.

Ленин: Не надо причислять меня без всяких причин к ископаемым ортодоксам. Я терпеть не могу поповщину, но с уважением отношусь к текстам Библии как памятнику человеческой культуры.

Узник: Всем известна притча Христа о сеятеле. В частности, там говорится, что спасется лишь то зерно, которое попадет в глубокую пашню, прорастет и пустит корни. То есть зерно (плод) превращается в свою противоположность (корни). Конечный результат — количественный рост числа зерен независимо от воли Диогена или всякого другого, пожелавшего превратить одно зерно в кучу.

Ленин: Пример хорош. Хотя должен отметить, батенька, что вы весьма вольно «отредактировали» начало 13-ой главы Евангелия от Матфея. Но пример правильно указывает на скрытую, внутреннюю диалектику предмета.

Диоген: А я говорю вам, что даже прибавляя по одному зерну, мы в конце концов получим не одно зерно, а качественно новый предмет — кучу.

Сократ: Но в этом случае прав Протагор: все относительно. Для одного это будет куча, а для другого — нет. Что считать «кучей»?

Узник: Эврика! Мне кажется, прав и Диоген. Да, глубинная диалектика — свойство самого предмета. Однако и простое увеличение числа предметов может привести к выявлению сути этой диалектики. Оставьте одно зерно лежать в темном чулане и через год вы найдете его таким же, неизменившимся. Однако если вы оставите без движения кучу зерна, уже через несколько дней вы обнаружите, что температура внутри кучи начинает повышаться. Еще несколько дней — и зерно в куче «загорится», начнет прорастать. Таким образом общее (куча) помогает индивидуальному (зерну) проявить глубинную сущность — стремление прорасти. Это свойство массы зерна знают все, кто хранит урожай. Стоит работникам элеватора нарушить режим постоянной подсушки и перемещения «кучи», как она начинает бунтовать, растет температура, зерно или самовозгорается или, расширившись, рвет армированный бетон элеватора, словно это прогнивший пергамент.

Сократ: Да, любопытное наблюдение: общее помогает индивидуальности выявить скрытую в нем сущность. Я полагаю, что цель индивида как раз и состоит в том, чтобы самому, опираясь только на себя, выявить сущность свою и всех вещей.

Узник: Мой пример прорастания зерен в куче — пример экстремальный, когда индивидуальное зерно лишено возможности прорасти, «казнить себя» в естественных равных для всех зерен кучи условиях.

Сократ: А могут ли «экстремальные условия» сложиться так, что от одного зерна будет зависеть судьба кучи, от одного индивида судьба общего?

Узник: Думаю, что в случае с кучей это невозможно. Что касается мыслящих, человеческого общества, я затрудняюсь дать ответ на твой вопрос. Есть примеры, когда индивид, личность, нес обществу добро и. помогал подвинуть его на высшую ступень развития. И есть другие при-

меры, когда зло высших злодеев задерживало развитие общего. Зачем далеко ходить? Сегодняшняя Россия тому пример. Но в конце концов, добро, свойственное общему, отрицало зло индивида, тиранов свергали, и народы пронали их.

Диоген: Раз так, то следуя нашему правилу, для дальнейшего движения к истине следует определить, что есть добро? Ради всех богов, Сократ, скажи нам, что есть добродетель?!..

Сократ: Добродетель — цель, к которой стремится человек, чтобы быть полезным себе, своим близким и государству. Это суждение требует, как ты понимаешь, конкретных дел и дел справедливых.

Диоген: Ты прав, Сократ! Нельзя же назвать добрым и справедливым человека, который прожигает свою жизнь, лодырничает, бражничает и уклоняется от полезного труда.

Сократ: Как ремесленники могут указать, в чем состоят их работы, так и справедливые, полагаю, могут указать, в чем состоят их дела.

Диоген: С этим нельзя не согласиться.

Сократ: Тогда напишем на одной стороне под буквой «А» дела справедливого человека, а на другой — под буквой «Б» дела несправедливого человека.

Диоген: В таком случае пиши на стороне «Б» следующее: ложь, обман, грабеж, обращение свободного человека в раба — суть деяния несправедливого человека.

Узник: Добавь сюда же злостное невыполнение предвыборных обязательств, разрушение государства вопреки воле народа, клятвопреступление, попрание Конституции, уклонение от воинской службы посредством членовредительства и вы получите портрет самого известного в России руководителя.

Сократ: Возможно ли такое, чтобы государственный деятель занимался грабежом?! Сдается мне, здесь явное преувеличение.

Узник: Ничуть! До этого государственного деятеля у нас практически в каждой семье имелись сбережения. Из-за безумной экономической политики, навязанной им, нача-

лась бешеная инфляция — обесценивание денег — и осе сбережения пошли прахом. Десятки миллионов людей оказались ограбленными. Диоген: Разбойник!

Узник: А присмотритесь к кисти его левой руки, которую он бережно прячет от взора кинокамер.

Сократ: На ней нет большого и указательного пальцев. Вероятно, он потерял их в битве с врагами отечества.

Узник: Ты слишком хорошего мнения о нашем правителе, Сократ! Это действительно произошло во время кровавой изнурительной войны, которую вел наш народ с захватчиками, пришедшими с Запада. Схватка была настолько жестокой, что рядом с воинами-мужчинами на земле и в небе сражались женщины. Дети помогали отцам: следили за передвижением врага, похищали у него патроны и даже оружие. Наш будущий руководитель в то время был уже отроком, но пока его сверстники с риском для жизни пробирались на склады вражеской армии, он, живя в глубоком тылу, залез на склад своей армии, украл гранату, притащил ее в школу и после занятий вместе с друзьями попытался разобрать. Граната разорвалась. Одного мальчишка убило, а нашему будущему руководителю оторвало пальцы левой руки. От тюрьмы, как пишут патриотические газеты, его спас отец, работавший в то время большим строительным начальником.

Сократ: Этот конкретный пример с государственным руководителем России прекрасно подтверждает, что в одном случае воровство оружия и убийство мы должны записать на сторону несправедливого человека...

Узник: Позже я расскажу вам, как он же приказал расстрелять людей, выступивших в защиту поправленного им Закона...

Сократ: ...А в другом случае — воровство оружия со склада врага, воюющего против твоего народа, умерщвление врага с помощью захваченного оружия — героизм.

Диоген: И мы, не колеблясь, должны записать в этом случае дела таких людей на сторону добродетели, на сторону «А». Выходит, добро или зло зависит от того, против кого направлены действия: если против врагов -это добродетель; если против друзей, против своего народа — это зло.

Сократ: Не совсем так. Если военачальник, видя, что его собственная армия начинает поддаваться страху в решающий момент сражения, обманывает своих солдат для того, чтоб вести их к победе, и для этого лжет, уверяя, что к ним подходит помощь, не нужно ли называть этот поступок справедливым?

Диоген: Думаю, что да.

Узник: Думаю, что все зависит от результатов сражения. Настоящий полководец еще до сражения должен точно знать свои силы. И если их недостаточно для победы, лучше отступить. Иначе получится то, что произошло у Верховного Совета России 4 октября 1993 года новой эры. Верховный Совет назначил полководцев: министра обороны и его заместителя, министра безопасности, министра внутренних дел. Они приняли эти посты, но армии у них не было, кроме безоружной толпы людей да горстки вооружившихся автоматами. Полководцы уверяли, что вот-вот подойдет подкрепление, что уже идут батальоны на помощь защитникам Конституции. Но это оказалось неправдой. Полководцы и депутаты, назначившие их, не позаботились раньше о том, чтобы помощь действительно пришла. Это была роковая ошибка.

Сократ: И опять мы получаем, что в одном случае дела человека должны считаться добродетелью, а в другом нет. А если больной ребенок не хочет принять лекарство, а отец примешивает это лекарство в пищу, и ребенок благодаря этому выздоравливает, то справедливо ли это?

Диоген: Да, это справедливо. Отец творил добро.

Сократ: Вот видишь, в одном случае обман есть зло, в другом — высшее добро и справедливость.

Диоген: Твои суждения, Сократ, смутят кого угодно. Я и сам начинаю сомневаться: существует ли добро на самом деле или нет.

Сократ: Без человека, без его дел добро не существует.

Диоген: Ты противоречишь самому себе: только что ты утверждал, что добро есть цель, к которой стремится человек. А теперь ты говоришь, что добро не существует без человека. Скажи нам прямо: можешь ли ты научить нас добру?

Платон: Человек ничему не может научиться, не может научиться также и добродетели.

Сократ: Спасибо, друг Платон, за верную мысль. Добро не приходит извне, оно находится в природе духа, а потому научить добру невозможно. В природе все относительно, добро же мы получаем посредством знания из сознания, которое не зависит ни от чьей воли, кроме моей собственной. Следовательно, благодаря мышлению я познаю добро как в себе и как всеобщее. Сознание из самого себя черпает понимание истины и добра.

Узник: Из твоего определения, Сократ, исчезает понятие реальной действительности, исчезает понятие ЗАКОНА, без которого невозможно определить, что есть добро в каждом конкретном случае и в данных обстоятельствах.

Сократ: Если человек познал самого себя, познал свое сознание, он сам из себя выводит понятие добра.

Узник: Следовательно, и закон человек способен вывести из себя?

Сократ: Да.

Узник: Не войдет ли твой закон «из себя» в противоречие с законом «из меня»?

Сократ: Если ты действительно познал свое сознание, это исключено. Истина и добро всеобща и неделима.

Узник: Сдается мне, Сократ, что общество даже сегодня далеко не готово к тому, чтобы воспринять «закон из себя» каждого индивида. Ты на каждом шагу будешь наткаться на закон, признанный обществом. Боюсь, что при этом ты набьешь себе немало шишек.

Сократ: Но если общество отвергает полученный с помощью знания чистый «закон из себя», значит, законы этого общества служат не человеку, а какой-то группе людей, возможно, тирану.

Узник: Ты прав, Сократ. Общественные законы служат определенным группам людей, классам, как мы говорим сегодня.

Сократ: Но это и есть несправедливость! Закон должен служить человеку.

Узник: Согласен! Но закон из себя каждого индивида сможет беспрепятственно реализоваться только в том слу-

чае, когда общество преодолет деление на группы (на классы). Тогда каждый «закон из себя» в силу образованности людей, в силу их постоянной заботы об общем благе войдет в гармонию с «законом из себя» всего общества. До тех пор, пока все общество несовершенно, оно не потерпит совершенства индивида.

Платон: Жизнь самого Сократа и судьба его учения тому доказательство. Так, любимцы Сократа, люди, одаренные гениальными природными способностями, как, например, Алкивиад, этот игравший афинянами гений легкомыслия, и Критий, самый деятельный из тридцати тиранов, руководствуясь только «законом из себя», сыграли такую роль, что в Афинах их считали изменниками и врагами своих сограждан, тиранами государства.

Узник: История повторяется через века в России. Общество расколото, вот-вот вспыхнет гражданская война, а правители, вместо того, чтобы руководствоваться общественным законом (Конституцией) попирают право, руководствуясь законом «из себя». Это и есть тирания.

Гегель: Следует отметить, что во времена Сократа афинский народ переживал полосу осмысления своего бытия; наступила неуверенность в сущем законе как сущем. Заколебалось то, что считалось сущим правом (определенным богами), наступила высшая свобода в отношении всякого бытия и всякой значимости. Это возвращение в себя представляет собою высший расцвет греческого духа, поскольку оно есть уже не только бытие нравов, но живое их сознание, которое все еще имеет то же самое содержание, но как дух движется в нем уже свободно. Эта высшая жизненность нравственности есть как бы свободное сознание собственного достоинства, радостное наслаждение этим чувством, сознание и бытие здесь имеют непосредственно одинаковую ценность, одинаковое достоинство; то, что есть, есть сознание; ни одно сознание не властвует над другим; сила законов не является игом для сознания, и точно также всякая реальность не есть для этого сознания противодействие, ибо уверено в себе. Непосредственное больше не имеет силы, а должно оправдать себя перед мыслью. С этой высшей точки

зрения нужно рассматривать как Сократа, так и афинский народ и Сократа в нем. Здесь начинается рефлексия сознания в само себя, знание сознания о себе, как таковом, что оно есть сущность или, если угодно, знание, что бог есть дух. А если угодно выразить это в более чувственной форме, то, скажем, понимание того, что бог принимает образ человека.

Ленин: Bravo, Гегель! Вот пример того, что умный идеализм может быть ближе к материализму, чем дурной материализм. Вы, во-первых, изобразили торжество разума в бесклассовом обществе, когда государство отмирает, во-вторых, и это очень важно, низвели богов с небес на землю, уравнивая его с обычным человеком. Bravo!

Узник: От закона мы перешли к более широкому понятию — праву. Время позднее, а потому предлагаю обсудить этот вопрос в следующий раз. А так как завтра 16 января 1994 года новой эры — воскресенье, то все нормальные смертные отдыхают.

Диоген: Я смертен и ничто человеческое мне не чуждо.

Узник: В таком случае завтра отдыхаем. Но если Гегель не против, я мог бы встретиться с ним, чтобы поговорить о Сократе. Прощайте.

Глава 6

СОКРАТ

16 января 1994 года новой эры. В 22.00 по московскому времени после объявления отбоя в камере 32 Лефортовской тюрьмы, появляется Гегель.

Узник: Здравствуйте! Я ждал вас.

Гегель: Добрый вечер. Чем могу быть полезным? Ведь, насколько я могу судить по нашим предыдущим беседам, вы материалист. А ваши классики, точнее Ульянов-Ленин, меня не жаловали. Загляните в ленинский конспект моих лекций! Давайте откроем на любой странице. (Открывает книгу на столике Узника).

Гегель: Вот, пожалуйста! «Подробно размазывает Гегель натурфилософию Платона, архивздорную мистику идей, вроде того, что «сущность чувственных вещей есть треугольник» и т.п., мистический вздор. Это прехарактерно. Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жуе мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Сравни Гегель о Демокрите — ничего! О Платоне — тьма размазни мистической». Конец цитаты. Так чего же вы, считающий себя учеником и последователем Ленина, хотите от «мистика идеалиста-спиритуалиста» Гегеля? Очередной порции «размазни»?

Узник: Не церемонился Ильич. Но и вы, извините, хороши! Чего стоит ваше «сущность чувственных вещей есть треугольник». От этого у кого хочешь несварение желудка произойдет. Не дуйтесь, профессор! К тому же в других местах Ленин хвалит вас.

Гегель: Да вот и здесь он признает, что о Демокрите у меня «ничего»!

Узник: По сути, по глубине мысли вы не столь расходитесь, сколько приближаетесь друг к другу.

Гегель: Утешаете старика?

Узник: Отнюдь! Что значит ваша «абсолютная истина» или «всеобщий мировой дух»? Назовите это другим словам, и пропасть между вами и Лениным исчезнет.

Гегель: Каким же?

Узник: Материя! Материя, существующая независимо от нашего сознания, вечная и бесконечная субстанция, стремящаяся в своем развитии познать самое себя. Разве это не одно и то же, что «абсолютная идея, созерцающая себя через человеческое сознание»?

Гегель: Любопытно.

Узник: Все дело в том, что вы настырно, простите за грубое слово, отрываете сознание от реального бытия, считая конкретность низкой обывательской категорией, зависящей от ощущений и существующей лишь благодаря нашему сознанию. Ленин же еще более настырно настаивает на том, что бытие, материя, существует независимо от нас и вне нас. Таким образом, сознание опять отдалается от бытия, только по-другому. Истина же, на мой взгляд, состоит в том, что хотя всеобщее бытие и существует независимо от сознания, последнее есть часть всеобщего бытия. Да, бытие первично, сознание вторично. Но было бы неверным на основании первичности и вторичности отрывать сознание от бытия. Это как родник из земли. Родник уже не земля, но без нее существовать не может.

Гегель: Эти утверждения требуют осмысления. Вы меня звали для этого?

Узник: Нет. Я хотел побеседовать с вами о Сократе.

Гегель: Почему именно о Сократе?

Узник: Да ведь Сократ первым из философов разрешил основной вопрос философии, а именно: что первично — бытие или сознание.

Гегель: Напомню вам, что во времена античной Греции этот вопрос еще не был сформулирован.

Узник: Не был выражен в словах, вы хотели сказать, профессор! А сам вопрос, существовал, и именно над ним ломали голову древние. На это вы и указываете в своих лекциях.

Гегель: Принимается как очевидное. Но почему вы решили, что именно Сократу принадлежит честь разрешения вопроса, который в его время еще не был выражен в словах?

Узник: А разве не Сократ первым обратил мысль внутрь себя, на сознание?

Гегель: Да, это так. Я писал об этом.

Узник: Вот именно! Вы пишете, что Сократ «рефлектирует» мысль на сознание, потому что оно единственное, что открывает мысли свою сущность без посредников. Заметьте, Сократ никогда не унижал бытие, не игнорировал окружающий мир, но понимая, что ближе всего к мысли в чистом, непосредственном, так сказать, виде находится сама мысль (сознание), призывает: «Познай самого себя». Познавать себя, познать сущность сознания — это и есть самый надежный, самый энергосберегающий путь к истине. Ведь если сознание, мысль есть квинтэссенция, плод развития материи в ее стремлении осознать себя, не разумнее ли познать непосредственно сознание, а не запутываться в ветвях бесконечного древа. Опять-таки не случайно сказано: древо познается по плодам. Сократ сознательно выбрал волшебный плод материи — сознание, ибо понимал: там истина, добро. И что самое замечательное, так это мысль Сократа о том, что истина, добро не могут оставаться в качестве абстрактной принадлежности сознания, они требуют утверждения в реальных делах, в реальном бытии. Следовательно, бытие (материальное), реализуя свое внутреннее стремление познать себя, находит его в идеальном (сознании), в свою очередь, сознание тут же стремится утвердить себя в конкретной форме, в конкретных делах, в бытии. Сократ инстинктивно подметил эту ностальгию идеального по материальному. Сознание без природы — фальшь.

Гегель: Я не отрицал, что лишь в мышлении имеется нечто истинное совпадение объективного и субъективного.

Узник: Сократ первым возвел это положение в принцип, поэтому я и хотел побеседовать о нем.

Гегель: Что ж, великая фигура Сократа заслуживает обстоятельного разговора. Это всемирно-историческая личность, один из учителей человечества, которые оказали и всегда будут оказывать влияние на наше развитие. Он жил среди своих сограждан и стоит перед нами, как один из тех великих пластических характеров, высеченных из единого куска, какие мы привыкли видеть в ту эпоху как завершенное классическое произведение искусства, само себя под-

нявшее на эту высоту. Такие личности не созданы природой, а самостоятельно сделали себя тем, чем они были; они стали тем, чем они хотели быть, и остались верными этому своему стремлению до конца жизни.

Узник: Что вы можете сказать о родителях Сократа, в какой обстановке он рос?

Гегель: Сократ родился в 4-м году 77-й олимпиады (это 469 год до рождения Христа). Он был сыном скульптора Софрониска и повивальной бабки Фелареты. Отец обучил его скульптуре, и Сократ достиг больших успехов в этом искусстве. Ему приписывают авторство статуй одетых граций, находившихся в афинском Акрополе. Работа скульптора, да будет тебе известно, развивает необыкновенную силу рук. Впоследствии это сыграло важную роль в военных походах Сократа. Он владел мечом в совершенстве и мог одним ударом выбить оружие из рук противника. Сократ не нуждался в щите впереди себя, он носил его на спине, чтобы защититься от предательских ударов. Во время его первого военного похода и длительной осады фракийского города Потидея одним из его учеников стал Алквиад. Однажды в сражении Алквиад был ранен и его окружили враги, чтобы пленить и превратить в раба. Сократ без всякого на то приказа, повинувшись только внутреннему позыву, бросился вперед, разбил своим мечом кольцо окружения и вывел Алквиада с поля битвы. Военачальники хотели за этот подвиг увенчать Сократа лавровым венком, что служило тогда наградой храбрейшим воинам, но он отказался и настоял, чтобы венок был присужден Алквиаду.

Другой поход Сократ проделал в Беотии, где у Делиона, находившегося недалеко от моря и принадлежавшего афинянам маленького укрепления, афиняне дали неудачное, но не имевшее большого значения сражение. Афиняне бежали. И во время всеобщей паники и неразберихи Сократ увидел, что его любимый ученик Ксенофонт потерял копье и лежит раненый на земле. Сократ, перебросив свой щит за спину, бросился назад на поле боя. Изумленные афиняне видели, как над головами врагов, набросившихся на Сократа, молниями взлетали мечи, выбитые из их рук. Прием Сократа и

его руки скульптора вновь сослужили ему верную службу. Он отбил Ксенофонта, взвалил его к себе на плечо и с величайшим спокойствием, отбиваясь мечом от преследователей, вернулся к своим.

Затем Сократ проделал свой третий поход в Эдониде у Стримонского залива. Во время этих походов афиняне заметили, что иногда Сократ погружался в столь глубокое размышление, что не замечал ничего вокруг. Однажды он простоял так, не двигаясь с места, весь день и всю ночь, и лишь восход солнца вывел его из экстаза.

Узник: Афиняне знали Сократа больше как воина или как философа?

Гегель: Безусловно, как философа в первую очередь. Если ионийцы изобрели философию природы, то Сократ прибавил этику, а уж затем Платон внес диалектику. Главная заслуга Сократа, а это отмечал и Цицерон, и многие другие, состоит в том, что он низвел философию с небес на землю, ввел ее в хижины и в повседневную жизнь человека, или, как выражается Диоген Лаэртций, вывел ее на рынок. Благодаря Сократу, его способности подвергать сомнению устоявшиеся повседневные истины, потребность мыслить, искать всеобщую истину стала духовным выражением общества в античной Греции.

Узник: Необычный ум и способности Сократа могли пробудить в нем гордыню, высокомерное отношение к окружающим, тем, кто не «владеет истиной».

Гегель: Напротив! Пример Сократа как раз говорит нам о том, что обладание истиной делает человека в высшей степени человечным. Поведение Сократа в отношении других было не только справедливо, правдиво, откровенно, лишено суровости, честно, но мы видим в нем также пример тщательнейшим образом выработанной аттической светскости, то есть свободы в отношениях с людьми, открытой разговорчивости, которая никогда не забывается и, обладая внутренней всеобщностью, вместе с тем находит правильное, живое отношение, соответствующее лицам, с которыми происходит общение, и положение, в котором оно происходит. Общение Сок| эта — это обращение в высшей степени об-

разованного человека, который при всем остроумии не вносит в свои отношения с другими людьми ничего личного и избегает всего неприятного. Сократические диалоги Ксенофонта и в особенности Платона представляют собой высшие образцы этой тонкой общественной культуры.

Узник: То, как вы, профессор, характеризовали умение Сократа общаться с людьми независимо от их положения в обществе, могло бы послужить наставлением всякому, кто претендует на роль культурного, образованного человека. Казалось бы, чего проще: каждый человек -землекоп, космонавт, пастух и президент — несет в своем сознании определенную часть всеобщей истины и уже поэтому заслуживает уважения, равноуважительного обращения. К сожалению, когда общество пятится в своем развитии назад, когда начинается гниение, сократовский подход к человеку отбрасывается цинично и грубо. В такие периоды, какой переживает сейчас Россия, человека ценят не за то, что он человек, а за его кошелек, и те люди, которые по своему положению писателей, актеров, политиков, должны были бы защищать достоинство человека, начинают топтать его, называя простого человека «быдлом», «недоумками», «шариковыми». Воистину, не то оскверняет уста, что входит в них, а то, что выходит из Уст. Придет время, расскаются «мастера культуры», да поздно будет. Простите, профессор, что я отвлекся от темы. Вернемся к великой фигуре Сократа. Каким он был в быту?

Гегель: Сократ был невозмутимым благочестивым образцом моральной добродетели: мудрости, скромности, воздержания, умеренности, справедливости, храбрости, непреклонности, твердой законности перед лицом тиранов и народа. Он был равно далек как от корыстолюбия, гак и от властолюбия. Его равнодушие к деньгам было делом собственного решения, ибо согласно нравам того времени он мог зарабатывать деньги, подобно другим учителям, преподавая свою науку молодежи. Но в Древней Греции заработок был еще делом свободного выбора, и Сократ предпочел ничего не брать со своих учеников за обучение. Умеренность его образа жизни также была порождением силы сознания.

Но эта умеренность была не установленным принципом, а вытекала лишь из того, что он сообразовался со своими средствами. В обществе же он был кутила. Платон заметил, что на пирах Сократ пил и ел не меньше других, но никогда не пьянел и всю ночь напролет с кубком в руке мог беседовать с Аристофаном на тему: может ли один и тот же человек писать и трагедии, и комедии. После пира Сократ как ни в чем ни бывало отправлялся в Академию, чтобы, прогуливаясь среди деревьев, предаваться своему любимому занятию: беседам с учениками или спорам с философами.

Узник: Как же случилось, что при таком идеальном, гармоничном характере, при таком образцовом выполнении гражданского долга (участие в трех боевых походах) Сократ был заключен в тюрьму?

Гегель: Следует отметить, что до обвинительной жалобы на Сократа комедиограф Аристофан написал комедию «Облака». В отличие от других комедий Аристофана, эта не только не заняла призового места на традиционном конкурсе, но даже была названа в числе последних «Облака» стали намеренным протестом именно против сократовской философии. Комизм пьесы строился на том, что изображенный в ней Сократ своими моральными усилиями осуществлял противоположное тому, к чему он стремился.

Узник: Однако как всякий осведомитель Аристофан не брезгует грубым домыслом. Так, у него Сократ всегда ходит с открытым ртом, и даже презренная ящерица с крыши его дома успевает накласть туда свои экскременты. Может быть, юмор греческого общества был в зачаточном состоянии, но думаю, что Аристофан в «Облаках» в чем-то предвосхитил маразм «мастеров культуры» в России конца XX века.

Гегель: Как бы то ни было, но после «Облаков» на свет появилось конкретное обвинение.

Узник: Как формулировалось обвинение?

Гегель: Оно состояло из двух пунктов: «Сократ не почитает богами тех богов, которых считает таковыми афинский народ, и вводит новых богов; он, кроме того, развращает молодежь».

Узник: Во все времена обвинения страдают отсутствием конкретности. Меня обвинили в том, что будто бы я являюсь

«организатором массовых беспорядков в Москве 3-4 октября 1993 года». На чем конкретно основывалось обвинение, выдвинутое против Сократа?

Гегель: Видишь ли, греки, согласно своим обычаям, всегда спрашивали своих богов через оракула, как им поступать в том или ином случае. Сократ же учил других находить истину в самом себе и не нуждался сам в советах оракула. Таким образом, он сам становился богом.

Узник: Имел ли Сократ право нанять защитника?

Гегель: Он предпочел самозащиту.

Узник: Что он ответил по первому пункту обвинения?

Гегель: Во-первых, Сократ отвечает, что он всегда приносил, как и все другие, те же самые жертвы на общественных алтарях. Это видели все его сограждане, и его обвинители также могли это видеть. Что же касается того, что он вводит новых демонов (богов), — обвинения, выдвинутого против него потому, что ему является голос божий, указывающий ему, что он должен делать, — то он должен сослаться на то, что оракулы также считают божественными полет птиц, положение внутренностей жертвенных животных и даже гром и молнию.

Узник: Что ответили на это судьи?

Гегель: По свидетельству Ксенофонта, «ими овладело беспокойство, одними потому, что они не верили тому, что говорил Сократ, а другими из зависти, что боги удостоили его чем-то более высоким, чем их самих».

Узник: Ксенофонт точен в своих наблюдениях. Всякий раз, когда в обществе появляется человек, выражающий то, что думает, чего хочет большинство граждан, такой человек возбуждает зависть одних «а почему я не лидер, почему не за мной идут люди» и ненависть других, которые знают, что за ними не идут потому именно, что они скрывают правду, лгут людям.

Скажите мне, как обосновывался второй пункт обвинения против Сократа?

Гегель: Что касается второго пункта обвинения, гласившего, что Сократ развращает молодежь, то следует указать, что он против этого пункта выставил следующее возраже-

ние: дельфийский оракул сказал, что нет ни одного человека, который был бы так справедлив, так благороден и так мудр, как Сократ. И затем он противопоставил этому обвинению всю свою жизнь. Соблазнил ли он хоть кого-нибудь — и в особенности тех, с которыми он общался — примером, который он им давал?

Узник: То есть Сократ указывает, что даже среди его окружения не нашлось охотников вести подобный образ жизни. И что же суд?

Гегель: Общее обвинение пришлось определить точнее, и выступили свидетели. «Менит, — пишет Ксенофонт, — показал, что он знает юношей, которых Сократ убеждает слушаться его больше, чем своих родителей.» Другой свидетель — Анит — подтвердил это заявление достаточными данными. Анит сделался врагом Сократа после того, как Сократ посоветовал ему не готовить сына в кожевники, а дать ему воспитание, достойное свободного человека. При этом Сократ сказал отцу, что у его сына имеются большие способности, и если не дать этим способностям раскрыться, то молодой человек запыет.

Узник: Черт возьми! Опять верно! Да еще как! У моего народа, у нашей молодежи с некоторых пор отнимают возможность раскрыть посредством образования способности, которые они имеют от рождения. Образование в России становится платным, и при этом стоит бешеным денег. И что же? Повсюду мы наблюдаем пьянство, наркоманию. Народ вынужден компенсировать свои нераскрытые способности дурманом.

Гегель: Анит был кожевником и, хотя всю работу выполняли рабы, он не пожелал дать образование своему сыну. Как и предрекал Сократ, молодой человек спился. Отец потерял наследника.

Обвинение было признано судьями доказанным.

Узник: Какой приговор они вынесли Сократу?

Гегель: Видите ли, Сократ был найден виновным в покушении на основы греческой религии и на основы греческой семьи. И то, и другое составляло основу греческого государства. Так что Сократ был признан государственным преступником.

Узник: Ну уж конечно! Палачи любят пустить пыль в глаза. Как только ант завопят о «государственном преступлении» — значит, за решеткой патриот. По крайней мере, в России это особенно бросается в глаза.

Гегель: У Сократа была возможность избежать казни.

Узник: Значит, «вышка» — смертный приговор? Не вилайте, профессор!

Гегель: Согласно афинским законам, обвиняемый после того, как гелиасты — своего рода английский суд присяжных — вынесли ему обвинительный приговор, имел право противопоставить наказанию, предложенному обвинителем, противооценку.

Узник: Подать апелляцию?

Гегель: Нечто вроде этого. Сократ имел право сам определить себе меру наказания: изгнание, денежный штраф или телесное наказание.

Узник: Изгнание в Афинах считалось величайшим позором. Денег у Сократа не было. Оставалось снять штаны и подставиться под плеть палача. Уж если, будучи невиновным, признавать себя виновным, а противооценка и есть косвенное признание своей вины, то уж лучше смерть, чем хохочущие под свист плети сограждане, показывающие пальцами на твой истерзанный зад.

Гегель: Сократ отказался определить для себя наказание. Это означало, что он отказывается признать суверенитет суда гелиастов. За это полагалась смерть. Сократ сам сознательно выбрал ее. И мы не вправе обвинять судей. Они представляли греческий народ, и Сократ, отказавшись признать суд, выступил, следовательно, против суверенитета народа.

Узник: Какая мерзость — слова человека! И что, никто из афинян не вступился за Сократа?! Даже за меня каждое воскресенье к стенам лефортовской тюрьмы приходят вступиться толпы граждан. Они кричат: «Свободу!» Когда я слышу их голоса, мне легче переносить заточение.

Гегель: Платон предлагал ему бежать.

Узник: И что же Сократ?

Гегель: Он сказал, что останется в темнице, если это нужно его народу.

Узник: А, сволочи! Оказывается, Сократ до последнего момента признавал суверенитет народа! Что же вы замазываете это, профессор?!!

Гегель: Ничего я не «замазываю». В поступке Сократа, несомненно, можно видеть моральное величие. Действительно, в темнице он отверг предложение бежать, а предпочел остаться за решеткой и ждать исполнения приговора потому, что это кажется лучше афинянам, и ему лучше подчиниться законам. Но основное подчинение заключалось бы именно в том, что, если афиняне его признали виновным, то он отнесется с уважением к их приговору и тоже признает себя виновным.

Узник: Не передергивайте, профессор! Сократа признали виновным не афиняне, не народ, а суд завистливых, косных гелиастов — прообраз будущей инквизиции.

Гегель: И тем не менее, будучи последовательным, Сократ должен был бы признать свою вину, подчиниться законам, а, значит, и приговору. Так, мы видим, как небесная Антигона, великолепнейший образ из всех тех, которые когда-либо появлялись на земле, идет к смерти со следующими последними словами:

*Когда богам угодны наши муки,
Признаться мы должны, что согрешили.*

Узник: Ну да: поплачемся в жилетку, видя, как невинную жертву обрекают на смерть во имя кровожадных богов, и можем спать спокойно.

Гегель: Сократ противопоставил судебному приговору свою совесть и объявил себя оправданным перед судом своей совести. Но никакой народ и меньше всего свободный, и притом еще такой свободный, как афинский народ...

Узник: Живущий за счет труда рабов!..

Гегель: ... да еще такой свободный, как афинский народ, не может признавать суда совести, который не знает

никакого другого сознания исполнения своей обязанности, кроме как сознания этой совести.

Узник: А если совесть и закон совпадают, однако и то, и другое тираны топят в крови, как это случилось в Москве, что же тогда делать? Идти на смерть, распевая душещипательный псалом:

*Коль Ельцину угодны наши муки,
Признаться мы должны, что согрешили?*

Гегель: (молчит долго) Вы звали меня, чтобы беседовать не о Ельцине, а о Сократе.

Узник: Какую смерть назначил суд гелиастов?

Гегель: Сократу принесли в темницу чашу с ядом, и он выпил ее до дна.

Узник: Кто-нибудь пытался отомстить за смерть мыслителя?

Гегель: Очень скоро афиняне поняли, что совершили ошибку и что Сократ был казнен несправедливо. Многие члены суда гелиастов были казнены, другие бежали, так как по афинским законам обвинитель, выдвинувший перед судом ложное обвинение, должен был понести то наказание, которое он требовал для обвиняемого.

Узник: Прекрасное требование уголовно-процессуального кодекса древних. Если бы человечество не вымарало это требование из своих законов, сколько бы прекрасных людей остались жить и приносить пользу ближним. На сегодня все, профессор. Спасибо вам за разговор, но он утомил меня: нелегко сохранять спокойствие, когда речь идет о таком же узнике, как и ты сам. До встречи.

Глава 7

ПРАВО

Откуда мы пришли?
Омар Хайям

Кто будет нами править?
Александр Пушкин

17 января 1993 года новой эры в 22.00 по московскому времени в стальной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы с лязгом открывается притвор: «Отбой!» Двое сокамерников Узника уснули, и сразу же в камере появляются древнегреческие философы, Гегель, Ленин.

Узник: (приветствует всех и сразу обращается к Сократу) Скажи мне, Сократ, когда тебя судили, в какой форме существовали законы?

Сократ: Говори понятнее!

Узник: Что ж! Видишь эту книгу? Это уголовный кодекс. Здесь расписано, какое наказание полагается за каждое конкретное преступление. А вот другая книга — это уголовно-процессуальный кодекс. В этой книге расписано, как следует вести следствие, суд, как отбывается наказание. Это законы в письменной форме, утвержденные Верховным Советом страны — высший орган власти, который разогнал тиран.

Сократ: Ничего подобного в Афинах не было.

Узник: По какому же закону тебя судили?

Сократ: У нас был один закон — закон богов. Он не нуждался в письменном оформлении. Этот закон знали с детских лет в каждой хижине и в каждом дворце. Народное собрание могло и решало важные вопросы государства, но законом для нас была совесть.

Гегель: Я всегда подчеркивал, что в Афинах существовало совсем другое состояние, чем у нас или у вас. В Афинах

царствовал дух абсолютного государства, основанного на религии и семье. Вот почему то, что делал Сократ, угрожало и тому, и другому, подрывало сами основы государства. Подлежали ли поступки Сократа ведению суда? Думаю, это прежде всего вопрос о праве государства защищать религию, идею, на которой оно все построено и без которой это государство не может существовать.

Ленин: Гегель демонстрирует нам прекрасный образчик виляющего идеализма при столкновении с действительностью. Его высказывания словно тайнопись, которую нужно поддержать над пламенем анализа, чтобы проступил скрытый смысл. Вначале он признает, что закон в Афинах выражался иначе, чем в современном обществе. То был не закон, а абсолютная воля богов, не подлежащая сомнению. Идея хороша. Но как воплотить ее в действительности? Само собой разумеется, что боги не унижутся до того, чтобы сойти с Олимпа и вести банальный прокурорский надзор за соблюдением абсолютного неписанного закона. И Гегель вынужден прыгать из идеального в конкретное. Он тут же отдает право защищать религию и идеологию конкретному государству. Прощай, абсолютный закон богов! На смену тебе приходит, с благословения Гегеля, право тиранов и обскурантизм.

Сократ: Позвольте! Я знаю, что есть закон богов, но что есть право государства?

Ленин: Умный вопрос стоит подчас томов умных книг.

Узник: Если верить Гегелю (а у нас нет оснований не верить ему в этом), в Афинах закон, установленный богами, хотя и не был писан, признавался абсолютным большинством граждан и отвечал их жизненным интересам. Все, что не отвечало морали, жизненному укладу и привычкам афинян, отвергалось как неприемлемое. Граждане, основываясь на велении совести, сами следили за соблюдением закона. То есть, закон и право еще растворены в обществе: каждый знал, что в определенный день нужно принести жертву богам, иначе соседи осудят тебя и отвернутся от тебя как от раба. Следовательно, право общества следить за соблюдением законов — это самое надежное право. Однако,

нарождающееся государство начинает потихоньку узурпировать право. Появляется возможность интерпретировать и применять законы в ущерб большинству граждан. Закон перестает быть законом, чтобы стать правом определенного государства, олицетворять которое всегда будет узкая группа людей.

Ленин: Здесь следует подчеркнуть, что подлинные законы общества и его развитие существуют сами по себе, независимо от воли людей. Мы можем их познать и поставить себе на службу, даже оформить письменно для беспрепятственного гармоничного развития общества. Это как закон всемирного тяготения. Можно не знать этот закон, однако яблоко, сорвавшись с ветки, все равно упадет вам на голову. Познав этот закон, вы сможете не только избежать шишек на лысине, но и подняться в космос. То же самое с общественными законами. Развитие средств производства, появление избыточного продукта ведут к возникновению собственности. Собственность тут же делит общество на сословия, классы и так далее. Это закон. Мы можем его отрицать, но от этого он не перестает действовать. И напротив, познав этот закон, мы сумеем предвидеть развитие общества, а значит, облегчить свое существование.

Сократ: Если я познал закон в себе и он истинен, то закон из себя непременно должен совпадать с законом общества, который тоже истинен, потому что он закон, как ты говоришь, независимо от нашего желания и каприза. Двух истин быть не может. Если мой закон из себя истинен, он гармонирует со всеобщим законом.

Узник: Теоретически ты прав, Сократ. Но в реалии, при жизни ты опередил общество на тысячелетия. Обществу еще предстояло пройти (и процесс этот еще не завершен) через тысячелетний период возникновения, борьбы и отмирания классов, для того, чтобы наступила гармония между законом из себя каждого индивида и всеобщим законом, когда вновь не надо будет писать законы, каждый будет носить их в себе.

Платон: А пока эти блаженные времена не наступили, необходим инструмент, который бы следил за соблюдени-

ем прав граждан. Таким инструментом, таким божественным абсолютом, должно стать государство и его конституция.

Гегель: Однако, государство и его конституция без духа данного народа мертва. Для таких народов, как ирокезы, русские, французы, годится не всякая конституция. Ибо каждый народ имеет свое место в истории.

Узник: Хотел бы я, чтобы вас, профессор, услышали авторы последней поделки, названной российской конституцией! От духа народа там ничего нет, все скопировано с конституции того государства, на территории которого когда-то жило племя ирокезов.

Гегель: И все же конституция необходима, потому как благодаря ей народ воспитывается и переходит из состояния варварства в разумное состояние. Вопрос в том, какая конституция есть истинная конституция, обеспечивающая гармонию всего общества.

Узник: Обеспечить подлинную гармонию и покой можно только на кладбище. В жизни даже гармоничная семья - редкость, что уж говорить об обществе!

Гегель: Тем не менее каждый народ необходимо должен с течением времени производить такие изменения в своей наличной конституции, которые все больше и больше приближают ее к истинной конституции.

Ленин: Блажь! Блажь! И еще раз блажь: истинная конституция, право, государство; в реальной жизни все эти напыщенные слова превращаются в беспощадное право господствующего класса проводить в жизнь свои интересы. Если правящий класс представляет большинство общества, его конституция, его право ближе к гармонии. Это шаг ко всеобщему государству, то есть к его отмиранию. Если же у власти — класс меньшинства, он найдет сотни способов обойти свою же конституцию, свои же законы во имя достижения своих интересов. Для класса буржуа это получение прибыли любой ценой. Этот закон вы не найдете ни в одной конституции: ни истинной, ни Реальной, — и тем не менее, закон действует.

Узник: Ильич, как всегда, бьет не в бровь, а в глаз. События сентября — октября 1993 года нашей эры в Москве

прекрасная иллюстрация того, что по еще формирующийся, но уже правящий в России класс необуржуа в лице ельцинского правительства способен не только отринуть какие-то определенные законы, но и выполоскать в крови всю конституцию. И что удивительно: в результате антигосударственного переворота, начатого Ельциным 21 сентября 1993 года, уничтожается народовластие и из танковых орудий в упор расстрелян Верховный Совет, избранный народом, а все ведущие буржуазные государства официально заявляют о «поддержке демократии в России». Клинтон, Коль, Мэйджер и «бывшие» Буш, Тэтчер, Рейган не нарадуются на российского диктатора. Откуда такая солидарность?

Ленин: Как откуда? Эти господа прекрасно понимают, что уничтожение государства трудящихся на шестой части суши обернется для них громадными прибылями. Никаких иллюзий. Вначале разрушат государство большинства, затем оправдают государство для одного. Главное — вырваться на просторы России под флагом с надписью: «Грабь и обогащайся».

Платон: Нам, жившим почти две с половиной тысячи лет назад, трудно понять, что происходит в России. Но я готов сгореть на жертвенном алтаре, утверждая, что это далеко не демократия, а самая настоящая тирания. Пока вы спорили, мне на глаза попала газета «Правда» за 10 января 1993 года новой эры. Вот заметка «Есть ли в Москве Дума». Насколько я понимаю, это нечто вроде народного собрания Афин?

Узник: Похожа свинья на ежа, да шерсть не така. Отдаленно похоже. Во всяком случае членов думы избирают москвичи.

Платон: Если народ имеет право избирать — это уже шаг к демократии. Однако, как явствует из этой заметки, из 35 депутатов Думы только четверо набрали более половины голосов проголосовавших. Я уже не спрашиваю, почему не все избиратели воспользовались правом голосовать. Меня интересует, как, на каком основании признаны депутатами Думы остальные 31 депутат, если большинство избирателей, из числа принявших участие в голосовании, проголосовало

против всех кандидатов вообще? Если народ проголосовал против всех, значит, и против каждого в отдельности. Значит, в Думе заседают самозванцы, отвергнутые большинством. Клянусь богами, москвичей надувают!

Узник: Платон убежден, нас нагло обманывают, а ельцинсты вкуче с карасями-идеалистами толкуют о «правовом государстве».

Платон: О каком «правовом государстве» может идти речь, когда защитников Конституции расстреливали в центре Москвы?

Узник: Фарисейство! Да такое, какого мир еще не знал. Впрочем, ничто не ново под луной. Однажды, выступая с трибуны теперь уже разогнанного Московского Совета народных депутатов, я задался вопросом: почему человечество с презрением относится к законникам, тем, кто пишет и толкует закон? Почему люди называют их фарисеями? Почему в Евангелии от Матфея их проклинает Христос: «Горе вам, законники (Русский перевод употребляет здесь слово «книжники», между тем как более древние копии Евангелия на латинском языке в этом месте употребляют слова «maestros de la lex» — в буквальном смысле «мастера закона» — В.А.) и фарисеи, что уподобляетесь гробам крашеным, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония»? Ответ на поставленный вопрос прост: люди презирают законников, тех, кто обязан стоять на страже законов, за то, что они плюют на законы, которые сами же и написали. Не успели просохнуть чернила подписи Ельцина под новой конституцией России, как он издает указ «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» и попирает статью 10 (разделение властей), статьи 15 и 76 (верховенство Конституции и законов), статьи 85 и 90 (местное самоуправление) новой только что протасченной им Конституции. Скажите, можно ли жить разумному человеку при таких фарисейских законах?

Диоген: В демократическом обществе (и поверьте мне, я знаю, что это такое) всякому, кто хвалит такие порядки, следует отрубить язык.

Узник: В московском телецентра «Останкино» такой работы найдется на несколько лет. Но, боюсь, Диоген, как только ты туда подойдешь, тебя встретят пулями...

Гегель: Вынужден повториться. Чтобы избежать насилия, каждый народ необходимо должен с течением времени производить такие изменения в своей наличной конституции, которые все больше и больше приближают ее к истинной конституции. Дух народа сам сбрасывает с себя детские башмачки, и конституция есть осознание того, что он уже есть в себе, — она есть форма истины, знание о себе. Если для него (народа) уже не истинно то его «в себе», которое его конституция все еще высказывает ему как истину, если его сознание или понятие и его реальность отличны друг от друга, то народный дух представляет собой разорванное, раздвоенное существо.

Узник: Вот именно: народы России сегодня и есть разорванное, раздвоенное существо.

Гегель: Тогда наступает одно из двух: народ разбивает посредством внутреннего насильственного взрыва это право, которое еще требует, чтобы его признавали, либо же он изменяет спокойнее и медленнее тот закон, который считается еще законом, но уже больше не представляет собою подлинной составной части нравов, а является теперь тем, что дух уже преодолел собою. Может, во-вторых, оказаться, что народ не обладает достаточными для этого умом и силой, а остается при старом, низшем законе, или же другой народ достиг своей высшей конституции, стал благодаря этому более превосходным народом, и тогда первый народ перестает быть народом и вынужден подчиниться последнему.

Ленин: Ай, да Гегель! Ай, да профессор! «Насильственный взрыв» — страшно, а быть в рабах у чужеземцев — не очень. В холуях ходим, но закон соблюден.

Гегель: В мое время многие так думали. И никто не может, как говорил Платон, выпрыгнуть из своего времени.

Ленин: Люблю на слове! Так думали далеко не все. Вот что писал ваш современник француз Габриель Мабли: «Цель правительств — не нарушение, а обеспечение естественных прав и счастья граждан. Если правительство принимает

меры неразумные, вредные, то каждый гражданин вправе требовать его изменения. Это не только неотъемлемое право, но долг граждан на, Неповиновение ведет к смутам. Но слепое повиновение ведет к рабству».

Узник: Тут стоит уточнить, что в октябре 1993 года мы как раз выступали в защиту закона, в защиту действовавшей конституции, а правительство, не желавшее считаться ни с законом, ни с волей граждан, объявило нас смутьянами, бунтовщиками. Случай беспрецедентный. Не окажи зарубежные хозяева поддержки Ельцину, ему бы не удержаться.

Ленин: Государство есть аппарат насилия одного класса над другим, а потому идеальным быть не может.

Платон: Клянусь богами, может!

Ленин: Вы беретесь построить такое государство?

Платон: Да!

Ленин: С чего начнете?

Платон: С полной отмены частной собственности.

Ленин: Архиллюбопытно! Марксистский взгляд возрастом в две тысячи триста пятьдесят лет. Поговорим-ка, батенька мой, обстоятельнее...

Узник: Стоп! Время на исходе: скоро подъем. Следующий диалог начнем с вопроса о собственности. А на сегодня хватит. Дайте мне немного поспать.

За решеткой камеры 32 Лефортовской тюрьмы в Москве — непроглядная зимняя ночь. До подъема узникам остается два часа.

Глава 8

СОБСТВЕННОСТЬ

Обсуждая этот вопрос, мы можем и доброжелательных критиков успокоить и злобных порицателей опровергнуть, так, что одни пожалеют, что напали на меня, а другие порадуются, что научились...

Цицерон. Философские трактаты

18 января 1993 года новой эры в 22.00 по московскому времени с лязгом откидывается притвор двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы: «Отбой!» Гасится яркая лампа и под сводчатым потолком камеры остается только тусклый дежурный свет. В камеру входят философы древней Греции, Гегель, Ленин.

Аристипп (Диогену): Ты же знаешь, что хотя меня и прозвали философом лизоблюдов, я никогда не придавал значения ни удовольствиям, ни их отсутствию. Я как и ты, Диоген, был циником.

Диоген: Да, но пока я мыл капусту себе на обед, ты бежал по царским дворам.

Аристипп: Если бы ты умел обходиться с людьми, тебе бы не пришлось перемывать капусту.

Диоген: Что ты называешь умением «обходиться с людьми»?

Аристипп: Это значит, вести себя по отношению к ним не так, как ты вел себя на том пиру, когда один из гостей бросил тебе кость.

Диоген: Он поступил со мной так, как поступают с собакой. В благодарность я вынужден был подойти и помочиться на него. Разве не так поступила бы всякая собака?

Аристипп: Собака — да, но не человек. Человек отличается от животного. Диоген: Чем же?

Аристипп: Человеку нужна одежда, хорошее жилье, а не старая бочка из-под квашеной капусты.

Диоген: Вот как! А я считал, что главное отличие человека от животного в том, что он мыслит.

Аристипп: Так-то оно так... Но всё же погляжу я на людей двадцатого века новой эры и мне тоже хочется одеть джинсы фирмы «Леви», иметь дипломат «Самсонайт», автомобиль БМВ...

Диоген: Ты хочешь иметь эти дорогие вещи, чтобы отличаться от других граждан в лучшую сторону?

Аристипп: Да, я хочу быть лучше других, престижнее.

Диоген: Считаешь ли ты, что в таком случае многие вынуждены будут тебе завидовать?

Аристипп: Да, мне будут завидовать, и зависть заставит других работать больше и лучше.

Диоген: Работать? Разве ты исключаешь мысль, что среди твоих завистников найдутся злые люди, которые захотят ограбить тебя?

Аристипп: Я этого не исключаю. Напротив, я должен постоянно быть готовым к этому, купить оружие или нанять охрану для защиты моего добра.

Диоген: Значит, ты будешь жить в постоянном страхе, а если на тебя нападут разбойники-рэкетеры, ты готов убить их, убить человека?

Аристипп: Я вынужден буду это сделать, защищая свое добро.

Диоген: Значит, ты, Аристипп, хотел жить в постоянном страхе, превратиться в жалкого труса и в конце-концов стать убийцей?

Аристипп: Нет, я этого не хотел. Я хотел быть лучше других.

Диоген: В таком случае тебе нужно отказаться от собственности. Это я говорил и Платону, когда пришел к нему в дом и начал ходить грязными ногами по его роскошным коврам.

Платон: Помню! Ты сказал мне, что таким образом ты попираешь мою гордыню. В ответ я вынужден был сказать: «Ты попираешь мою гордыню другой гордыней — гордыней нищего».

Узник: Вообще-то в хорошей вещи, с точки зрения разума, нет ничего плохого. Более того, постигая часть всеоб-

щей истины, человек всегда стремился реализовать относительную истину на практике, в конкретных вещах, поставить эти созданные разумом вещи себе на службу. Это высшая цель разума: подчинение себе всеобщего. Это стремление беспредельно, и именно оно определяет прогресс человечества, а не собственность. Разуму безразлично, кому принадлежит вещь, ему куда важнее убедиться, что он познал часть всеобщей истины (открыл законы электричества, научился выделять бензин из нефти, плавить металлы) и поставил ее себе на службу. Как материя стремится к разуму, так разум стремится вновь реализовать себя в познанной им части материи.

Ленин: Еще стоики отмечали, что истина есть совпадение предмета с познанием. Конкретная вещь, созданная разумом и трудом и облегчающая жизнь людей, — это и есть критерий истины — практика.

Сократ: По-моему, мы рискуем отдалиться от темы сегодняшнего разговора: собственность.

Ленин: Несомненно, при обсуждении такой «модной» темы у нас возникнут разногласия. Желательно поэтому выяснить, откуда появилась собственность и почему из-за нее разумные готовы убивать друг друга.

Узник: Я долго размышлял, готовясь к сегодняшнему разговору, и пришел к выводу, что собственность не могла возникнуть раньше потребности, раньше вещи.

Ленин: Разумно!

Сократ: Если конкретная вещь не существует, то и не существует понятие об этой вещи.

Узник: Энгельс прав, когда утверждает, что как только человек освоил свое первое средство производства — дубину и научился сбивать ею съедобные плоды с деревьев, — у него появился излишек продукта. То есть, благодаря освоенному рабочему инструменту, человек мог обеспечить продуктом себя и принести излишек соплеменникам. Естественно, что если все члены первобытной общины осваивали владение дубиной и научились не только сбивать ею плоды, но и убивать диких животных, то у всего племени появляется излишек фруктов и мяса. Очень скоро выяснилось, что если

подарить излишек соседнему дружественному племени, то в благодарность друзья принесут шкуры убитых зверей. Даже у врагов, как выяснится, можно обменивать излишек на другие полезные или съедобные вещи. Племя начинает относиться к излишку как к собственности. Дальше все зависит от того, как быстро будет совершенствоваться орудие труда — дубина — и умение владеть им. Вслед за дубиной появятся мотыга, аркан. Человечество поднимется на высочайшую ступень цивилизации — освоит земледелие и животноводство — и всякий новый шаг означает возможность увеличить излишки. Наступает момент, когда не только излишки продуктов, но в первую очередь орудия труда, средства производства тоже рассматриваются как собственность. В начале, очевидно, общая собственность принадлежит всем членам племени. Затем право распоряжаться собственностью переходит к совету старейших или мудрейших членов племени, затем потихоньку узурпируется вождем племени, начинает передаваться по наследству сыновьям вождей... Племя распадается, а собственность становится частной,

Ленин: Условно с этим следует согласиться. По крайней мере, такая точка зрения ближе всего к науке и подтверждается археологическими раскопками. Однако стоит выделить три аспекта в развитии форм собственности. В первых, процесс превращения общественной собственности в частную не мог быть абсолютным, тотальным. Уклад жизни разных народов сохраняет общественную форму собственности вопреки частнособственнической тенденции. Вспомните земли крестьянской общины в России, и особенно земли для общественного выпаса скота, которые при всех условиях оставались общественными. Общинные земли оказались весьма устойчивыми и в индейских общинах Южной Америки.

Узник: К сожалению, наш Никита Хрущев действовал со свирепостью, превосходящей конкистадоров. Он не только приказал запахать земли общественных выпасов в России, но и забрал у крестьян их личный скот, собранные на колхозных дворах коровы без кормов скоро подошли, оплакиваемые русскими бабами.

Ленин: И такая дикость подавалась Хрущевым, конечно же, как «очередной этап в строительстве коммунизма»?

Узник: Так было.

Сократ: Каков подлец этот Никита!

Ленин: Второй аспект процесса, о котором мы говорим, это появление таких орудий труда, таких средств производства, которые могут производить желанные обществу излишки продуктов только при условии объединения интеллектуальных и физических сил многих членов общества. Если дубиной, арканом, мотыгой мог владеть один, частный человек, то современная доменная печь или прокатный стан требуют при своем функционировании объединения многих людей, коллектива. Получается, что частная собственность стремится к тотальному господству и никогда не достигает его, а с другой стороны, развитие средств производства придает им общественный характер — минирует, так сказать, частнособственническую тенденцию изнутри.

Платон: В идеальном государстве частная собственность должна быть исключена. В свое время ко мне обратилось население Кирены и аркадийцы с просьбой стать их законодателем. Я отклонил просьбу этих государств, потому что они не соглашались на мое главное условие — уничтожение всякой частной собственности.

Узник: Ты погорячился, Платон. Так же, как частнособственническая тенденция не может быть тотальной, так и обратное: общественная собственность не может стать всеобщей. У человека должно быть индивидуальное жилье, одежда — все, что он пожелает, лишь бы собственность не привела к эксплуатации человека человеком.

Платон: Но если мы хотим положить конец всем спорам, разногласиям, вражде, корыстолюбию и так далее, то следует устранить частную форму собственности. Заметь, устранить не саму собственность, а лишь определенную форму владения ею — частную!

Гегель: Но каким образом, скажите мне, получится стимул к деятельности, необходимый для развития промыслов, если нет надежды на частную собственность, ибо в том факте, что я являюсь деятельной личностью, подразумевается, наоборот, моя способность обладать собственностью.

Платон: Я исхожу из высшего принципа государства, каковым должен быть принцип справедливости. Справедливость отдает должное каждому индивиду и возвращает его вместе с тем в целое, благодаря тому, что частные свойства каждого индивидуума необходимо должны достигнуть полного развития и осуществления, каждый оказывается на своем месте и исполняет свое назначение. Для меня важно проявить способности, заложенные в каждом члене общества. Чайная собственность препятствует этому.

Гегель: Но это второстепенное свойство частной собственности по сравнению с высшим и разумным принципом права собственности, и свобода существует лишь постольку, поскольку личность имеет право обладать собственностью.

Ленин: Так-так, уважаемый! Скажу вам, что, во-первых, свобода есть осознанная необходимость. Во-вторых, вы, как всякий идеалист, чертовски непоследовательны. Вы то и дело поминаете божественное, Евангелие, а как доходит дело до частной собственности, вы кричите: без частной собственности нет частной свободы. Вы что, забыли реченное: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение свое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». Справьтесь, пожалуйста, по Евангелию от Матфея, глава 19, стих 21, и определитесь, наконец, какая свобода вам дороже всего.

Узник: Поразительно, но факт! Воинствующий апологет частной собственности Маргарет Тэтчер, приехав в Россию, слово в слово повторила Гегеля, когда выступала по нашему телевидению. «Железная леди» не церемонилась, ее команды были просты и примитивны: «Возвращайтесь к частной собственности! Без свободы частного предпринимательства нет свободы индивидуума». И пошло, поехало! Частных предпринимателей с легкой руки Тэтчер развелось в России видимо-невидимо. Появились и вполне свободные миллионеры. Но у большинства народа отняли свободу нормально питаться, свободу получать образование, свободу иметь достойное человека жилье, работу. Получили не свободу, а нищету. Но признавать свои ошибки, как водится, никто не хочет. Заморочили народу голову: если у собственности

нет хозяина, все прахом идет! Большевики виноваты!- вопят другие. — Ликвидировали частную собственность и сделали нас нищими. Пытаешься их урезонить: позвольте, большевики или коммунисты при всех своих ошибках, благодаря общественной собственности, смогли привести общество к самым дешевым в мире продуктам питания. Было время и цены снижались, и хлеб рабочим, крестьянам, студентам во всех столовых выдавался по желанию: бери сколько хочешь, платить не надо. Бесплатным благодаря общественной собственности стало образование всех уровней, отдых на лучших курортах страны обходился трудящемуся человеку в копейки... Нет, не хотят слушать. Чем страшнее последствия возврата к частной собственности, к частному предпринимательству, тем больше они сатанеют. Принесла мне на днях моя супруга вместе с передачей газеты. Разворачиваю «Независимую». В ней почти на всю страницу статья некоего Недостреляного.

Платон: Что пишет Недостреляный?

Узник: Костит всех рыночников, всех, кто доказывал нам, что нужно отказаться от общественной формы собственности и возвратиться к частной. Досталось академикам Аганбегяну и Абалкину, и бывшему мэру Москвы Гавриилу Попову, и «рыночнику» Гайдару, и Чубайсу...

Платон, Смотри-ка, с такой фамилией, а так радеет за общенародное добро!

Узник: Как бы ни так! Радетель выискался!

Ленин: Что, своих бьет?

Узник: Конечно!

Ленин: Ну, батенька, когда один идеалист критикует другого идеалиста, или когда один рыночник бьет по мордасам другого,- нам, материалистам, радоваться нужно. Ведь их драчки подтверждают нашу правоту.

Узник: Это когда мы имеем возможность высказать публично и свою точку зрения. А так остается один Недостреляный и кричит, «Тупицы все! Все дерьмо! Жулики! Взятчники и казнокрады! Кто так борется за торжество частной собственности?! Надо всю собственность, какая ни есть в государстве, разделить между всеми».

Ленин: Это как? Один потащит на свой двор рельсу, другой — паровоз?

Узник: Да в том-то все и дело: собственность, особенно средства производства коллективного (общественного) характера, не делятся. Ее можно отнять, ограбив народ, передать в руки узкого круга мошенников, но разделить, и тем более разделить поровну, невозможно. Потому наш народ и смотрит с недоумением на проповедников «справедливой приватизации». Каждый здравомыслящий человек понимает: справедливой приватизация быть не может.

Платон: Справедливость и приватизация, частная собственность несовместимы.

Узник: Чутьем народ это понимает. Да и какому инженеру, рабочему придет в голову растаскивать завод по частным углам. Правда, у нас, в России, пытались под началом Горбачева, Ельцина, Гайдара, Чубайса, Попова и пр., и пр. растащить огромные заводы на мелкие кусочки. Начали организовывать внутри цехов частные «кооперативные» участки.

Ленин: Что получилось?

Узник: Раньше делали атомные ледоколы, стали выпускать кастрюли. Ленин: Варвары!

Узник: Хоть плачь. Не могут понять недостреляные, что справедливость не в том, чтобы разделить общенародную собственность, сделать ее частной, а в том, чтобы каждый работник получил возможность участвовать в распределении производимого продукта. Справедливо такое положение, при котором я знаю сколько мы все вместе заработали, куда что пошло, сколько досталось директору и сколько мне. И, наконец, справедливость предполагает контроль большинства работников над заработком администрации.

Гегель: Контролировать прибыль частных собственников?! Это незаконно!

Узник: А кто сказал «частных собственников»? Собственность должна принадлежать всем гражданам свободного государства.

Ленин: Об этом недостреляные никогда не скажут, факт. Все эти ярые защитники «священного права частной собственности» похожи на мудрецов-стоиков, появившихся в момент деградации греческой демократии.

Аристотель: Приходится признать, что стоические мудрецы защищали закон частной собственности и одновременно отвергали законы, запрещающие каннибализм, педерастию, кровосмешение и так далее.

Узник: Такое впечатление, что все профессора, журналисты, академики России с возвратом частной собственности превратились в стоических мудрецов. Проституция? Похвально! Десятилетние девочки продаются на панели за доллары иностранцам? Смотри, как быстро осваивают частное предпринимательство! Культуру превратили в помойку? Таково требование рынка!

Аристотель: Вообще-то, внешне стоики могут возмущаться и даже произносить напыщенные проповеди на моральные темы...

Узник: Как наш академик Лихачев...

Аристотель: Но сами с благосклонностью принимают покровительство богатых владельцев.

Узник: Потому они и поют дифирамбы меценатам — самым гуманным людям в мире.

Аристотель: У стоика Сенеки, например, мы находим больше напыщенных моральных размышлений, чем реальной деятельности. Но все упрекали его за его богатство и роскошный образ жизни, так как он в самом деле допускал, чтобы диктатор Нерон одарял его несметными богатствами.

Гегель: Нерон был воспитанником Сенеки и произносил речи, написанные для него Сенекой.

Узник: И все-таки, человечество в целом отказывается сходить с ума в угоду «частнособственнической инициативе». Давеча газета «Правда» поместила на своих страницах прелюбопытнейшую информацию. Жители 17-миллионного бразильского города Рио-де-Жанейро решили заложить огромный сад, где будут расти практически все фруктовые деревья планеты: яблони, агуакаты, мандарины, киви, бананы... Каждый гражданин будет вправе зайти в этот чудо-

сад и бесплатно съесть столько фруктов, сколько сможет. Единственное ограничение свободы посещения фруктового сада — запрет на вынос фруктов с собой.

Сократ: Это справедливо и красиво.

Гегель: Да, о таком саде я могу сказать уверенно: все действительное разумно и все разумное действительно. Скажу, что в XVII веке Шах Абасс в Иране тоже устроил сад подобный бразильскому: каждый посетитель мог войти в сад и съесть столько фруктов, сколько пожелает его душа. Однако, если он пытался вынести из сада хотя бы одну сливу, его нещадно били палками по пяткам.

Узник: Заметьте, гармония наступает там, где ликвидировано право присваивать излишек продуктов, которые дает нам мать земля.

Аристипп: Общественный сад в Рио-де-Жанейро прекрасен, там не будут бить палками по пяткам. Но нам хочется приехать туда на своем автомобиле «БМВ»!

Сократ: Ты хочешь приехать на автомобиле или иметь автомобиль?

Аристипп: Я хочу сам вести автомобиль, хочу, чтобы по дороге ко мне подсела молодая веселая попутчица...

Сократ: Ты не отвечаешь на вопрос: твое желание приехать на автомобиле или иметь его?

Аристипп: В принципе, мне все равно. Не вижу большой разницы.

Узник: Разница огромна! Говоря языком юристов, Сократ спрашивает: ты хочешь пользоваться или владеть автомобилем.

Аристипп: Если я владею вещью, я ею пользуюсь, и наоборот: пользуясь, я владею.

Узник: Ничего подобного. Это совершенно разные понятия. Приведу вам пример нашей сегодняшней жизни. В каждом доме, в каждой российской квартире есть книги. У кого больше, у кого меньше. Это своего рода частная библиотека. Могут ли я с чистой совестью утверждать, что хозяева пользуются книгами, читают их? В большинстве случаев книги в качестве частной собственности утрачивают свое основное назначение и служат украшением квартиры. Но для чтения

ими, как правило, не пользуются. Знайте, что для производства книг нужно вырубить изрядное количество деревьев, затратить определенную энергию, и вдобавок при производстве бумаги вам придется отравить водоемы, сбрасывая в них стоки целлюлозных комбинатов. И все для чего? Чтобы поддержать гордыню частного собственника, хвастающего тем, что у него на полке стоит полное собрание сочинений Жюль Верна? Другое дело — библиотека общественная. Здесь книгами пользуются! Их читают. Таким образом, общественная собственность делает затраты на производство вещей разумными.

Если мы возьмем автомобиль, это еще более очевидно. Частные автомобили используются на 10 -15 процентов своего ресурса: в основном для поездки на работу и обратно. Основное время своего существования частный автомобиль простаивает, занимая полезную площадь города. И в то же время на 80 процентов загрязнение атмосферы городов происходит за счет выхлопных газов автомобилей. Общественный транспорт (и это особенно наглядно было заметно при социализме) использовался почти на 100 процентов своего ресурса, перевозил в сотни раз больше и был экологически чистым. Возьмите метро, троллейбус, трамвай. Московское метро, построенное при социализме не только технически, но и эстетически удовлетворяло потребности десятка миллионов пассажиров ежедневно. Плата за пользование метро была символической. Так что же разумнее: частная или общественная собственность?

Аристипп: Общественная форма собственности разумнее, но все равно хочется прокатиться за рулем «БМВ»!

Узник: Почему бы государству не организовать пункты проката автомобилей, где за разумную плату проверят ваше умение водить автомобиль и предоставят вам его в пользование на необходимый срок. Разумеется, за преднамеренную порчу общественного имущества надо строго спрашивать, но это уже вопрос культуры общества. Мне же хотелось показать вам, что частная собственность противоестественна человеческой природе и среде, в которой человек живет. Если человечество продолжит гонку частного предпринима-

тельства и частного потребления, оно обречено на вымирание, так как окружающая нас среда и природные ресурсы не безграничны и не возобновляемы. Одно утешение: материя бесконечна и где-то в другом месте, в других галактиках она породит Разум, который не попадет в смертельную ловушку частной собственности.

Ленин: Такие надежды ведут к пассивности. Все философы и до нас объясняли мир, задача в том, чтобы изменить его в лучшую сторону. Надеясь на бесконечность материи, делу не поможешь. Надо действовать по закону совести: если не я, то кто?

Сократ: Если я несовершенен, не хочу быть совершенным, то и вселенная несовершенна и не желает таковой быть.

Ленин: И все-таки грустно. Я знаю, что представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, неверно. Но одно дело — учитывать возможности регресса, другое — наблюдать его на практике. Неужто и с землей вы опустились до мерзости купли-продажи по ценам «свободного рынка»?

Узник: За землю России идет драка. Я тут делал выписки из газет, что поступают в тюрьму. Представляю их в общее распоряжение, чтобы в следующий раз обсудить эту тему подробнее. До встречи! У меня еще остается немного времени до подъема, и можно поспать.

В 6.00 по московскому времени 19 января 1994 года новой эры откинется притвор железной двери камеры 32 в Лефортовской тюрьме и безучастный голос надзирателя скажет: «Подъем!»

Глава 9

ЗЕМЛЯ

*...Тот, кто отвал, который он поднял на пашне.
Станет распахать вновь наклоненным в сторону плугом
Кто, постоянно трудясь на полях, над ними хозяин.*

Вергилий. Георгики

20 января 1994 года новой эры в 22.00 по московскому времени с грохотом откидывается притвор стальной двери камеры 32 в Лефортовской тюрьме: «Отбой». Узник приветствует входящих в камеру философов Древней Греции, Гегеля, Ленина.

Протагор (Гегелю): Скажите, профессор, если мы имеем тушу тельца, можем ли мы разделить ее справедливо между многими людьми?

Гегель: Это зависти от того, кто будет делить, я думаю.

Протагор: Ничуть! Даже если за топор мясника возьмет-ся всемогущий Зевс, он не сможет разделить то, что едино, на множество.

Гегель: Почему вы так считаете?

Протагор: Я убеждаюсь в этом на практике. Во-первых, приступая к разделке туши тельца, мы обязаны принести в жертву богам лучшие части: сердце и печень. Далее, одному неизбежно достанется филейная задняя часть, другому — грудинка, третьему — мослы на холодец, и уж рабам — требуха, рога и копыта. Справедлив ли такой раздел?

Гегель: Ответ очевиден: несправедлив.

Протагор: Но он несправедлив не потому, что я плохой мясник, а потому, что целое не делится на множество.

Гегель: Следовательно, справедливость невозможна?

Протагор: Если к ней не стремиться.

Гегель: Хорошо, я допускаю, что вы ставите справедливость высшим благом человека. Но как же вы поступите, в таком случае, с тушей тельца, которую нужно разделить на множество людей?

Протагор: Я бы сварил наваристый суп в огромном котле и затем мясо тельца принес в жертву богам, а суп поделил поровну между людьми,

Гегель: Какая же это справедливость? Мясо — богам, а людям — всего навар от мяса.

Ленин: Поздравляю, профессор! Не каждый идеалист решится ради справедливости низвергнуть богов с Олимпа и приравнять их к обычным смертным: если справедливость — то одна для всех независимо от занимаемой должности на земле или на небе. Еще немного, и вы подадите заявление в партию материалистов.

Платон: Пример с тельцом, возможно, неудачен, но в нем — ключ к справедливому решению земельной проблемы. Земля, как всем известно, в пищу не употребляется ни людьми, ни богами. И тем не менее ежегодно дает «навар»: хлеб, мясо, фрукты. Земля предоставлена богам всем людям на равных, это есть то, что поистине божественно, принадлежит каждому. Никто не вправе присваивать себе то, что принадлежит богам. А справедливо разделить продукт, полученный на земле, уже не составляет труда. При условии, что земля есть общее достояние.

Узник: Казалось бы, мысль о несправедливости частной собственности на землю тысячелетиями владеет лучшими умами человечества, но в России, после величайшего прорыва к ликвидации частной собственности на землю, со времен тиранов Горбачева — Ельцина начинается обратное движение: от общенародной собственности к частной. Коллективные формы землепользования — колхозы, совхозы — обливаются грязью пропаганды, а вместе с колхозами с совхозами унижаются миллионы людей, которые выныгчали, выпестовали российское поле, кормили весь народ, хотя сами не всегда роскошествовали и мясо видели только по большим праздникам.

Ленин: Вопрос о земле был и всегда будет коренным вопросом общественного устройства. Еще в мою бытность, когда все крестьяне после победы социалистической революции в октябре 1917 года получили земельные наделы, они

начали объединяться в кооперативы, товарищества по совместной обработке земли. Земля за коллективными хозяйствами закреплялась навечно государственным актом.

Узник: Добавлю, что после Ленина процесс добровольного образования коллективных крестьянских хозяйств, хотя и был форсирован Сталиным, но в целом прижился. Бич крестьянства — безземелье, батрачество — исчезли из сельской жизни. Почти ежегодно повторяющиеся катастрофические вспышки голода (это при том, что купцы и помещики экспортировали российскую пшеницу за границу!), хорошо описанные графом Львом Толстым, возвратились страшным эхом в Россию в 29-м и в 36-м годах, но затем народ забыл, что такое голод. Это факт. И произошло это благодаря тому, что коллективное крестьянское хозяйство гармонирует со справедливым разделением продуктов. Продукт не отчуждается от трудящегося народа, а принадлежит ему весь, без остатка. Такое положение пришло на нашу землю через тяжкий труд, множество ошибок, невероятные муки. Но оно больше всего соответствовало коллективистскому духу народа.

Платон: Но если определенное положение дел в государстве соответствует духу народа, это и есть благо, к которому необходимо стремиться. Зачем же разрушать то, что оправдало себя?

Гегель: Однако если вся земля коллективная, то опять выходит тоталитаризм; коллектив, общее, подавляет индивидуализм, частное.

Узник: Вот упрек, который коммунистам бросают все апологеты частной собственности на землю: вы отняли у человека возможность иметь свой клочок земли, свой домик. Чудовищная ложь! Ложь и клевета на социализм. В действительности же все обстояло иначе. Сразу же после Октябрьской революции, в соответствии с волей подавляющего большинства крестьянства, пославшего своих делегатов со специальным наказом на 2-й съезд Советов, частная собственность на землю в России была ликвидирована «на вечные времена». Земля объявлялась общенародным достоянием. Конкретные участки земли закреплялись за

крестьянским индивидуальным, а затем и коллективным хозяйствами, объединившими на добровольных началах не только инструмент, скот, но и самое главное — землю. Коллективное пользование общенародной землей со временем стало доминантой нашего общества. И как бы не плевали наши враги в сторону Сталина, именно в его время было найдено гармоничное сочетание общего и частного, индивидуального. Наряду с общим полем у каждой крестьянской семьи был свой личный огород (на моей малой родине — Кубани колхозник имел право на огород в один гектар). Как только колхозы стали на ноги, в крестьянских дворах появился личный крупный рогатый скот. Но основную проблему — проблему хлеба — решал коллектив. Это Хрущев нарушил сложившуюся гармонию на селе, но об этом я хотел бы рассказать попозже. Сейчас же замечу, что общенародная собственность на землю позволила удовлетворить «инстинктивную» потребность в земле, доставшуюся от далеких предков и городскому жителю. Строительство дач и культивирование небольших индивидуальных садовых участков стало массовой практикой только при социализме. Ни в одной стране мира, где существует частная собственность на землю, вы не встретите такого количества дач городских жителей, как в России, на Украине, Белоруссии, Татарии...

Гегель: если все было так хорошо, как вы рассказываете, то почему же тогда крестьянство России не противится возврату частной собственности на землю?

Узник: Как же не противится? Еще как противится! Об этом говорят результаты всяческих выборов и референдумов. В сельских районах России большинство избирателей голосуют и против Ельцина, и против его политики приватизации. Другое дело, что крестьянам с одной стороны пудрит мозги телевидение, расписывая рай в частнособственнических куцах и клевета на колхозы, с другой — местные «демократические» власти не брезгают и прямым запугиванием сельского населения.

Гегель: Вы можете привести конкретные примеры?

Узник: Извольте! Прошлым летом, например, довелось мне выступить перед жителями городка Бобров — районный

центр Воронежской области. Типичный районный центр. Население под 10 -15 тысяч. Двухэтажные дома — редкость. Большинство — кирпичные дома, протянувшиеся длинной улицей. Посреди шоссе, а за домами с одной и другой стороны — огороды с помидорами, кукурузой, картофелем, капустой, подсолнечниками. Встреча была немногочисленной. Но все-таки человек 100-120, несмотря на страду, пришло. Разумеется, я убеждал крестьян от частной собственности на землю отказываться. Свободная купля -продажа земли в условиях экономически обескровленной России означает одно скупку земли иностранными банками. После встречи подошла ко мне пожилая женщина и заплакала в выцветший платочек. «Вот вы говорите, частная собственность на землю — грех. Это я понимаю. Но как отказаться от нее, если вчерась приходит ко мне заместитель нашего начальника — главы администрации районной — и говорит: «Не возьмешь огород в частную собственность — отнимем совсем». «Не может быть, — говорю. — Разве посмеют огороды трогать. Закона такого нет. Огород принадлежит вам и без приватизации. Эти начальники на общее колхозное поле зарятся, а огороды они не тронут. Знают, их бабы тяпками побьют». «Так-то оно так, — причитала женщина, — Только наш-то начальник почитай всю улицу обошел, всех предупредил: откажетесь от приватизации — отберем у вас огороды».

Скажите, разве это не шантаж? А все для чего? Силком хотят приучить людей к частной собственности. И хитрые, как змей-искуситель. Ведь знают, что, оформив бумаги на частное владение своим огородом, который и без того ему принадлежал, крестьянин быстрее проглотит и настоящую частную собственность на землю — когда заморские банкиры да кучка своих дармоедов начнут прибирать к рукам основной земельный массив — общенародную землю, собственность колхозов и совхозов.

Гегель: Насколько я понял, при советской власти в России при общенародной собственности на землю крестьянин пользовался землей и коллективным способом (колхоз, совхоз), и индивидуальным (огород, личное подсобное хозяйство)?

Узник: Правильно!

Гегель: Тогда я отказываюсь понимать логику сегодняшних правителей России. Есть ли у них разум?

Платон: Думаю, нет. О разуме говорить не приходится. Скорее, речь идет об умопомешательстве.

Узник: Шизофрения, как говорят сегодня.

Платон: Увы! Только шизофреники могут с такой настойчивостью проводить политику, которая отвергается большинством народа собственной страны. Более того, опыт других стран ясно говорит о том, что частная собственность на землю — анахронизм человеческой истории, вот, например, что пишет в московской газете «Финансовые известия» № 51 за 22-28 октября 1993 года немецкий предприниматель Фриц Андрес: «То, что земля является общественным достоянием, не подлежит сомнению. Каждый пользуется ею для жизни, никто ее не создал — она является природным наследством всего человеческого рода. Следовательно, землеустройство должно удовлетворять требованиям равноправия всех людей на богатство этой земли: никто не должен быть обделен, никто не должен быть привилегирован — это социальная сторона вопроса».

Узник: Замечу, что автор статьи Фриц Андрес опубликовал ее в «Известиях» за свой счет, желая, видимо, добра и правителям России, и ее народу. «Известия», знаменитые своими оголтелыми антикоммунистическими взглядами, тут же, в этом же номере, открестились от статьи: «Редакция не будет вести полемику по данной статье и откликов на нее рассматривать не будет».

Ленин: Превосходнейший образчик сволочной «демократии».

Платон: Далее Фриц Андрес пишет (цитирую): «Большинство западных советников рекомендуют (российскому правительству — В.А.) осуществить приватизацию земли посредством введения купли — продажи. При этом они не учитывают, однако, что земельные отношения в государствах Западной Европы и Америки, основанные на такой форме частной собственности на землю, привели к существенным недостаткам и социальному ущербу, которые никто всерьез не оспаривает. Два главных порока данной формы землеу-

стройства, следствием которых являются многие другие, — накопление без использования и спекуляции».

Узник: За такие мысли, будь он гражданином ельцинско — яковлевской России, господина Фрица Андреса обозвали бы по телевидению «красно-коричневым», а затем непременно упекли бы за решетку.

Платон: Не исключено. Так как в своей статье Фриц Андрее не только предлагает заменить приватизацию правом пользования землей, но и явно симпатизирует Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года новой эры. Цитирую: «Ни у одной страны нет сегодня столь благоприятных — благодаря политической ситуации — предпосылок для осуществления социального землеустройства, как у России, где вся земля принадлежит обществу, и тем самым половина реформы уже осуществлена. Стране надо только вступить на лежащий перед ней путь. Ей надо только сделать другой большой шаг, а именно, в условиях свободы урегулировать пользование землей... Это была бы связь идеи братства с идеей общественного экономического строя, основанного на началах свободы!»

Ленин: Как только я слышу слово «свобода», повторенное через одну — две строки, можно не сомневаться: перед нами буржуазный либерал. Последнее не исключает, что Фриц Андрес — порядочный, честный человек. Но в том-то и фокус, что при частной собственности на землю все другие «свободы» покупаются. А то, что Октябрь, ликвидировав частную собственность на землю, расчистил почву для братства народов, это факт. А факты — вещь упрямая.

Узник: И, наоборот: с возвратом частной собственности неизбежно вспыхивает вражда народов, начинаются «этнические» войны. Примеров тому, к сожалению, немало: Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье... Всюду льется кровь. Людей убивают за землю.

Гегель: Мы рискуем отклониться от темы сегодняшней беседы. Я хотел бы узнать, прислушались ли в России к советам моего земляка Фрица Андреса?

Узник: Ноль внимания! Газеты по-прежнему кричали о необходимости «поделить землю поровну». Цены на горя-

чее и минеральные удобрения, технику для села повышались в сотни раз, а цены на продукты села безнадежно отставали. «Демократы» ждали, как шакалы: вот-вот начнется банкротство колхозов и совхозов, и мужик побежит из колхоза на частный удел, а там бери его, голубчика, голыми руками.

Платон: Такая политика, по свидетельству Председателя Аграрного союза страны Василия Стародубцева, привела к невиданному упадку. Вот что он заявил газете «Завтра» № 1 (6) 1994 год: «Итог — сокращение за два года на 40-45% совокупного объема производства в агросекторе. А производственное и индивидуальное строительство на селе сократилось за те же два года на 85 -90%. Смертность на селе в целом по России стала на треть выше, чем в городе. А страшнее всего невозможность закупать по разумным ценам минеральные удобрения и чудовищный, сопоставимый по масштабам с 1930 и 1959-64 годами забой скота...»

Ленин: Естественно, соскальзывание к частной собственности на землю обуславливает уничтожение общественного стада.

Платон: Однако официальная печать России обвиняет в нынешних бедах именно вас, Владимир Ильич, большевиков. Возможно, вам это будет неприятно, но наберитесь олимпийского спокойствия и послушайте, что пишет газета «Известия» в № 207 от 29 октября 1993 года в передовице, посвященной указу президента Ельцина о введении частной собственности и права свободной купли — продажи земли в России. Не возражаете?

Ленин: Да чего уж там! Я привык...

Платон: Цитирую: «Символическое совпадение в датах. Двадцать восьмого октября 1917 года в нашей газете был опубликован знаменитый декрет о земле, который обещал сделать крестьянина хозяином. Большевики, укравшие, по сути, идею и текст этого документа у эсеров, во многом тем самым сумели склонить на свою сторону общественное мнение, провозгласив передачу земли крестьянам. Декларация благих намерений оказалась далека от реальной политики

новых властей и жестокой практики. Чем обернулось воплощение декрета для российской деревни — хорошо известно. Еще большим закабалением, лишением всех прав».

Ленин: Автор не уточняет, что именно он имеет в виду под «закабалением» и «лишением всех прав». Что в Россию вместе с общественной собственностью на землю вернулось крепостное право продавать крестьян по ценам свободного рынка?

Платон: Об этом автор цитированной статьи не говорит.

Узник: А что ему говорить? О том, что дети крестьян получили возможность учиться в лучших университетах страны? О том, что потомки крепостных дедов становились генералами, космонавтами, академиками? Или о том, что общественная собственность на землю стала фундаментом колхозной демократии? Общеизвестно, что несмотря ни на какие ошибки, перегибы и извращения, неизбежные при любом историческом процессе, колхозники имели право выбирать председателя колхоза и его правление. Правление колхоза обязано было отчитаться перед общим собранием колхозников о том, сколько заработано за год, сколько истрачено на улучшение земли, стада, техники, сколько получили на руки и сколько следует доплатить по итогам года на каждый заработанный рубль. Это и было реальное участие производителя в справедливом распределении продукта, полученного в результате коллективного труда на общей земле. Наверно, не все было идеально и здесь, возможно, было и жульничество, где-то срабатывал частнособственнический инстинкт, но в целом это была невиданная в истории человечества демократия: кто производил продукты, тот и участвовал в их распределении. К сожалению, на промышленных предприятиях такого не произошло: рабочий был отстранен от контроля и распределения заработанных коллективом средств. Отсюда — апатия рабочего класса к реформам Горбачева — Ельцина и резкое неприятие их со стороны крестьянства.

Ленин: А что же указ Ельцина? Разгоняет колхозы.

Узник: Прямо на это он не решился. Побаивается русско-го топора. Но мину замедленного действия под коллективные хозяйства он заложил.

Платон: Во-первых, следует отметить, что названный указ узаконил в России куплю-продажу земли по ценам свободного рынка. Причем согласно указу российскую землю могут покупать и иностранцы.

Узник: Так они этого и добивались в первую очередь. Еще 5 -10 декабря 1993 года новой эры в Брюсселе состоялось совещание международных банков, на котором была рассмотрена просьба российских властей о займах под залог российских земель. Просьба была удовлетворена, и согласно решению международных банков наша земля пойдет в заклад под долги, но не в «натуре», а в форме документов, акций на право управления сроком на 99 лет.

Платон: Если мы проанализируем беспристрастно указ президента «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России», то заметим, что и здесь на первом плане фигурирует не земля, а бумаги о земле. Так, в указе говорится: «Каждому члену коллектива сельскохозяйственного предприятия, которому земля принадлежит на праве общей совместной или общей долевой собственности, выдается свидетельство на право собственности на землю по форме, утвержденной настоящим Указом с указанием площади земельной доли (пая), без выдела в натуре». Ради всех богов, объясни мне, что это значит: бумага есть, а земли нет!..

Узник: Здесь начало бюрократической махинации, которая затем обернется кражей общей земли. Если раньше колхозник, работая на общем поле, не задумывался над тем, чью именно землю он пашет, то теперь ему навязывают бумагу — «свидетельство на право собственности», которое его все время должна подталкивать к этой мысли, и в конце-концов, по мысли сторонников частной собственности на землю, крестьянин должен будет спросить: «А где моя земля?»

Платон: Но ведь в этой же статье указа говорится дословно: «Собственники земельных долей (паев) без согласия других собственников имеют право на выдел земельного участка в натуре для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, сдачи в залог и аренду».

Узник: Это чистейший идеализм и невежество! Как из общей земли выделить часть? Это все равно, что пытаться справедливо разделить целую тушу тельца на множество людей. Одному достанется плодородный участок в пойме реки, другому — солончак на бугре. Одному — близко от дома, другому, чтобы доехать до своего участка, придется семь верст киселя хлебать. Одного горючего сожжешь больше, чем при уборке урожая. А представьте себе, что со временем на каком-то участке бывшей общей земли обнаружатся полезные ископаемые... Станут ли соседи радоваться такой «справедливости»? Нет, конечно! Раздел земли неизбежно приведет к разделу общества, обострению противоречий между различными группами сельского населения и неизбежно подведет к новой гражданской войне. Война сметет «реформаторов». Ельцин это прекрасно понимает, равно как понимает он тот факт, что крестьянский коллектив не захочет саморазрушаться, делить землю, потому и вертится, как уж под вилами: то земля в натуре, то пай по бумаге, то могут выделяться без согласия других пайщиков, то не могут... Читай дальше.

Платон: «Выдел земельной доли (пая) в натуре производится с учетом требуемой по рациональной организации территории и компактного землепользования... В случае отказа коллектива выделить имущественный пай в натуре либо в связи с невозможностью обеспечить в натуре право на имущественный пай предприятия обязаны выделить денежную компенсацию имущественного пая».

Узник: «А» сказали, но «Б» говорить не хотят. Авторы указа прекрасно понимают, что сама по себе земля продукцию не произведет. Нужны машины, нужны зернохранилища, ремонтные мастерские и так далее. Выходит, если разделили землю, то неизбежно нужно делить и стальное имущество. Но коллектив на это не согласится уже по той причине, что один трактор не разделишь на много тракторов. Указ и здесь подталкивает к удушению коллектива частнособственническим эгоизмом: не дадут натурой, требуйте деньги. Не мытьем, так катаньем. Имея целью разрушить коллективные хозяйства, отнять обманом землю у крестьян, указ Ельцина

создает идеальные условия для жуликов-скупщиков земли. Ведь согласно указу, даже не получая земли в натуре, собственники «паев», то есть обладатели бумаг (свидетельств на право собственности на землю) имеют право «без согласия других собственников продавать земельные доли (паи) другим членам коллектива, а также иным гражданам и юридическим лицам для производства сельхозпродукции». Вот это и есть мина замедленного действия: сегодня крестьянин не выйдет из коллективного хозяйства, потому что оно дает ему стабильную жизнь, а завтра, выйдя на пенсию, он продаст свой пай, потому как плоть слаба и хочется сделать какой — никакой подарок внучатам, давно живущим в далеком городе и к земле никакого отношения не имеющим.

Гегель: Однако указ устанавливает, что землю можно продавать для производства сельскохозяйственной продукции.

Платон; Вообще-то продают, чтобы получить деньги. Что будет с товаром, продавца не должно интересовать. Пусть об этом болит голова у покупателя. И в самом начале указ об этом прямо говорит. Цитирую: «Граждане и юридические лица — собственники земельных участков имеют право продавать, передавать по наследству, дарить, сдавать в аренду, обменивать, а также передавать земельный участок или его часть в качестве взноса в уставные фонды (капиталы) акционерных обществ, товариществ, кооперативов, в том числе с иностранными инвестициями».

Ленин: Ясно, что собака зарыта не в производстве продукции, а в интересах иностранных инвесторов. И как же восприняла этот указ российская общественность?

Платон: Оппозиционная печать на день выхода указа была запрещена, а что писала официальная, мы можем судить по газете «Труд» за 29 октября 1993 года новой эры. Здесь опубликована статья некоего Юрия Черничек ко...

Узник: Сейчас начнет плевать на колхозы.

Платон: Слушаем: «Как прочитает, как применит указ к своему нищенскому житью моя подружка Катька из обезлюдевшей деревни Шишковердь? Ей уже за шестьдесят, сироте и чудачке, а все даже в глаза зовут ее Катькой! Таких милли-

оны — одиноких и нищих, вымученных колхозным строем и выброшенных за грань выживание. Не Ельцин, не трехцветная Россия уничтожили 150 тысяч деревень, Оросили миллионы га былой пашни чернолесью, израсходовали десятки миллиардов долларов на покупной хлеб. Это сделал строй, придуманный товарищем Сталиным по чертежам товарища Ленина: строй колхозов — совхозов, строй с одним — единым собственником земли. Его имя — КПСС, псевдоним — Советы, кличка — номенклатура, но фигура это одна и та же.

Катка отныне освобождена с землей: ей надлежит получить свой пай в 11,7 га и передать в сильные и умелые руки (сын или фермер из ближней ассоциации, или товарищество нового сахарного завода — пока не знает никто). Но что отныне Катка (и число ей миллион) не зависит каждым своим часом от милости или гнева председателя — факт могучий». Конец цитаты.

Узник: Хорош, мерзавец! Всех переврал, всех оплевал: и Сталина, и Ленина, и председателя колхоза.

Ленин: Однако хотелось бы услышать объяснения насчет «уничтоженных 150 тысяч деревень» и «миллионов га былой пашни, брошенной чернолесью» по моим чертежам.

Узник: Во-первых, насчет 150 тысяч уничтоженных деревень Черниченко приврал основательно. Но деревни якобы «бесперспективные» действительно обезлюдели не по чертежам Ленина — Сталина, а по чертежам советников Никиты Хрущева — академиков Заславской, Абалкина, — тех, кто сейчас ратует за частную собственность. Что касается пашни, тут у Черниченко ум за разум заходит. При том же Хрущеве народ поднял миллионы гектаров пашни ранее целинных залежных земель в Казахстане. На юге России распахали все, даже общественные выпасы для индивидуального скота. Черниченко, конечно же, знает об этом, но от него требуют только одного: оплевать, оклеветать колхозный строй.

Ленин: За это ему и платят, разумеется!

Узник: Самый гнусный прием, который использует Черниченко — это его показушные слезы по поводу «подружки Катки из деревни Шишкововердые». Фамилию, как водится, врун не называет. Читал я все это здесь, в Лефортово, и вспоминал

моих земляков — колхозников села Белая Глина Краснодарского края. Мои первые познания общественном хозяйствовании приобретались лет с десяти, когда мы, сельские пацаны, во время летних каникул шли работать в колхоз: сопровождать машины с зерном на элеватор, ворочать для просушки валки пшеницы, жечь стерню — да мало ли дел найдется во время уборки, когда нужны и мужские, и женские, и датские руки. И мы гордились своей самостоятельностью, гордились тем, что зарабатывали зерном и немножко деньгами... А первое мое знакомство с колхозной жизнью пришлось на послевоенные годы. Мама ушла из колхоза работать поваром в детский дом, где содержалось около 250 детей, оставшихся во время войны без родителей. Они были чуть постарше меня. Каждой весной, как только созревала столь желанная после зимы первая кубанская ягода — черешня, колхоз «Путь к коммунизму» приглашал весь детский дом в свой сад — на ягоду. Директор детского дома Варвара Петровна говорила всем сотрудникам: «У кого дети поменьше, пусть придут: завтра выезд в сад, а какой черт их там разберет: детдомовские они или чужие! Все наши». Надо признать, что детдомовских тогда кормили получше, чем «семейных», помогал асе тот же колхоз. Боже, сколько радости было в саду: ешь, сколько хочешь, да еще с собой каждый мог унести маленькое детское ведерко крупной сочной ягоды. Знаю, черниченки, ослепленные ненавистью ко всему общественному, в эти «детские сказки» не поверят.

Что ж, тогда укажу другой адрес: Краснодарский край, село Белая Глина, улица Первомайская, 185, Котвицкая Мария Семеновна. В этом дворе жил сын Марии, или Мани, как ее ласково называют в колхозе «Россия», мой тезка Виктор. Мне повезло — отец вернулся с войны инвалидом. У тезки — отец бросил семью. Мы жили скудно. А там — того хуже: старая хата под камышовой крышей, полы земляные. В доме — старая бабушка Поля, а Мария Семеновна неделями пропадала на колхозном птичнике: день и ночь не покладая рук кормили страну. Баба Поля была среди первых колхозниц и в свои 90 лет каждый месяц (это еще в середине 50-х годов) получала колхозную пенсию: пуд муки да три литра подсолнечного масла. Мало. Да, мало, с нашей сегодняшней колокольни. А

тогда, спрятав муку и маслице в чулан, баба Поля радовалась: не забывает колхоз! Это я заработала. Пусть гноятся злобой враги колхозного строя, пусть беснуются, но баба Поля была свободным человеком, она гордилась, что ее не забыли, что ей воздают за прошлый труд, что «при хозяевах и не снилось»!

Баба Поля дожила до коммунизма: правление колхоза приняло решение построить Котвицким новый кирпичный дом. Привезли кирпич с колхозного кирпичного заводика, выделили бригаду каменщиков, которую Мария Семеновна хоть и не оплачивала, но, как и положено на селе, отпаивала водкой после каждого рабочего дня. А мазали потолок и стены всей улицей. Тут уж не разберешь, кто колхозный, а кто просто хороший человек. Дом строим! Меси глину босыми ногами, тащи тяжеленные ведра к подъемнику — журавлю, принимай в чердачный проем ведра с глиной, заходишь ознобом, коль случайно коснется твоего плеча тугая девичья грудь... Навалили потолок, разровняли... Можно передохнуть. «Витечка, не слась!» — кричит Мария Семеновна. — «Раз работал, как мужик, то уж и выпей по рюмочке вместе со всеми!» Маня с подносом в руках, уставленным гранеными стаканчиками, поднимается наверх к женщинам и всем, работавшим наверху, подносит по одной. «Ой, Мань! Да где ж ты ее такую взяла!» «Чего?» — делает изумленные глаза Мария Семеновна. «Да горькая — в рот не возьмешь! Куда ж ее пить такую!» Приезжаю каждый раз проведать родные могилы, иду к Марии Семеновне. «Витечка! Ой, да когда ж ты приехал?

Ну, а детки?» «У меня-то все хорошо. Дом стоит?» «Стоит, что ему сделается. Газ подвели. Телефон поставили. А я, — не выдерживает Мария Семеновна, чтобы не похвастаться, — этим летом две тонны зерна из колхоза получила. Не забывает председатель стариков, дай бог ему здоровья, да с таким зерном мне теперь и король не сват...»

Что нужно, чтобы человек был счастлив? Наверно, умение радоваться счастью других людей...

В 6.00 по московскому времени 21 января 1994 года новой эры разговор философов в камере 32 Лефортовской тюрьмы обрывает лязг распахнувшегося притвора в стальной двери: «Подъем!»

Глава 10

ОТКРОВЕНИЕ

*Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В нем жизни нашей смысл?
Он нам не постижим!*

Омар Хайям

Вопросы, которыми задавался девять веков назад один из величайших поэтов человечества, мучают людей тысячелетиями. И если история Древней Греции есть детство осознанной истории человечества, то приходится удивляться тому, как древние с детской непосредственностью силой своего ума постигали великие истины и как они же с наивностью детей впадали в ошибки, уводящие от истины далеко в сторону. Две с половиной тысячи лет назад в Афинах понятия не имели о научных лабораториях с их сложнейшими и совершенными приборами, способными зарегистрировать явления, недоступные органам чувств человека. Единственным научным инструментом тогда была человеческая мысль. Отсюда — абсолютизация мысли, сознания. Еще до Сократа с его знаменитой формулой «Познай самого себя» Анаксагор возводит в основу основ мысль как таковую. Согласно Анаксагору, мысль выступает как всемогущее понятие, как отрицательная власть над всем определенным и существующим. Это принцип станет краеугольным камнем всего последующего идеализма: «Все окружающее, все конкретное существует только в моем сознании, только благодаря ощущениям». Такое явное, кричащее противопоставление мысли и материи, окружающей человека реалии, встречало стихийный протест сознания: если для тысяч людей определенный предмет существует и они могут описать этот предмет, даже находясь вдали от него, то только сумасшедший мог утверждать, что этот конкретный предмет не существует.

Платон, по оценке Гегеля, «Один из учителей человечества», хотя и полагал, что «материя послушна душе», однако делает наиболее последовательные материалистические шаги а понимании взаимосвязи мысли и материи, «Бог нашел видимое, и это видимое не находилось в покое, а двигалось случайно и беспорядочно, — пишет Платон. — Бог сделал из беспорядка порядок, так как он признавал последнее более превосходным, чем первый». (Как тут не вспомнить, кстати, нашего академика-физика Велихова, который в оправдание перестройки и рыночной экономики доказывал советским телезрителям, что хаос, беспорядок разумнее порядка, планирования). Гегель, отчаянный идеалист, не дает обмануть себя словом «бог», он сразу же заметил, что Платон ставит `видимое», «движущееся» (материю) перед богом и, таким образом, с детской непосредственностью отнимает у бога роль творца вселенной. Гегель тут же разрывает оригинальный текст Платона, чтобы протащить свою точку зрения. «Это мифическое выражение, возникшее из потребности начать чем-нибудь непосредственным, но абсолютно недопустимое в том виде, как оно дано здесь». Однако если мысль действительно свободна и не признает прокрустова ложа чьих бы то ни было запретов, мы должны, обязаны отметить гениальное предположение Платона: хаос стремится к порядку. Говоря современным языком, мы можем высказать эту же мысль следующими словами: материя стремится познать себя и упорядочить свое движение.

Младенческое сознание, каковым оно было в Древней Греции и каковым во многом остается сегодня, не сразу признает примат конкретного, неодушевленного. Грубое конкретное, частное, «обывательское», как это определял Гегель, ранит сознание, делает его зависимым от окружающей среды. Сознание уподобляется здесь новорожденному младенцу, который отталкивает материнскую грудь материи (удивительная схожесть звучания и смысла: мать — материя) и оглушающе звонко кричит о том, что есть хочется. Аристотель по этому поводу замечает: «Дух отталкивает материю от себя и сохраняет себя в борьбе с нею». Платон

пытается снять несуществующий мнимый антагонизм сознания и материи: «Бог, — пишет он, — рассудив, что с видимом непостижимое не может быть прекраснее разумного, а к разуму ничего не может быть причастно без души, — бог, таким образом, вселил разум в душу, а душу в тело и соединил их так, что вселенная стала одушевленным, разумным животным». Три понятия введены Платоном в это суждение: 1) непостижимое, 2) душа, 3) вселенский разум. Каждое из этих понятий оправдано. Непостижимость. Только окончательные обскурантисты могут сегодня отрицать способности человеческого сознания познать окружающую среду, превратить это познание в полезные для человека вещи. Способность сознания познавать подтверждается нашей ежедневной практикой. Однако полностью познать конкретное невозможно, так как конкретное есть часть всеобщего — материи. В силу бесконечности последней и «вверху», и «внизу» сознание никогда не овладевает абсолютной истиной, непостижимое, а вернее сказать, непостигнутое на данный момент всегда будет существовать как цель познания на пути к бесконечному знанию. Вспомним Сократа: « Я знаю, что я ничего не знаю, но, познавая себя, я преодолеваю непознанное».

Душа. Это понятие употребляли и до Платона, и сегодня даже в тюремной камере может вспыхнуть спор: есть ли душа у человека. Душа как способность тела мыслить — да, конечно, есть. Все очарование, все таинство этого понятия объясняется тем, что в отличие от конкретного, материального мысль неосязаема органами чувств человека. Мысль действительно есть явление «в себе и для себя». Мысль, мышление, сознание существуют, но за отсутствием конкретного осязаемого предмета мы условно привязываем мысль к понятию «душа». И если быть до конца последовательными, мы должны отметить, что посла диалектического скачка от материи к духу, к мысли, к душе последняя стремится приобрести конкретную осязаемую форму: в слове — устном и письменном, — в музыке, пении, танце, живописи и так далее. Кому не известно выражение «излить душу»? В нем заключено стремление

мысли материализоваться. Разумное существует лишь как язык. Слово — наиболее распространенная и наиболее долговечная форма материализации души. Видимое и слышимое слово, аккумулируясь в книгах, сказаниях, дисках, составляют разум человечества — часть вселенского разума.

Все разногласия по основному вопросу философии о первичности бытия и сознания, как в Древней Греции, так и в современном мире, происходят из-за противопоставления мыслимого и ощущаемого. Гегель постоянно подчеркивает, что только мыслимое есть основа для чистой, «спекулятивной» философии. Но уже Аристотель довольно четко указывал на диалектику взаимосвязи ощущения и познания: «... Ощущение таково же, как и познание. Но различие между ними состоит в том, что то, что вызывает ощущение, находится вовне. Причиной этого является то, что деятельность, ощущение направлена на единичное, тогда как познание, напротив, направлено на всеобщее, а это последнее находится в известном смысле в самой душе как ее субстанция. Мыслить поэтому может каждый, если он хочет. Ощущение же не зависит от него, а для этого необходимо, чтобы было в наличии ощущаемое».

Отметим, что хотя на первый взгляд каждый действительно может мыслить, если захочет, на самом деле мышление нуждается в понятиях, полученных ранее благодаря ощущениям. То есть мыслить, не ощущая, мыслить без материи невозможно. Гегель полагает, что он унижает ощущение, когда отмечает тот факт, что животные тоже ощущают, а мыслит только человек. На самом же деле родство ощущения и мышления древнее и глубже, чем это кажется. То, что животные ощущают свет, звук, голод, ни у кого не вызывает сомнений. Но давайте зададимся вопросом: а растительный мир — деревья, злаки, трава — ощущает? Безусловно! Стоит задержаться зимним холодам, и лес стоит голый, мрачный. Пригреет пораньше весеннее солнышко — миллиарды стволов начнут жадно тянуть соки из земли, гнать их к вершинам, чтобы взорваться на глазах зелеными кронами. В весеннем лесу или поле результат

ощущения виден невооруженным глазом. Возьмите совсем «примитивные» вещи. Я наливаю в тюремную миску горячий чай, чтобы вымыть ее (в камере нет горячей воды), и дно миски тотчас становится горячим. Значит, металл ощутил теплоту жидкости. И если бы под рукой были соответствующие приборы, можно было бы подтвердить это ощущение фактом физического расширения миски. И так во всем. Разве Луна не ощущает жару солнечного света и холод космоса на другой стороне? Ощущение — перманентное свойство материи. Мышление — высшая форма развития ощущений. И если мы, не задумываясь, повторяем высказывание древних греков «Я мыслю — значит, я существую», то с таким же успехом мы могли бы утверждать: «Я ощущаю — значит, я существую». Но последнее высказывание свидетельствует как раз о том, что мы начали мыслить благодаря ощущениям. Утверждение Аристотеля о том, что «ощущение направлено на единичное, познание — на всеобщее», при ближайшем рассмотрении поражает мощью диалектики. В самом деле, всеобщее, бесконечное предстает перед нами благодаря ощущениям в конкретном, единичном. Мышление же индивидуально, единично, но стремится познать всеобщее. Здесь ахиллесова пята познания. В силу бесконечности всеобщего сознание никогда не познает его окончательно. Обреченность пред всеобщим заставляет сознание подвергать сомнению частное, представленное в ощущениях. С другой стороны, эта необходимость «подвергать все сомнению» помогает выверять ранее полученное знание, помогает совершенствоваться совокупному разуму, предупреждает его стагнацию.

Таким образом, ощущение и мышление постоянно переплетаются и не существуют в отрыве друг от друга. Более того, природа, заботясь о сохранности и продолжении разумного, наделяет мыслящего человека необычайно сильными божественными ощущениями. Первое из них — любовь. Ничто, никакое ощущение, никакое удовольствие несравнимо с блаженством взаимной любви мужчины и женщины. Всякие отклонения от нормы — однополая лю-

бось, обеты безбрачия — есть суррогат разума, попытка обмануть природу, которая всегда заканчивается поражением. Природа дает нам любовь, чтобы мы сохранили, продолжили в детях ее высшее достижение — разум. И пусть это покажется мистикой, но любовь и звезды неразделимы. Не менее сильное чувство мы испытываем затем к детям. Неправомерно говорить: этот народ сильно любит детей, а другой — не так. Каждая мать любит свое дитя. Зверь тоже любит свое дитя, заметил Гоголь. Но это не противоречит, а скорей подтверждает мысль о том, что природа заботится о сохранении сложного, наделяет его высшими чувствами. Тот вид, который не знает любви к детям, обречен на вымирание. И, наконец, не менее сильное ощущение, свойственное, вероятно, только человеку, — это чувство товарищества, идейного родства. Это ступень, которая отличает сознание от всего, что было до него. Потому как божественный дар любви нам дан авансом для продолжения рода разумных, идейное братство презирует смерть, готово расстаться с жизнью ради сохранения разумного в чистом виде. Будем помнить о павших на Куликовом поле, у стен Сталинграда, у Дома Советов в Москве... Они пали героями. Они останутся с нами как звезды.

Глава 11

ГОСУДАРСТВО

Две готовности надо всегда иметь. Одна: делать только то, что подлежит тебе по разуму властителя и законодателя на пользу людей. И еще: перестраиваться, если явится кто-нибудь, чтобы поправить или переубедить в каком-нибудь мнении. Только чтобы переубеждение шло от некой достоверности, будь то справедливость или общая польза или что-нибудь такое, а не оттого, что поманила сладость или там слава.

Марк Аврелий Антонин. Размышления

25 января 1994 года новой эры в 22.00 по московскому времени в Лефортовской тюрьме пробили отбой. В камере 32 философы обмениваются мнениями на тему государство и справедливость.

Узник: Первый признак государства есть граница территории, на которой действуют определенные законы, определенный уклад жизни народа. Но что такое справедливость? В октябре прошлого года я вместе с другими гражданами пытался защищать закон, государство же во главе с президентом применило против закона грубую силу: одних расстреляло, других бросило в тюрьму. Я нахожусь за решеткой и считаю это вопиющей несправедливостью. Однако в российском государстве найдется немало людей, которые называют это положение справедливым.

Ленин: До тех пор, пока государство, общество сохраняет деление на определенные группы, сословия, классы, толковать справедливость в чистом виде — бесполезное занятие. Все зависит от того, в чьих руках власть.

Сократ: Независимо от этого человек должен найти меру справедливости в самом себе.

Узник: Чтобы вместе с этой мерой оказаться за решеткой. Мне кажется, что справедливость попиралась уже тог-

да, когда «демократическая» печать подняла шум вокруг искусственной проблемы: государство для человека или человек для государства. Под шумиху развалили или человек для государства. Под шумиху развалили государство СССР, а затем принялись мордовать человека. Все это оправдывалось «естественной потребностью».

Гегель: Это не ново. В мой век справедливое в себе обычно изображалось в форме естественного права, права в естественном состоянии; но такое естественное состояние есть непосредственно нравственная бессмыслица. Мы привыкли исходить из фикции некоего естественного состояния, которое, разумеется, есть состояние не духа, разумной воли, а состояние животных по отношению друг к другу. Гоббс поэтому правильно заметил, что истинное естественное состояние есть война всех против всех. Естественное право, таким образом, есть право отдельного лица и для отдельного лица, а государство при этом допускается лишь как средство для отдельного лица.

Ленин: Вот вы, профессор, оправдываете частную собственность, считаете, что без нее нет стимула для развития ремесел, или, как говорят, без конкуренции частных предпринимателей нет развития производства, а ведь частная собственность и предполагает «войну всех против всех». Это и есть состояние животных, где действует принцип: выживает сильный, коварный, подлый, но не обязательно разумный. Вначале этот принцип подминает под себя отдельного человека, а затем целые страны и народы.

Платон: Справедливость — это не право собственности, а достижение духом бытия своей свободы. Понятие справедливости есть основа, идея целого, которое разделено органически внутри себя таким образом, что каждая часть существует лишь как момент в целом и целое существует посредством ее. Справедливость, согласно ее истинному понятию, означает для нас свободу в субъективном смысле, потому, что она означает, что разумное получает существование, а так как это право, право свободы получить существование, всеобщее, то справедливость должна быть главной основополагающей целью государства.

Аристотель: В государстве есть общие интересы и есть частные. Человек — часть государства, и если государство умирает, то и человек остается только по названию. Так если умирает сам человек, то его рука, нога остаются только по названию, они уже не выполняют той роли, которую выполняли при живом человеке. В принципе высшее благо остается одним и тем же для отдельного человека и для целого государства. Но все же, как кажется, более великим и достойным является приобретение и сохранение блага, справедливости для всего государства. Большой заслугой является приобретение высшего блага отдельным человеком, но прекраснее и божественнее приобретение его для народа и целого государства.

Узник: Следовательно, при всей неизбежности противоположности индивидуального и общего в государстве, вы, древние, отдаете предпочтение общему.

Гегель: Государство должно снять эту противоположность.

Ленин: Маркс говорил проще: наша задача не воспитать Рафаэля в каждом отдельном ребенке, а предоставить возможность каждому, в ком «сидит» Рафаэль, проявить себя. Это означает, что мы, коммунисты, (те, которые отдают приоритет общему) выступаем за то, чтобы общее не подавляло свободу и способности индивида, а наоборот, предоставляло всем справедливые, равные условия, в которых индивидуальная свобода и способность человека разумного может проявиться.

Гегель: К сожалению, одной теории недостаточно для создания государственного устройства, так как не отдельные лица создают его, а оно есть нечто духовное, божественное, творимое историей. Оно обладает такой мощью, что мысль отдельного человека не имеет никакого значения по сравнению с силой мирового духа.

Узник: Я не прочь согласиться с вашим «божественным» определением, профессор, если вы под государством подразумеваете устройство жизни людей по воле коллективного разума. В таком случае в вашем определении просматривается планетарность, а затем и вселенское величие

духа, который есть не что иное, как вечно движущаяся бесконечная материя. Но если вы говорите о государственном аппарате, как атрибуте всякого государства, то вы обожествляете бюрократизм, тюрьмы, насилие над личностью.

Ленин: Государство в этом смысле есть аппарат насилия одного класса над другим.

Узник: Не будем ввязываться в бесконечный спор о классовой природе государства. Ведь нам важно выяснить, как представляли себе справедливое государство древние. Выслушаем древних и попутно обменяемся мнениями. Согласен, Ильич?

Ленин: Согласен.

Узник: Нас интересует, разумеется, вопрос, как осуществить справедливое государство.

Сократ: Я скажу, как это сделать, хотя мои слова могут быть встречены с полным недоверием, а возможно, вызовут смех. Итак, если философы не будут править в государстве или так называемые теперь цари и властелины не будут подлинно и всецело философствовать, пока, таким образом, не сопадут в одном человеке власть и философия, не сольются в нем многообразные умонастроения, которые теперь, действуя врозь, ищут или одного, или другого, — пока, говорю я, это не случится, то не будет для народов, о друг мой, конца их бедствиям, да, пожалуй, — так полагаю я — не будет конца бедствиям и человеческого рода вообще.

Узник: Сократ совершенно справедливо выделяет обязанность правителей сливать воедино различные умонастроения. Я так понимаю, что настоящий правитель обязан проявлять не только терпимость к полярным точкам умонастроений, взглядов сограждан, но и уметь соединить их, вывести из кажущейся несовместимости пользу всему обществу.

Ленин: Тебе мало шишек, набитых дубинами ОМОНа, мало тюрьмы, чтобы, не смущаясь, проповедовать надпартийность?

Узник: Я не проповедую надпартийность и никогда не верил, что она может реализоваться. Но глава государства

обязан уметь соединять противоположные умонастроения для пользы большинства членов общества.

Ленин: Ты считаешь, что это доступно одному человеку, хотя бы и философу?

Узник: Индивидуальность никогда не сможет выразить всеобщее, тем не менее, в обществе есть индивидуальности, выражающие всеобщее полнее, чем другие. Эта черта называется даром предвидения, предсказания.

Гегель: Многоопытным образованным государственным человеком, например, является тот, который умеет найти средину, обладает практическим умом, то есть поступает согласно всему объему предлежащего случая, а не согласно одной его стороне, находящей свое выражение в одной максиме.

Сократ: Боги сохранили для себя знание наиболее важного. Архитектура, земледелие, кузнечество и так далее суть человеческие искусства, и точно также являются таковыми искусство управления государством, счет, ведение домашнего хозяйства, ведение войн. Во всех этих искусствах человек может достигнуть большого совершенства, но для достижения знания наиболее важного необходимо искусство предсказания.

Узник: Твое высказывание, Сократ, повергнет в ужас российских борзописцев.

Сократ: Почему же?

Узник: Ты уравнил искусство управления государством с ведением домашнего хозяйства.

Ленин: Сократ говорит как человек разумный. Никаких сверхъестественных способностей в искусстве управления государством не требуется. Мы и кухарку научим управлять государством.

Узник: Ильяч, ты сказал «научим управлять», однако эту фразу переврали до убожества. Какая газета теперь не изгаляется по поводу того, что «кухарка должна управлять государством».

Ленин: Ну, батенька, если из-за каждого плевка отказываться от разумного, то лучше к кухаркам не соваться. Ведь я говорил не только о необходимости научить управ-

лять государством простых людей труда. Мне могут привести немало примеров, когда и в капиталистической Америке миллионерами и сенаторами становятся простые люди. Суть в том, чтобы власть в государстве осуществлялась самими трудящимися массами. Общее должно само править собой. Задача «верховных» правителей в таком случае сводится к тому, чтобы обеспечить влияние воли низов на выработку общегосударственных решений.

Узник: Моя партия — РКРП — борется за то, чтобы государственная власть начиналась с трудового коллектива. В древней Греции эта первичная ячейка общества отсутствовала, вернее, институт рабства не давал ей развиваться из эмбрионального состояния. В противном случае древние обязательно бы увидели, что трудовой коллектив есть основа процветания и семьи и всего государства. РКРП считает, что именно в трудовом коллективе (цехе, заводе, научной лаборатории, колхозе) на общих собраниях их членов должны избираться первичные органы власти — советы трудящихся. Такие советы от имени всего народа владеют собственностью коллектива, распоряжаются справедливым распределением полученных доходов, построенных квартир, путевок в бесплатные санатории, заграничные командировки, устанавливают справедливую оплату труда администрации. Кроме того первичные советы направляют своих представителей с правом решающего голоса во все вышестоящие советы, где вырабатывается налоговая политика, определяются приоритетные направления развития экономики, утверждаются планы развития страны в целом. Трудовой коллектив должен иметь право отозвать своего представителя из вышестоящего совета тогда, когда это сочтет необходимым первичный совет или общее собрание трудового коллектива.

Ленин: Позвольте, милейший! Выборность органов власти снизу доверху через трудовые коллективы, наем администрации, придание планам развития народного хозяйства силы закона и их неукоснительное соблюдение — это и есть диктатура пролетариата! Вы что так и не смогли сделать это реальностью?!

Узник: Это отдельный разговор: почему мы в России не смогли осуществить справедливое государство. Послушаем лучше, как представляет такое государство достопочтенный Платон.

Платон: Скажу, во-первых, что всякое государство — есть определенная ступень развития божественного разума, всемирного духа. Этот разум выражается в справедливости, согласно которой индивид находит свое полное выражение лишь в том, что совпадает с божественным, идет на благо общему.

Ленин: Божественный разум. Всемирный дух. Как бы это не называлось, государство предполагает разумную, осмысленную организацию жизни общества. Рано или поздно разум приходит к пониманию необходимости научно обоснованного плана развития.

Гегель: В современных государствах существует свобода совести, согласно которой каждый отдельный человек может требовать, чтобы ему дали возможность следовать своим собственным интересам.

Платон: Возможность требовать можно предоставить всем и всякому. Вопрос в том, имеется ли реальная возможность у государства (общего) выполнить эти требования. Если каждый потребует построить для себя дворец, то где взять столько рабов, чтобы построить эти дворцы? Да и как прокормить такое количество рабов? Содержанием государства может быть только общее. Следовательно, справедливое государство требует исключить частную собственность.

Узник: Если ты, Платон, под частной собственностью подразумеваешь дворцы, то никаких возражений против полной отмены такой собственности быть не может. Однако отдельному человеку требуется жилище, одежда, то есть личная собственность. Справедливо признать право человека на личную собственность, личное подсобное хозяйство, дачу, — тем более, что все это может у него появиться при условии нормального функционирования общего. Мы, коммунисты сегодняшней России, называем частной собственностью те средства производства, которые носят общественный характер. Если средства производства общественного

характера (земля, заводы, научные лаборатории) находятся в частной собственности, это неизбежно приводит к эксплуатации человека человеком. А если частная собственность доминирует в обществе, то она подавляет все разумное, все свободы индивида, кроме одной: человек — человеку волк. Такую частную собственность мы отвергаем. Государство, основанное на частной собственности несправедливо.

Платон: Вторым требованием справедливого государства является требование обязательного труда для каждого члена общества. Но труд, как вам известно, бывает различный.

Ленин: Труд физический и труд умственный — вот фундаментальное диалектическое разделение труда в самом себе.

Платон: Один может делать одно дело, у другого лучше получается другое. Отсюда мы заключаем, что без сословий, без этого деления на большие массы, государство не представляет собою организма.

Узник: Всем любителям обвинять коммунистов в том, что мы якобы выдумали искусственное деление общества на классы, стоит завязать здесь узелок на память! Наука отметила разделение общества внутри себя уже две с половиной тысячи лет назад.

Платон: Противоположностью, ранее всего выступающей в государстве, является противоположность между всеобщим как государственным делом и жизнью в государстве и единичным как жизнью и работой для отдельного лица. Эти занятия уже обуславливают два сословия: одно посвящено первому занятию, другое — второму.

В государстве должно быть три функции нравственно-го: а) законодательства, совещания, вообще деятельности для пользы всеобщего и заботы о всеобщем, об интересах целого как такового; б) функция защиты общественного союза против внешних врагов; в) функция заботы о единичном, об отдельном лице, потребность, как, например, земледелие, скотоводство, изготовление одежды, постройка домов и так далее. Один и тот же человек не может с одинаковым успехом исполнять эти дела, потому мы можем указать три главных сословия в государстве: сословие правителей, ученых, образованных, сословие воинов

и сословие доставителей предметов для удовлетворения потребностей, сословие земледельцев и ремесленников. Первое сословие правильное будет назвать стражами. Это философски образованные государственные люди, обладающие подлинной наукой, стоящие на страже интересов целого.

Гегель: Что ж, перед нами — набросок конституции платоновского государства.

Узник: Конституции, как вы сами отмечали, профессор, сегодня составляются без особого труда. Другое дело — как это функционирует.

Платон: В каждом сословии есть свои добродетели. Первой добродетелью является мудрость и наука; государство, обладающее такой добродетелью, будет мудрым и хорошо разбирающимся, как ему вести себя внутри самого себя и в отношении других государств.

Узник: Следует признать, что знание, наука действительно могут принести пользу государству, а потому их следует поощрять всемерно.

Платон: Вторая добродетель государства — есть мужество — то есть твердое отстаивание справедливого и законов.

Узник: Клянусь всеми богами Олимпа, в октябре 1993 года новой эры я был среди мужественных людей: мы твердо отстаивали справедливость и закон.

Платон: Третью добродетель составляет умеренность, власть над вожделениями и страстями, которая распространена, как никакая гармония, по всему целому, так что и более сильные, и более слабые люди, будут ли они слабее или сильнее умом, физической силой, количеством, богатством или чем бы ни было другим, действуют вместе для осуществления одной и той же цели и согласуются друг с другом. И, наконец, четвертой добродетелью является справедливость, когда каждый старается делать лучше то, к чему он более всего способен по природным задаткам.

Ленин: Красиво, но неосуществимо.

Платон: Почему же неосуществимо?

Ленин: Потому что если закрепить власть за сословием стражей, где гарантия, что через какое-то время это сословие не выродится в моральных уродов, думающих не о процветании государства, о торжестве разума, а о собственной выгоде.

Платон: Индивидуум не вправе сам выбирать себе сословие. В справедливом государстве не рождение отделяет друг от друо сословия и предназначает для них отдельных лиц, а каждый человек подвергается испытанию правителями государства как старейшими первого сословия, которые отдают в воспитание индивидуумов, и эти правителя производят отбор, указывая каждому определенное дело, которым он должен заниматься.

Гегель: Это находится в полном противоречии с принципом нашего, буржуазного государства. Мы не позволяем ни того, чтобы нам предписало этот выбор другое лицо, ни того, чтобы оно мне, например, сказало: «Так как ты ни для чего лучшего не годишься, то ты должен сделаться ремесленником». Каждый может у нас сам попробовать определить свое место; мы должны ему дозволить поставить вопрос о себе как о субъекте, а также и разрешить этот вопрос субъективно, по собственному произволу, сообразуясь, кроме того, с внешними обстоятельствами; мы не должны, следовательно, ставить ему препятствия, если он, например, скажет: «Я хочу отдаться науке».

Ленин: Все дело в том, что «внешние обстоятельства» в вашем обществе, профессор, означают не что иное, как материальные обстоятельства. Все упирается в деньги. Сорбонна и Кембридж не каждому по карману.

Узник: Вообще-то система конкурса вещь неплохая. Одно время, при социализме, ученые и сотрудники Московского государственного университета имени Ломоносова ежегодно выезжали в отдаленные уголки страны и проводили конкурсы среди школьников по физике, математике, истории, филологии. Так как образование всех уровней в нашем государстве было бесплатным, самых одаренных детей, независимо от материального положения родителей, приглашали учиться в университет, что было весьма престижно. Разумеется, система конкурсных экзаменов не совершенна. Особый вред ей наносила семейственность, кумовство. Расскажу вам анек-

дот, весьма точно отображающий складывавшуюся в том или ином направлении человеческой деятельности обстановку.

Диоген: Я люблю анекдоты. В свое время в Афинах только обо мне их сочинили несколько десятков.

Узник: Дед, отставной полковник, вышел погулять с внуком на улицу. Внук видит рослого, мужественного капитана в форме и с замиранием сердца спрашивает:

— Дед, а дед! Когда я вырасту, я смогу стать капитаном?

— Конечно! — улыбается дед. — Окончишь военное училище и будешь капитаном.

Через некоторое время внук видит полковника:

— Дед, а полковником я смогу стать?

— Почему бы и нет! Станешь, внучек, станешь.

Внук увидел генерала с лампасами и тут же к деду:

— Дед, а генералом я смогу стать?

— Нет, внучек, — печально ответил отставной полковник, — у генерала свой внучек растет.

Платон: Вот видишь! Я был совершенно прав, полагая, что в справедливом государстве не должно быть места семье. Все в государстве должно быть одной семьей. И у генерала, и у полковника, и у кожевенника, и у гончара нужно тотчас по рождению забрать внуков, сыновей, собрать их в специально устроенном заведении, питать их молоком кормилиц, взятых из среды разрешившихся от бремени матерей, и давать им общее воспитание. Причем воспитывать их следует именно так, чтобы ни одна мать не могла больше узнать своего ребенка. Свадьбы в государстве будут, и каждый будет иметь свою жену. Женщины должны рожать в этом государстве между двадцатью и сорока годами, а мужчины должны жениться и быть женатыми в возрасте от тридцати и до пятидесяти лет, чтобы воспрепятствовать кровосмешению: все дети, родившиеся в то время, когда данный мужчина был женат, должны называться его детьми.

Узник: Ну вот! Оказывается, и тут коммунисты не причем. Не мы первые заговорили об упразднении семьи. Первооткрывателем здесь был великий идеалист Платон, учитель цивилизованного человечества, как его называл Гегель.

Ленин: А ведь, признаться, я ничего плохого не вижу в том, чтобы государство взяло на себя часть бремени по воспитанию детей. Пусть мать кормит дитя год, полтора. Но затем, что плохого вы видите в том, чтобы в течение дня ребенок находился в специальном заведении под квалифицированным уходом специалистов медицины, образования.

Платон: Я исходил из того, что в справедливом государстве целое представляет собой одну семью, где труд обязателен для каждого, в которой каждый делает указанное ему дело, но продукт работы принадлежит всем сообща, а каждый от продукта своего труда, равно как и от продукта труда всех других, получает то, что ему нужно!

Узник: Справедливо! И одного этого достаточно, чтобы в сегодняшней России тебя, Платон, обозвали красно-коричневым, большевиком, партаппаратчиком — врагом прогресса и цивилизации.

Аристотель: Конечно, можно, подобно Платону, подробно описывать идеальное государство, но одно несомненно: править в государстве должны лучшие. Но ведь так и бывает, каковы бы ни были порядки государства.

Узник: Шило-мочало — начинай все сначала! Выходит, и Гитлер, и Пиночет, и Муссолини, и Ельцин — все равны и все лучшие уже потому, что господствуют в обществе, попирая и закон, и мораль, не гнушаясь убийством массовым и индивидуальным?

Аристотель: Я ориентируюсь на образ моего ученика — Александра Македонского. Это один из лучших. Они должны господствовать, так как лучшие страдали бы, если бы они были приравнены к другим, которые не равны им по своей добродетели и политической способности, ибо такой превосходный человек подобен некоему богу среди людей.

Узник: Надо срочно писать икону с Ельцина...

Аристотель: Для него нет закона, так как он сам для себя закон. Его можно было бы, скажем, выбросить из государства, но властвовать над ним можно так же мало, как над Юпитером. Ничего не остается, как подчиниться такому человеку — такое подчинение лежит в природе

всех людей — так что такие люди уже сами по себе цари в государстве.

Узник: Если бы такую красоту услышали российские «демократы» из окружения президента, тут же предложили бы Аристотелю пост главы телекомпании «Останкино». Академик Яковлев был бы смещен с этого поста в одно мгновение, так как он при всей своей изощренности и в подметки не годится Аристотелю по части обожествления диктатуры,

Гегель: Видите ли, когда Аристотель писал это, греческая демократия уже пришла в совершенный упадок, так что Аристотель не мог придавать ей какое бы то ни было значение.

В 6.00 по московскому времени 26 января 1994 года новой эры откидывается притвор железной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы: «Подъем!»

Глава 12

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Устаешь
отбиваться и огрызаться.
Многие
без вас
отбились от рук.
Очень
много
разных мерзавцев
Ходит
по нашей земле
и вокруг.
В. Маяковский

29 января 1994 года новой эры в 22.00 по московскому времени откидывается притвор железной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы: «Отбой!» Узник одевает на глаза черную повязку, защищающую от дежурного света в камере и засыпает. Через несколько минут в камере появляется Ленин, подходит к койке узника и трогает его за плечо.

Ленин: Вставайте, батенька! Прошу извинить меня за внеплановое вторжение, но надо, непременно надо поговорить наедине. (Пока узник одевает спортивный костюм, Ильич деловито ощупывает тюремный матрас, подушку). Жестковато. Однако, две свежие простыни и даже со штемпелем: звезда с серпом и молотом. Курите?

Узник: Бросил еще в 1989 году, когда начал заниматься политикой, памятуя ваши предупреждения: курящий революционер, попадая в тюремную камеру, страдает больше из-за своей вредной привычки.

Ленин: Хоть в чем-то мы, старина, оказались вам полезными. Однако я здесь не для того, чтобы вести душещипа-

тельные беседы. Что происходит в стране? Судя по вашим отрывочным сведениям, советская власть ликвидирована?

Узник: На сегодня — да. Но под нее подкапывались давно.

Ленин: Национализация земли?

Узник: Идет искусственный процесс приватизации и растаскивания земли. Коллективные хозяйства удушаются политикой цен и неэквивалентным обменом между городом и деревней. Трудящийся города, чтобы выжить, вынужден подрабатывать мелкой торговлей на толкучке, а крестьянин вновь осваивает забытое ремесло мешочника.

Ленин: Спекулируем, значит!

Узник: Во всяком случае, на первом этапе реставрации капитализма в России спекулянты стали массовой базой режима. И без того падение промышленного и сельскохозяйственного производства привело к бешеной инфляции, а тут еще спасу нет от спекулянтов. Цены взбесились. Всего за последние полтора года на продовольствие и промышленные товары они выросли в тысячу и даже в две тысячи раз, тогда как зарплата возросла в лучшем случае в пятьсот раз. Для большинства населения страны такая политика обернулась неслыханной нищетой.

Ленин: А что крупное промышленное производство? Удалось что-нибудь удержать на плаву?

Узник: У трудящихся отняли власть, а те, кто стоят у ее кормила сегодня, пляшут под дудку международных монополий и банков империализма. Крупное социалистическое промышленное производство целенаправленно и беспощадно подавляется. Останавливаются не только военные заводы, но практически вся машиностроительная отрасль, текстильный комбинат Иваново, Балтийский и Путиловский в Питере, Россельмаш — в Ростове-на-Дону... Всего не перечислишь. За два последних года объем промышленного производства в России сократился на 50%.

Ленин: В России. А по Советскому Союзу?

Узник: Вопреки воле народов СССР предан и разрушен. Там, где раньше большевики с таким трудом ликвидировали кровавую вражду народов, утверждали мир, вновь льется людская кровь, горят дома...

Ленин: Виновных — под трибунал!

Узник: Пока к суду готовлюсь я и не думаю, что можно надеяться на справедливость суда «демократического».

Ленин: Зарубите себе на носу и всем, кто не желает быть глупенькой жертвой обмана и самообмана в политике, объясняйте: нет и не может быть «чистой демократии» до тех пор, пока общество разделено на классы. Суд, пресса, государственный аппарат суть инструменты классового господства.

Узник: С этим я не спорю.

Ленин: Что с финансами?

Узник: Скажем так: если еще в 1960 году один доллар США стоил 71 копейку, то теперь по состоянию на 25 января 1994 года новой эры тот же самый доллар стоит 1542 рубля. Идет самая настоящая долларовая интервенция. Национальная валюта повержена. Многочисленные частные банки наживаются игрой на валютной бирже. Заработок рабочего обесценивается ежедневно на несколько процентов.

Ленин: Позвольте! Но ведь это же вакханалия, напасть, неслыханное насилие над миллионами людей! Убейте меня, никогда не поверю в то, что все построенное большевиками в одночасье развалилось как карточный домик. Не могли коммунисты, трудящиеся отдать социальные завоевания всего народа своим ярым врагам. Не имели права! Кто виноват? Неужто Сталин?

Узник: Сталин ни на шаг не отклонялся от курса, взятого партией в Октябре 1917 года. Не мне вам говорить, что представляла собой Россия после первой мировой и гражданской войны. Однако в короткий период была заложена индустриальная база, способная производить самолеты, корабли, локомотивы, танки на уровне лучших мировых образцов. В 1936 году США закупили в Советской России 100 локомотивов для своих железных дорог. В целом, благодаря социалистическому способу производства всего за десять лет после гражданской войны страна преодолела неслыханную отсталость, унаследованную от царизма. Сегодня холуйствующие перед капитализмом профессора и академики кричат о том, что социалистическое плановое

хозяйство — это тупик, обрекающий народ на экономическую стагнацию, что социализм противен человеческой природе.

Ленин: Это все эмоции. Где факты?

Узник: Хорошо. Запишите факты, зарегистрированные во всех солидных экономических справочниках. О преимуществах общественного социалистического способа производства убедительно говорят темпы роста промышленного производства в Советской стране по сравнению с самыми развитыми капиталистическими странами. Нарисуем таблицу:

Страны	1913 г.	1933 г.	1938 г.
СССР	100%	380,5%	908,8%
США	100%	108,3%	120,0%
Англия	100%	87,0%	119,3%
Германия	100%	75,4%	131,6%
Франция	100%	107,0%	95,2%

Ленин: Превосходно! Такие темпы могли быть достигнуты только при раскрепощении труда, отсутствии эксплуатации и при плановом ведении хозяйства.

Узник: Сегодня наши противники объясняют «русское экономическое чудо» тридцатых годов беспощадными «сталинскими репрессиями».

Ленин: Репрессии имели место?

Узник: Недобитый в Октябре 17-го года и разжиревший на гражданской войне класс частных собственников ожесточенно сопротивлялся. По деревням кулаки еще стреляли в колхозных активистов, учителей. Шла борьба, и вопрос «кто кого» не был окончательно снят с повестки дня. Враг подвергался репрессиям. В том числе и тот, который пробрался в верхушку

партии. Но даже в этом случае судебные процессы шли открыто, передавались в прямой трансляции по национальному радио. Сегодня, когда судят ГКЧП, о суде пишут только немногочисленные оппозиционные газеты. Да, раньше, при Сталине, действовали так называемые «тройки» — суд из трех человек. Сегодня, при торжестве буржуазной демократии, повседневной практикой стали суды из одного человека.

Ленин: Борьбы в белых перчатках не бывает. Но и борьба ради самой борьбы — тоже абсурд.

Узник: Но это не было борьбой ради борьбы. Не репрессии были главным содержанием тех лет, а созидательный труд миллионов. В результате уровень жизни народа резко пошел в гору. На селе появлялись новые добротные дома, дворцы культуры. В городах даже сегодня вы легко отличите капитальный жилой дом сталинской эпохи, где квартиры с высоченными потолками, а размеры ванной комнаты позволяют провести в ней партийное собрание, от других домов-хрущевок. В Москве в тридцатые годы начинается метро и одновременно одевается в гранит набережная Москвы-реки. Инвестиции огромны, но ни копейки кредитов у иностранных банков Сталин не просил. А объемы строительства, промышленного производства увеличивались. Производительность труда благодаря социалистическому соревнованию росла невиданными темпами. Ни частнособственническая конкуренция, ни погоня за прибылью не способны породить таких людей, как Стаханов в угольном забое, Чкалов в воздухе, Изотов у парового молота, Прасковья Ковардак на тракторе и тысячи других героев.

Ленин: Без экзальтации, пожалуйста. Если в тридцатые годы социализм был воспринят умом и сердцем подавляющим большинством трудящихся, то как можно было повернуть общество вспять?

Узник: Мы были еще в капиталистическом окружении. Вспомните, как к нам относились Чемберлен, Черчилль...

Ленин: Да, Черчилль прямо призывал удушить дитя большевистской революции в колыбели. Они начали интервенцию в Советскую Россию в 1918 году, но в конце-концов получили по зубам.

Узник: В 1941 году на нашу страну вероломно напала фашистская Германия. То была самая кровавая, самая жестокая и опустошительнейшая из войн, которые когда-либо знало человечество. В этой войне мы потеряли более 20 миллионов жизней. (Цифра наших потерь в 30 миллионов введена при Горбачеве с подачи академика Яковлева для подкрепления тезиса о том, что Сталин остановил гитлеровскую армию горой трупов, а потому должна вызывать настороженность). До берегов Волги страна лежала в руинах. То была всенародная Отечественная война. Заметим, что партия коммунистов потеряла в ней треть своих лучших сынов и дочерей. То были невосполнимые для партии и народа потери. Мы победили. В мае 1945 года красное знамя с серпом и молотом было поднято над поверженным рейхстагом. Но самых чистых, самых беззаветных и преданных война вырвала из наших рядов.

Ленин: Да, такие потери обязательно сказываются на качестве всей партии. Что стало со Сталиным?

Узник: В годы войны он взвалил на свои плечи огромный груз ответственности за судьбу страны. Фашисты захватили в плен его сына Якова и предложили обменять его на плененного нашими солдатами фашистского фельдмаршала Паулюса.

Ленин: И что же Коба?

Узник: Сталин ответил по-ленински: «Я маршала на солдата не меняю. И каждый советский солдат сын для меня». В конце 1943 года фашисты застрелили сына Сталина якобы при попытке к бегству. Разумеется, такое поведение Сталина снискало ему любовь миллионов простых людей. Не обошлось и без культа личности. Но в определенной степени даже культ личности Сталина был им же поставлен на службу делу восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Вот несколько фактов. Всего через два года после окончания войны Советский Союз первым среди европейских держав-участниц второй мировой войны отменил систему распределения продуктов питания по карточкам и приступил к систематическому снижению розничных цен на них. 1-го марта 1950 года был опубликован Указ Совета ми-

нистов СССР, которым объявлялось всеобщее понижение цен на все товары широкого потребления на 10-50%

Ленин: Прекрасно! Такой практики не знает ни одна капиталистическая страна, какой бы богатой она не была.

Узник: Социалистический способ производства позволил в дальнейшем проводить снижение цен на все товары ежегодно. В 1953 году Сталин умер. А цены последний раз снизились в 1956 году.

Ленин: Что произошло в 1956-м?

Узник: В этом году состоялся XX съезд КПСС, на котором Никита Хрущев вылил ушаты грязи и яда. Международное коммунистическое движение было шокировано, наши враги торжествовали... Весь текст доклада, с которым выступил Хрущев, был направлен против марксизма-ленинизма, против социализма.

Ленин: Хрущев? Хрущев... Осенью 1918 года в политорганы 9-ой армии, сражавшейся против генерала Деникина на севере Донбасса, если не ошибаюсь, был направлен молодой человек из шахтеров по фамилии Хрущев...

Узник: Он самый! Участие в гражданской войне бывшего батрака, затем шахтера поселка Юзовка было чрезвычайно важным для его дальнейшей карьеры. В юности Никита никаких политических кружков не посещал и имел о научном коммунизме весьма отдаленное понятие. Тем не менее, в 1922 году его как участника гражданской войны назначают секретарем парткома Донецкого технологического института в Юзовке. В 1925 году Хрущев становится секретарем районного комитета партии. В 1929 году Хрущев выступил на республиканской конференции Украины с резкой критикой бухаринцев. Выступление заметил Лазарь Каганович, возглавлявший ЦК компартии республики. Осенью этого же года Хрущева направляют в промышленную академию в Москву. С этого момента начинается его стремительное восхождение к вершине власти. На 17-ом съезде партии он избирается членом ЦК, затем секретарем Московского областного комитета партии и становится правой рукой Кагановича, возглавившего к тому времени партийную организацию Москвы. В январе 1938 года Хрущев избирается первым секретарем

ЦК компартии Украины. Это было чрезвычайно важное повышение. 22 июня 1941 года началась война и Хрущев становится членом Военного совета различных фронтов, в том числе Сталинградского. После освобождения Украины от немецких захватчиков Хрущев, будучи первым секретарем ЦК компартии республики и председателем республиканского Совмина руководит восстановлением разрушенного народного хозяйства республики.

Ленин: Ничего скверного в биографии Хрущева я не вижу. Скорее наоборот, его биография подтверждает тот факт, что Октябрь семнадцатого открыл широкую дорогу людям труда: от рабочего до крупного партийного и хозяйственного руководителя.

Узник: Правильно! И атаку Хрущева на Сталина нельзя объяснить только тем, что Хрущев не вникал в глубины марксизма.

Ленин: Практика — самый верный критерий истины. На чем свихнулся товарищ?

Узник: Возможно, роковую роль сыграла случайность, личная обида на Сталина.

Ленин: Случайность или обида?

Узник: В 1991 году журнал «Молодая гвардия» опубликовал статью, проливающую свет на мотивы поведения Хрущева после смерти Сталина. Дело в том, что сын Хрущева от первого брака попал в плен к немцам.

Ленин: Это не повод для обиды. У Сталина сын также был пленен. На войне как на войне.

Узник: Но в отличие от Якова сын Хрущева начал сотрудничать с фашистами. Он обращался к советским бойцам по громкоговорящей установке, призывал их сдаваться в плен, не скрывая при этом, что он сын члена Политсовета Сталинградского фронта Хрущева.

Ленин: Каков сукин сын!

Узник: Когда об этом доложили Сталину, он отдал приказ выкрасть пленного с помощью партизан. Партизаны выполнили приказ Верховного Главнокомандующего, но при отходе с боевых позиций их настигла вражеская группировка. Завязался ожесточенный бой. Партизаны по рации связа-

лись с командованием. Дошло до Сталина. Его ответ был ответом человека, ведущего войну не на жизнь, а на смерть: «Думать в первую очередь надо о своих солдатах». Эти слова стоили жизни предателю. Его расстреляли. Надо думать, Хрущев хоть и смотрел на Сталина преданнейшими глазами, но обиду за сына затаил, как кинжал за пазухой.

Ленин: Он сказал об этом на XX съезде?

Узник: Нет, конечно.

Ленин: По каким основным направлениям был выстроен его доклад?

Узник: Развенчание культа личности Сталина, обвинение его в массовых репрессиях, критика тезиса о необходимости укреплять диктатуру пролетариата по мере строительства социализма. Фактически доклад Хрущева переделывал всю советскую историю.

Ленин: Как это сказалоcь на положении страны?

Узник: Надо сказать, что еще до съезда Хрущев начал невиданную чистку в партии. Только на Украине было отстранено от работы 9 тысяч секретарей партийных комитетов, в Грузии — около 2500. Сразу же после съезда, на котором было объявлено, что на свободу выпущено 7 тысяч репрессированных за антисоветскую деятельность, Хрущев объявил войну «антипартийной группировке», куда зачислил Ворошилова, Молотова, Маленкова и даже Буденного. Из партии «вычищались» кадры, последовательно стоящие на марксистско-ленинских позициях. Хрущев понимал, что его бешеная атака на Сталина вызвала глубокое разочарование в широких массах. Для того чтобы массы поверили самому Хрущеву, нужно было нечто более существенное, чем доклады, пропаганда и реабилитация «жертв сталинского террора»: хрущевская пропаганда нуждалась в экономическом успехе, так как народ привык к стабильному улучшению своей жизни при Сталине. Первый прыжок Хрущева в области экономики ясно показал народу: высшие посты в партии и государстве занял волюнтарист. Хрущев решил одним махом построить коммунизм в деревне, для чего велел свести личный скот крестьян в общее стадо, урезал размеры огородов, обложил налогом фруктовые деревья в

сельских дворах. В результате огромные массы людей превращались из производителя продуктов в их потребителей. Вокруг Хрущева быстро образуется круг экономических советников (Заславская, Абалкин и др.), которые подталкивают его к дальнейшим авантюрам. По рецептам Заславской начинается укрупнение колхозов и совхозов и уничтожение «бесперспективных» малых деревень. Исторические корни российского крестьянства были подорваны. Благодаря социалистическому способу производства, благодаря «накату», берущему начало еще в тридцатых годах, страна еще добивалась впечатляющих успехов: советский человек первым вышел в космос, строились мощные энергетические центры, поднимались миллионы гектаров целинных земель. Однако темпы роста производства замедлились. Ежегодные снижения цен остались только приятным воспоминанием. В начале 60-х годов в стране разразился продовольственный кризис.

Ленин: Голод?

Узник: Не совсем. Скорее, своего рода голодуха. По прямому указу Хрущева в полях начали засеивать кукурузу, сокращая посевные площади под пшеницу, рожь и так далее. Хлеб, который к тому времени в общественных столовых выдавался бесплатно, начал исчезать в заводских столовых. Резко уменьшилось производство мяса. Во многих городах продукты стали распределять по карточкам. Рабочие забастовали. В городе Новочеркасске забастовали рабочие огромного электровозостроительного завода. Хрущев подавил восстание танками. Впервые танки Советской Армии применялись против своего народа. И произошло это во времена «предвестника демократии», как сейчас называют Хрущева. Народ смеялся над разоблачителем «культы личности Сталина», навесившем на себя четыре золотых звезды Героя СССР и социалистического труда. Рабочие подтирались его огромными портретами, опубликованными в «Правде» по случаю его 60-летия. Партия выталкивала из себя авантюриста.

Ленин: При таких ошибках и заскоках должны были всполошиться коммунисты всех стран. Ведь насколько я понимаю, под угрозой было поставлено дело Великой Октябрь-

ской социалистической революции, которая принадлежит трудящимся всех стран. Какова была реакция на реформы Хрущева в международном коммунистическом движении?

Узник: В целом политика Хрущева подорвала единство социалистического лагеря, образовавшегося после второй Мировой войны. Сразу же после XX съезда осложнились, а затем и стали откровенно враждебными наши отношения с социалистическим Китаем. Далее, отказ от принципа пролетарской диктатуры, яростная критика всего периода советской власти при Сталине заставили лидеров коммунистического движения развитых капиталистических стран отмежеваться от «российского пути». Спустя всего месяц после XX съезда КПСС лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти заявил: «Мы всегда заботились о том, чтобы идти к социализму своим, итальянским путем». «Итальянский путь» означал отказ от всеобщих принципов Октябрьской революции, забвение коренного положения марксизма о классовой борьбе.

Рассорившись с китайцами, Хрущев вроде бы поддержал Кубинскую революцию: наша страна оказала помощь социалистической революции оружием, кадрами. Однако договорившись с Фиделем Кастро об установлении советских ракет на Кубе, Хрущев во время Карибского кризиса 1962 года за спиной кубинцев договорился с президентом США демонтировать эти ракеты. Политика мирного сосуществования на деле стала политикой уступок империализму.

Ленин: Даже если принять негативные последствия политики Хрущева «априори», все равно они не объясняют с научной точки зрения последующее поражение социализма в СССР. Причина должна быть более существенной, касаться миллионов людей. То есть не в надстройке, а в базисе общества лежит объяснение того, что произошло.

Узник: Согласен. Экономическая основа социалистического строя при Хрущеве, несмотря на все его выверты, осталась неизменной: собственность была общенародной. Но в области моральной, в области «духа народа», как говорили древние, произошли глубинные перемены. Волонтаризм во внутренней и внешней политике, признавая на словах веду-

щую роль рабочего класса, на деле все больше и больше отстранял трудящихся от реального управления и в трудовых коллективах, и в целом в стране. Все подчинялось прихоти, капризу одного человека и его ближайшего окружения. Трудящийся человек не имел никакого голоса. В результате ошибки авторитарного курса Хрущева относились целиком и полностью на счет правящей партии. Ошибок было много. Откровенной безмозглости еще больше. Образ партии коммунистов тускнел все больше и больше, вызывая апатию и разочарование масс.

Ленин: И это справедливо: партия, терпящая предателей у власти, предаёт самое себя.

Узник: Настоящие, открытые предатели еще ждали своего часа. В 1964 году пленум ЦК КПСС, воспользовавшись тем, что Хрущев отдыхал в Крыму, освободил его от занимаемых постов. Ни один человек в защиту Никиты не выступил. Страна и весь мир напряженно ждали: что будет.

Ленин: Вы привлекли к управлению страной миллионы пролетариев на заводах, в полях, в научных лабораториях?

Узник: Увы! Трудящиеся все больше и больше отстранялись от управления государством. Все решалось верхами, точнее, в огромной степени все зависело от воли одного человека. После Хрущева на пост Генерального секретаря был избран Леонид Брежнев.

Ленин: Этот мне совсем неизвестен.

Узник: Типичный партийный руководитель из тех, что руководили политорганами Советской Армии во время войны. Был первым секретарем ЦК Молдавии, затем — Казахстана. Причем в Казахстане Брежнев руководил республиканской партийной организацией во время освоения целинных и залежных земель. Мужик он был в целом неплохой. Но у него была одна слабая черта: он любил подхалимов и ордена. За пятнадцать лет пребывания у власти Брежневу повесили на грудь около сотни орденов: своих и иностранных. О количестве подхалимов можно было только догадываться. Разумеется, подхалимы поймали и свой интерес, свою корысть. В ЦК, в обкомах, крайкомах и райкомах начался культ привилегий. Были и честные товарищи, но большинство с головой

залезли в дерьмо потребительства: лучшие дома, спецраспределители товаров для элиты по низкой стоимости, отдельные больницы и санатории для руководства. Вся эта мерзость прикрывалась болтовней о высоких целях коммунистов, на самом же деле пошлость имущественного и социального неравенства освящалась новыми богатеями.

Ленин: И пролетариат, за плечами которого были традиции Октября, терпел все это?

Узник: Ильич, разве не вы в свое время указывали на тот факт, что пролетариат революционен в потенциале, но если в пролетарскую среду не привносится революционное сознание, то пролетариат слеп. Задачу привнесения революционного сознания в пролетарскую среду выполняет его партия. Но партия сама загнивала, а с нею разлагался и пролетариат. Брежнев был «добрым мужиком». Однажды, выступая на съезде партии, он рассказал о том, как, будучи студентом, подрабатывал на пропитание разгрузкой железнодорожных вагонов с сахаром. После работы, получив за работу, Брежнев прихватывал с собой мешок сахара. Съезд смеялся и аплодировал. Народ по-своему интерпретировал слова высшего руководителя партии: раз сам Брежнев воровал, то нам сам бог велел. Тащи все, что можно!

70-е годы в историю нашей страны должны войти как годы всемирной растащивки. Де-факто было отменено положение социалистической Конституции о том, что общественная собственность священна и неприкосновенна.

Один мой хороший знакомый, выпускник биолого-почвенного факультета, рассказывает, что после университета с радостью пошел работать в колхоз. Закончился его первый рабочий день. Колхозники потянулись к автобусу: кто с мешком, кто с баулом. А мой романтик — пустой. В автобусе повисла зловещая тишина. На следующий день с моим другом никто не здоровался. Но он был догадлив. К вечеру раздобыл два мешка, набил один кукурузными початками, другой — семечками, взвалил мешки на плечи (от напряжения жилы на шее вздулись) и зашагал к автобусу. «Смотри-ка! — смеялись обрадованные колхозники, — Да ты наш, оказывается! А мы думали, стукач».

Один тащил сумкой, другой — мешками, а третий — эшелонами.

Ленин: Какая же это к черту Советская власть?! Это торжество мелкобуржуазной стихии. Советская власть начинается там, где трудящиеся — рабочие, крестьяне, — начиная с трудового коллектива берут под свой контроль каждый килограмм пшеницы, угля, каждый гвоздь и каждую доску. В противном случае, тот, кто работает честно, кто не умеет воровать, останется в дураках. Советская власть — власть честных работающих людей.

Узник: Помните: «Нужно уметь работать с тем человеческим материалом, который есть в наличии. Других людей нам не дадут».

Ленин: Да, это мои слова. Возможно, не дословно, но смысл передан верно.

Узник: Словом, в бытность Брежнева быть честным стало экономически невыгодно. Ведь Сталин воспитывал честность, опираясь на суровый закон об охране социалистической собственности: украл горсточку пшеницы -тюрьмы и лагерей не избежать.

Ленин: Сурово, но справедливо.

Узник: И все же честность — понятие эмоциональное. В конце-концов, может, Брежнев был и прав: кто из нас без греха?..

Ленин: Э, батенька вы мой! Этак вы оправдаете всех жуликов на свете.

Узник: Я к тому, что, например, мой товарищ с биолого-почвенного, все-таки не утонул в дерьме. Сегодня, спустя 25 лет после того случая, это честнейший человек готовый поделиться с другими последней рубашкой.

Ленин: Ваш товарищ — приятное исключение, подтверждающее гнусное правило: жулик потому и жулик, что в любой момент готов стащить с вас последнюю рубашку.

Узник: Не согласен! К человеческой психике огульно подходить — значит изменить коммунистическим идеалам с другого конца.

Ленин: В вашем возражении есть зерно истины. Отдельно взятый капиталист может быть превосходным человеком.

Примеров тому множество: Энгельс, Савва Морозов... Но класс капиталистов в целом никогда своей хищнической, жульнической породы не изменит. И самое гнусное в том, что этот класс постоянно заражает окружающих жаждой наживы.

Узник: Вот где собака зарыта! В атмосфере всеобщей растащиловки нашлось немало дельцов, быстро наживших миллионы на криминале. Теневой капитал набирал силу, смыкался с прогнившей партверхушкой, мечтавшей жить «красиво». Они быстро поняли друг друга и вместе, пьянствуя и развратничая по посадкам, оврагам, охотничьим домикам, цинично смеялись над «совками», работающими в поте лица. Вначале они еще прятались от людей, но затем обнаглели и начали все чаще и чаще вслух мечтать о капиталистическом рае, где никаких ограничений «деловым» людям нет.

В недрах социализма при попустительстве правящей партии был возвращен класс, ненавидящий все советское и особенно — власть трудящихся. Вот в это время и пришел Михаил Горбачев.

Ленин: С чем пришел и что у него было за душой?

Узник: Никаких научных трудов Горбачев не имел. Типичный партийный демагог и интриган хрущевской заправки. По многочисленным свидетельствам руководителей советских республик, Горбачев никогда не занимал принципиальной позиции по сложным вопросам. Одному он говорил одно, другому — прямо противоположное. Скажем, на словах он выступал против привилегий руководства, а сам за государственные деньги строил себе в Форосе такой дворец, что царю и не снился. Свою деятельность на посту Генсека Горбачев начал с перестройки и ускорения.

Ленин: В наше время охотников перестраивать и ломать тоже было немало.

Узник: В этот раз перестройка приняла вселенский размах: не только для СССР, но и для всего мира. Громкие заявления посыпались, как из бочки: безъядерный мир к 2000 году, каждой советской семье — отдельную квартиру, удвоить за пятнадцать лет промышленный потенциал страны,

обогнать Японию в производстве легковых автомобилей. «Перестройка, — отметил тогда один из народных депутатов Севера, — это как ветер в тайге: вверху шумит, внизу — тишина». Широковещательные программы-горбачевки лопались, как мыльные пузыри, внизу никаких перемен не происходило. Массы трудящихся не только не привлекались к управлению страной, а, напротив, устранялись от власти, их места в Советах заняли демагоги и откровенные антисоветчики. Страна покатила в пропасть. «Как рулишь, так и едешь», — сказал Горбачеву другой депутат из рабочих...

Ленин: Вот видите, рабочего на мякине не проведешь!

Узник: Увы, супруге Горбачева больше нравились поездки не по заводским цехам, а по столицам капстран с посещением самых знаменитых магазинов. Журналисты быстро заметили, что Раиса предпочитает покупать костюмы на доллары: без очередей, культурно и красиво. Не знаю, кто первым нашептал Горбачеву: супруга или советники, только он решился полностью отречься от социализма, все газеты как по команде закричали: рыночные реформы

Ленин: Что это такое?

Узник: Реформы, вводящие частную собственность на средства производства и конкуренцию частных предпринимателей.

Ленин: Значит, реставрация капитализма?

Узник: Ну, так прямо они до сих пор стесняются говорить.

Ленин: Но суть от этого не меняется.

Узник: Нет.

Ленин: А сколько же коммунистов насчитывала партия на тот момент?

Узник: Около 19 миллионов коммунистов.

Ленин: Позвольте, позвольте, милейший! Не оговорились ли вы?

Узник: 19 миллионов.

Ленин: Да с такой армией можно горы свернуть.

Узник: Разве не вы сказали: власть портит?

Ленин: Мои слова! Потому я и предупреждал о необходимости реорганизовывать рабоче-крестьянскую инспекцию, ввести в состав ЦК до сотни промышленных рабочих,

определить партмаксимум оплаты труда руководящих товарищей, продумать систему преемственности и сменяемости кадров. И самое главное, без чего невозможно построение справедливого общества — советская власть должна начинаться на рабочем месте. Без этого, без привлечения к управлению страной миллионов трудящихся вы обречены на вырождение. Производительность труда — самый важный фактор для победы нового общественного строя — непременно возрастает в десятки раз, когда труженик имеет реальную возможность влиять на положение дел в производстве и участвует в распределении результатов труда.

Узник: Выходит, Горбачев никогда не читал вашей статьи. Хотя о НЭПе как «вершине ленинской мысли» и «коренном пересмотре всей нашей точки зрения на социализм» говорил много.

Ленин: НЭП был временным отступлением при условии, что политическая власть находится в руках пролетариата, а экономика еще продолжает быть многоукладной.

Узник: Горбачев быстро снюхался с воротилами капиталистического мира, и последние не замедлили воспользоваться представившейся возможностью «задушить большевистскую революцию». Руками Горбачева они вырвали окончательно из рук трудящихся политическую власть и принялись грабить общенародную собственность.

Ленин: И что же, в партии не нашлось ума и воли, способных открыто противостоять ренегатам?

Узник: Почему же, нашлись. Даже в Политбюро нашлись. Егор Лигачев, например, защищал до последнего классовые интересы трудящихся, однако даже он не нашел в себе смелости открыто разоблачить самого Горбачева и его реформы. Из рядовых настоящий подвиг совершила преподаватель химии Ленинградского технологического института Нина Андреева. Ее письмо «Не могу поступаться принципами», опубликованное в газете «Советская Россия», разоблачало антисоветский характер реформ, их враждебность людям труда. То был набат, поднявший многих.

Ленин: «Правда» поддержала Андрееву?

Узник: На следующий день после публикации ее письма «Правда» дала обзор откликов коммунистов: половина «за», половина — «против». А еще через день началась травля Андреевой без права ответа. В то время страну уже начали раздирать дикие межнациональные конфликты: каждый тянул одеяло собственности и власти на себя. Так вот по этим проблемам Политбюро не заседало, а письмо Андреевой обсуждалось целых два дня, разумеется, в ее отсутствие. Застрельщиком здесь выступил некий «академик» Яковлев, который впоследствии не отрицал своей связи с западными спецслужбами. «Правда» опубликовала зубодробительное постановление Политбюро анонимно.

Ленин: То есть?

Узник: Документ не был подписан. Из чего можно было заключить, что это почерк самого Яковлева при трусливо спрятавшемся за его спину Горбачеве.

Ленин: Ах, подлецы! Негодяи и мерзавцы, И что же, в партии не нашлось коммунистов, способных вступить за женщину? Испугались драчки?

Узник: Нашлись. Не так много, но все-таки. Даже без координирующего центра создались центры сопротивления рыночному курсу Горбачева в Москве, Питере, Новосибирске, Краснодаре, Свердловске, Минске, Риге. Не обошлось без амбиций. В Питере возникло сразу несколько групп.

Ленин: Групповщина, значит.

Узник: Притом, что большинство в ЦК «легли» под антикоммунистическую фракцию Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, этого трудно было избежать. Тем не менее, в 1990 году 22 апреля в Питере состоялся первый съезд движения Коммунистической инициативы. На нем присутствовали делегаты из 60 — 70 регионов страны. Мы выступили за создание Российской коммунистической партии (РПК) как возможности противостоять горбачевскому ЦК. Идею поддержало большинство российских партийных организаций, а также коммунисты других советских республик. На XXVIII съезде КПСС наш питерский товарищ Виктор Тюлькин организовал оппозицию Горбачеву, и из 5500 делегатов съезда 1250 проголосовало против перехода на рыночную (капи-

талистическую) экономику. Мы не набрали большинства. Но тот факт, что оппозиция открыто заявила о себе, имел огромное значение.

Ленин: Все-таки РПК была создана?

Узник: Сразу же после XXVIII съезда. Горбачев и Яковлев сделали все возможное, чтобы провести в состав ее ЦК своих сторонников. Но критика его курса, ведшего к распаду страны и зависимости от иностранного капитала, была на учредительном съезде настолько сильной, что Горбачев не стал выступать перед делегатами в рамках съезда. Конечно же, на учредительном съезде была драка. Вся московская делегация, состоявшая сплошь из «демократов», второй секретарь Ленинградского обкома Белов и другие выступали за ликвидацию партии рабочего класса, настаивали на превращении ее в парламентскую, соглашательскую партию реформ. Пресса, телевидение, само собой разумеется, поддержали прогорбачевское крыло. Победило «болото». За год существования ЦК российской компартии так и не смог наладить выпуск собственных газет. Пресса подвергла остракизму первого секретаря ЦК Ивана Полозкова, лишив его воли к сопротивлению.

Ленин: А что Горбачев?

Узник: Горбачев к этому времени получил Нобелевскую премию мира, которая выглядела издевательством над здравым смыслом: ведь на территории нашей страны уже начались межнациональные войны. Горбачеву аплодировали все «акулы империализма»: он развалил социалистический лагерь, отнял у народа плоды победы в Великой Отечественной войне. Ему помогали из Нью-Йорка, Лондона, Берлина. Премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер стала его крестной матерью. Она приезжала к нам в страну, получала неограниченный доступ на телевидение и открыто призывала народ «покончить с большевистским прошлым». На переговорах с американским президентом Горбачев дважды повторил фразу, ошарашившую обе стороны переговоров: «Мы хотим жить в большей зависимости от Америки». Ему аплодировали и помогали. Его оппоненты оказались без средств и под постоянным обстрелом из всех орудий средств массо-

вой информации. В апреле 1991 года состоялся пленум ЦК КПСС, на который наши товарищи выносили вопрос о доверии Генсеку. Мы, рядовые, организовали пикет у Спасской башни Кремля и каждому члену ЦК вручали наши листовки со словами: «Горбачев — могильщик партии и социализма! Гоните его из партии незамедлительно!» К сожалению, только шесть человек из 180 членов ЦК проголосовало за отставку Горбачева. Большинство, хотя и показывало ему кукиш в кармане, открыто заявить о своей позиции так и не решилось.

Ленин: Следовало отмежеваться немедленно от такого ЦК!

Узник: Что мы и сделали. 22 апреля 1991 года состоялся второй съезд Движения коммунистической инициативы, на котором был создан Оргкомитет по созыву Чрезвычайного съезда КПСС. Комитет возглавил член ЦК КПСС доктор экономических наук Алексей Алексеевич Сергеев. Наша инициатива ударила не в бровь, а в глаз. Ряд крупных партийных организаций, включая областные, поддержал ее. Тем временем мы успели опередить Горбачева и подготовить для обсуждения проект Программы партии, основанной на классовых, пролетарских позициях. Горбачев и его антикоммунистическая клика были обречены. В этой обстановке он вынужден был форсировать подготовку нового Союзного договора, чтобы остаться у кормила государственной власти. Но так как руководители союзных республик не желали идти в горбачевский, вернее, ельцинский, хомут (ведь реально в России командовал идеологический близнец Горбачева — Ельцин), то дело не двигалось. Могущественная держава распалась к вящему удовольствию Рейгана, Буша, Коля, Тэтчер, Бжезинского и т.д. и т.п. В августе не без их совета был спровоцирован псевдопереворот. Переворот носил ярко выраженную антисоветскую, антикоммунистическую окраску. Пьяная толпа сторонников Ельцина, а, следовательно, и развала СССР, разрушила памятники Дзержинскому, Свердлову, Калинин. Здание ЦК КПСС было захвачено фашиствующими молодчиками. Реакция вырвалась на улицы. Запахло погромами. Сказалась политика соглашательства и

центризма, проводимая Московским горкомом. Она привела к тому, что ни один трудовой коллектив не выступил против разгула реакции. Только через две недели активистам Движения коммунистической инициативы удалось провести в центре Москвы под открытым небом открытое партийное собрание. Ни один из «партбоссов» на него не пришел. И тем не менее, в октябре 1991 года состоялась конференция московских коммунистов, учредившая Московскую организацию коммунистов (МОК). А в ноябре этого же года в Свердловске (Екатеринбурге) состоялся учредительный съезд Российской коммунистической рабочей партии. Красное знамя пролетариата с трудом, но поднимается на борьбу.

Ленин: Вам удалось объединить всех подлинных коммунистов в одну партию?

Узник: К сожалению, нет. Действует ВКПБ Нины Андреевой, РПК — Крючкова, Союз коммунистов — КПСС во главе с Олегом Шениным. Между этими партиями идет сближение через преодоление личных амбиций. Хуже обстоит дело с Компартией Российской федерации во главе с Геннадием Зюгановым. На словах они за объединение, а на деле реанимируют курс Горбачева на капиталистический рынок, на соглашательство и конформизм с капитализмом под новой вывеской. Зачем же с ними объединяться? Чтобы получить несколько мест в Думе и с умным видом жевать мякину «величия России, государственности, народности и патриотизма», оправдывая тем самым ликвидацию Советской власти, установление диктатуры и так далее.

Ленин: Скажите, зачем вы полезли в кашу очередного «бунта на коленях», поднятого парламентом России? Ведь было совершенно ясно, что даже перед лицом надвигающейся диктатуры парламент не пойдет ни на отмену Беловежского договора, ни на ограничение «священного права частной собственности». Максимум его революционности — это раздача всем москвичам по дачному участку.

Узник: Один момент в позиции Верховного Совета все-таки очень важен, как мне представляется. А именно: парламент и съезд народных депутатов осудили нарушение

конституции президентом Ельциным, отрешили его от должности. Тем самым было подчеркнуто равенство граждан перед законом независимо от имущественного или должностного положения. Этот великий революционный момент выражает чаяния миллионов людей, в первую очередь людей труда. Потому народ и пришел к Верховному Совету защищать Конституцию, а не Хасбулатова или Руцкого. Считаю, что долг коммунистов — быть вместе с народом, даже когда народ ошибается. Вспомните июльскую 1917 года демонстрацию в Питере. Ведь вы же чувствовали, что возможна провокация, что возможен расстрел безоружных людей, но сказали: «Надо идти. Нельзя отрываться от народа». Мы помнили ваши слова. Возможно, в сегодняшней ситуации к ним надо прислушиваться с оглядкой. Но что бы вы сделали на моем месте, как поступили бы?

Ленин: Надо было выводить всех партийных пропагандистов к воротам заводов и фабрик.

Узник: Мы это делали, делаем и будем делать.

Ленин: Далее я бы посоветовал...

В 6.00 по московскому времени 30 января 1994 года новой эры с лязгом откидывается притвор железной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы: «Подъем!»

Глава 13

ПИР

3 февраля 1994 года новой эры по московскому времени в железной двери камеры 32 Лефортовской тюрьмы откидывается притвор: «Отбой!» Камера наполняется древнегреческими философами, с ними Гегель, Ленин.

Узник: Наконец-то мы встретились в первый четверг месяца!

Эпикур: Неужто ты веришь в «чистые четверги», в «тяжелые понедельники» и прочую ерунду?

Узник: Я верю в мою жену — свет Веру Емельяновну, которая в этот четверг имеет право приносить мне передачу. Вот, видите! В тюрьме, независимо от политических убеждений заключенных все общее: колбаса, лучок, яблочки, лимончик к чаю, сольце, печенье... Накрываем на стол.

Диоген (радостно потирая руки): Будем пировать.

Узник (Сдвигает вместе две тумбочки, покрывает их старыми газетами): Пир так пир!

Ленин (Склонившись к газете): Э, батенька, да тут карикатура на вас. Смотрите-ка, «Известия» публикует рисунок: на нем заключенный за решеткой и в полосатой робе, рядом толстые тома Маркса, Энгельса, Ленина. Заключенный морщит лоб и, уткнувшись в книгу, спрашивает самого себя: «Где же мы ошибочку допустили?»

Узник: Иронизируют, паразиты! Вернее, ерничают, ибо ирония предполагает разум.

Гегель: Ирония есть абсолютный синтез абсолютных антитез, а потому через нее, скорее всего, познается истина

Узник: Даже если шутка дурно пахнет, в ней все-таки есть крупица истины. Так и эта карикатура, в тюрьме Лефортово нет произведений Маркса и Ленина, зато есть ваши лекции, профессор, вот к ним я обратился, попав за решетку. Более того, благодаря этим лекциям я ближе познакомился с замечательными людьми. Знакомство с ними, их совет делают честь любому человеку независимо от обстоятельств, в которых он находится. Кстати, Ильич, пока гости оmyвают руки, помогите мне устранить одно сомнение.

Ленин: С удовольствием!

Узник: Есть ли разница между такими понятиями, как диктатура пролетариата и диктатура рабочего класса?

Ленин: Несомненно! Рабочий класс есть наиболее организованная в силу общественного характера труда часть пролетариата. Пролетарии же — это та часть общества, которая отчуждена от собственности на землю, заводы, транспорт, полезные ископаемые. Пролетарием может быть и рабочий, и актер, и доктор, и художник, и студент. Они заинтересованы в том, чтобы общественные по своему характеру средства производства приносили бы всем равные блага, а не служили для эксплуатации неимущих имущими. Диктатура пролетариата нацелена в первую очередь на ликвидацию частной формы собственности, на справедливое распределение полученного продукта. Разумеется, за здорово живешь класс имущих никогда не отдаст присвоенное, он будет бешено сопротивляться. Вот это сопротивление пролетарии могут сломить только в том случае, если их борьбу за справедливость возглавит организованный, сознательный рабочий класс. Это целая наука, батенька! Читайте мою книжку «Государство и революция».

Узник: К сожалению, там не проводится четкого разделения между рабочим классом и пролетариями. Вопрос чрезвычайно важен, потому как сегодня вместе с рабочим классом выступают и «пролетарии умственного труда».

Ленин: Вот и прекрасно! Задача состоит в том, чтобы объединить всех пролетариев, а не выпячивать их отдельный отряд. Впрочем, пора к столу...

Узник: Все не рассядутся, так что придется пировать «а ля фуршет». Прошу покорно извинить хозяина за скромность угощения, но все, что есть, — на столе.

Сократ: Великий пир является таковым не по обилию пищи, а по качеству собеседников.

Платон: Не надо забывать, что удовольствие телесное, в том числе и гурманство, есть величайшая приманка, ведущая ко злу. Сюда же следует отнести страдания, служащие препятствием к добру, далее также безрассудную смелость и страх — неразумные советчики; гнев, надежда и так да-

лее. Все эти чувства принадлежат смертной душе. И дабы не запятнать божественного там, где это не абсолютно необходимо, низшие боги отделили это смертное от местопребывания божественного и поселили в другую часть тела. Они создали, таким образом, перешеек и границу между головой и грудью, поместив между ними шею. Чувства, страсти обитают именно в груди, в сердце; духовное же находится в голове.

Узник: Следовательно, органы пищеварения и все удовольствия, с ними связанные, ты не относишь ни к чувственному, ни к духовному?

Платон: Все эти органы относятся к неразумной части души, а поэтому лишены божественного. Так как неразумная часть души, воделеющая есть и пить, не слушает разума, то бог создал природу печени, дабы эту часть души напугала сила мыслей, нисходящая в печень, как в зеркало, воспринимающее первообразы и показывающее призраки, и дабы затем, когда эта часть души снова будет смягчена, она во сне сделается причастной видениям. Ибо те, которые нас сотворили, помня о высокой заповеди отца сделать род смертных насколько возможно лучшим, устроили нашу более дурную часть так, чтобы она хотя бы до некоторой степени сделалась причастной истине, и дали ему пророчество.

Узник: Платон, если бы мы пировали сейчас не в тюремной камере, где исключено всякое спиртное, я бы подумал, что ты хватил лишку. Ну как может печень пророчествовать?! Это настолько абсурдно, что в наше время тебя непременно бы повели на телевидение и в сонме шаманов, парапсихологов, предсказателей, астрологов и просто шарлатанов, обрушивших свой вздор на мой народ, одним чудачком прибавилось бы. Несомненно, с такими взглядами ты стал бы знаменит не менее, чем Джуна или Кашпировский.

Платон: Но я считаю, что дар пророчества доказывает отсутствие дара разума. Достаточным доказательством того, что бог дал дар пророчества именно человеческому неразумию, служит тот факт, что никакой человек, обладающий своим разумом, не делается причастным божественному и истинному пророчеству, а получает дар такого пророчества

человек лишь тогда, когда или сила его ума во сне скована, или тот человек благодаря болезни или одержимости впал в безумие. Разумный лишь должен объяснить и толковать такое пророчество; ибо тот, кто еще находится в состоянии сумасшествия, не может его обсудить. Хорошо поэтому было сказано еще в древние времена: делать свое и познавать самого себя свойственно лишь разумному человеку.

Узник: Значит, ты снимаешь вину с российского телевидения. Они предоставляют экран сумасшедшим, власть стреляет в разумных, пытающихся воспользоваться такой же привилегией, а выводы и толкование такого безумия остаются все же за разумными.

Эпикур: Настоящее предвидение, пророчество возможно только на основе познания законов природы и общества. Чем образованнее люди, чем глубже они познали законы природы, тем быстрее исчезают суеверия, чудеса, астрология и прочая требуха. Мы должны держаться виденного, слышанного, осязаемого, держаться того, что присутствует перед духом, не чужеродно ему, не говорить о вещах, которые должны быть таковыми, должны быть слышимы, видимы, но не могут быть таковыми, не могут быть слышимы, видимы, потому что они часто вымышлены. Весь этот вздор о полете птиц направо или налево, о зайце и кошке, перебегающих дорогу, все глупые требования, чтобы люди определяли свой способ действия по внутренностям животных или по тому, веселы или невеселы куры, — все эти суеверия надо искоренять, так как истинно лишь то, что считает истинным ощущение.

Гегель: С этим нельзя согласиться. Ясно уже само собой, что, если истинным считать ощущаемое бытие, то тем самым вообще уничтожается необходимость понятия, все распадается без всякого спекулятивного смысла и утверждается обывательский взгляд на вещи.

Ленин: Вот как! Значит, тот, кто идет от ощущений и признания существующего вне нас бытия, отрицает суеверия, тот обыватель. А тот, кто пускает слюну, слушая мистику астрологов, предсказателей, попов, — тот образец разумного.

Гегель: Дело в том, что Эпикур избрал самый легкий и теперь еще обычный критерий истинного, поскольку оно не воспринимается зрением, а именно: ему не должно противоречить то, что мы видим, слышим и так далее. Объясняя все, включая душу, движением «невидимых атомов», Эпикур устраняет конечную цель мира — мудрость творца. Нет ничего, кроме происшествий, которые определяются случайным внешним столкновением атомов.

Ленин: Профессор, вы клеветаете на материализм и жалуете бога. Как вас после этого называть?..

Гегель: А вам больше нравится утверждение Эпикура о том, что душа-де «известное собрание атомов». Это сказал также Локк... Все это пустые слова.

Ленин: Нет, профессор, это гениальные догадки и указания пути науке, а не поповщине. А то, что это говорит Локк, так это же чудесно!!! Эпикур жил в 341 -270 гг. до Р.Х.; Локк — спустя две тысячи лет: в 1632 -1704. Разница в две тысячи лет, а истина от этого не стареет.

Гегель: Невозможно иметь более скудную теорию познания.

Ленин: Все будет скудно, если исказить и обокрасть.

Узник: Давайте меньше ссориться, а больше пировать и слушать друг друга. Профессор, подходите поближе к столу. Я вам приготовил прекрасный бутерброд с черным русским хлебом и колбасой. Расслабьтесь, Ильич. Пусть древние сами расскажут о своих гениальных догадках, подтвержденных новейшей наукой XX века новой эры. Тот же Цицерон за 24 века до Эйнштейна установил взаимосвязь между материей и энергией, последнюю он называл огнем.

Гегель: Еще до Цицерона эти мысли высказывали Стобей и Гераклит. Они называли огонь элементом преимущественным ко всем прочим, потому что из него, как являющегося первым, возникает остальное. Но и остальное в конце-концов превращается в огонь, расплавляется в нем как в последнем. Таким образом, Гераклит и стоики (в целом) правильно понимали этот процесс как некий всеобщий и вечный.

Цицерон: В конце все элементы будут попораны огнем, ибо когда исчерпается всякая влажность, то ни земля не

сможет питаться, ни воздух не сможет возвратиться к существованию. Ничего не останется, кроме огня, посредством нового оживления которого и посредством бога все возобновится и возвратится прежний порядок.

Узник: Разве не эти мысли положило христианство в основу своего учения? Конец света, всепожирающий огонь — все это смутная, наивная догадка человечества о вечном обновлении материального мира через превращение его в энергию. Естественно, для разумного возникает вопрос: можно ли избежать участи материального. Разум, не достигший еще такой мощи, чтобы противостоять пульсации Вселенной, вынужден сотворить себе надежду — бега.

Цицерон: Все дело не в боге, а в упорядоченном начале. Для нас, стоиков, бог, природа, судьба. Юпитер, движущая сила материального, разум и предвидение — все эти названия равнозначные. Разумное начало все порождает, поэтому его можно сравнить с семенем. Семя, порождающее разумное, само разумно. Мир высылает из себя семя разумного: он, следовательно, сам разумен в самом себе.

Гегель: В этом и заключается полный пантеизм стоического воззрения на природу. Опять Вселенная понимается как «мыслящее животное».

Узник: Не совсем. «Мир высылает из себя семя разумного,» — говорит Цицерон и тем самым разделяет общее и частное. Разумное есть часть всеобщего, но не всеобщее.

Аристотель: Все элементы, все небо не возникло и не может прийти, а есть некое единое и вечное, оно не имеет ни начала, ни конца в вечном времени, а содержит замкнутое в нем бесконечное время. Там, где есть реальность, там есть и движение. То, что обладает этим абсолютным круговым движением, не является ни тяжелым, ни легким, ибо тяжелое есть то, что движется по направлению книзу, а легкое то, что движется кверху. Оно неразруσιμο и не порождено, не убавляется и не прибавляется, не изменяется. Оно отлично от земли, огня, воздуха и воды. Оно есть то, что древние называли эфиром как самое верхнее место; оно получило у них это свое название от постоянного бега в бесконечном времени.

Гегель: Даже Аристотель показывает, что элементы происходят не из одного тела, а друг из друга, ибо в возникновении они происходят либо из чего-то нетелесного, либо из некоего тела. В первом случае оказалось бы, что они происходят из пустоты, ибо пустота как раз и есть непосредственно нетелесное. Но в таком случае пустота должна была бы обладать самостоятельным существованием как то, в чем возникает определенная телесность. Но элементы не происходят также из чего-то телесного, ибо в таком случае само это тело было бы некоторым телесным элементом, существующим до элементов.

Горгий: Бытие не возникло, потому что если бы оно возникло, оно должно было бы возникнуть либо из существующего, либо из не-сущего. Из существующего оно не возникло, ибо в таком случае оно уже есть. Но оно также и не возникло из не-сущего, потому что последнее не может ничего породить.

Ленин: Горгий ближе всех к истине. Он ставит бытие вне нашего сознания и вне времени. Что касается вашего замечания, профессор, о том, что пустота не может ничего породить, то современная наука доказывает, что пустоты, или абсолютного вакуума, в природе не существует.

Гегель: В таком случае вы не только устраняете роль творца вселенной, отдавая все на откуп стихийному движению материи, но и снимаете основной вопрос философии — что первично: бытие или сознание.

Ленин: Знаете, профессор, иногда основной вопрос философии напоминает известную «обывательскую» головоломку — что было вначале: курица или яйцо. Если вы ответите, что курица, то возникает вопрос, откуда она взялась. Если же вы станете утверждать, что вначале было яйцо, то как оно могло снестись без курицы?

Гегель: Сами-то вы как ответите на этот вопрос?

Ленин: Без конкретно-исторического подхода тут не обойтись. Если взять конкретную курицу и конкретное яйцо, то мы смело можем утверждать, что несушка предшествовала, была раньше, чем яйцо. Но если собрать всех несушек и все, ими снесенное, то мы увидим, что и курица, и яйцо

являются результатом эволюции неживого в живое. И то и другое приобретало себя на протяжении миллионов лет и является частью целого, в данном случае — куриного рода.

Сократ (разливает чай, кладет в кружки кусочки лимона): Всякий пир украшают не только споры об истоках и смысле жизни, но и мудрые тосты о будущем. Пусть скажет хозяин этого стола.

Узник (берет в руки кружку чая): Братья по разуму! Я слышал о всех вас и раньше, еще отроком. Кое-что читал в университете. Но всерьез рассмотреть ваши мысли довелось в тяжелый для меня час. Я старался, конспектируя ваши идеи, держаться как можно ближе к оригинальному тексту. Я могу утверждать с чистой совестью, что общение с вами не прошло бесследно. Все вы «помогли родиться мысли» за тюремной решеткой. Я еще раз убедился в мудрости природы, которая дает возможность каждому человеку мыслить, если он желает того. Природа настолько щедра и справедлива, что наделяет величайшим даром мысли каждого, тем самым оберегая свой бесценный дар от частного присвоения, от узурпации его тем или иным кланом. С другой стороны, как и все в природе, индивидуальная, частная мысль стремится реализовать себя в общественной практике, выдержать апробирование совокупной общественной мыслью. И тут совершенно неважно, в какой стране и в какое время мы родились. Перед мыслью исчезают пространство и время, общий разум становится бессмертным и бесконечным. Разве это не высшее благо и справедливость для человека?! Вслед за мыслью к общему единению стремятся и народы. Планетарный процесс их единения идет независимо от политических систем. Рано или поздно народы нашей планеты сольются в единое всеобщее. Это неизбежно. Но так же, как индивидуальная частная мысль не может принять истину, постигнутую совокупным общественным разумом а priori, так и народы, объединяясь, не хотят и не имеют права терять свою индивидуальность, свой дух, свою культуру, свою неповторимость. Общее без частного невозможно. Поэтому на пути к объединению народов неизбежно придется

решать вопрос: кто будет править и в чьих интересах. Если это будет мировое правительство, заботящееся об обогащении одних народов и превращающее другие народы в рабов, а их территории в сырьевые придатки, то справедливость требует непримиримой борьбы против такого правительства, ибо оно будет отражать частные интересы, а не общие. Мировое правительство, действующее в интересах всех народов и каждого отдельного человека, правительство, отменяющее частную собственность, тюрьмы, армии, устраняющее границы и войны, стоит приветствовать и защищать. В конце-концов только объединенный разум и труд человечества способен создать космические корабли на случай исхода человечества из его колыбели — планеты Земля. Разумеется, космические фрегаты будут строиться общими усилиями, только сообща мы сможем найти энергию для их двигателей. Но каждый народ пусть принесет на борт такого корабля свое, неповторимое: сирийцы — золототканую парчу и клинки дамасской стали, инки — пончо, русские — хлеб, корейцы — картины из порошков драгоценных камней... Все, что создано мыслью и трудом имеет право на бессмертие. Нажива, алчность, унижение и эксплуатация ближнего обречены. Мой тост за то, чтобы скорее пришел этот час, чтобы скорее люди поняли друг друга.

Еще рез спасибо вам, что вы пришли в Лефортово. Общаясь с вами, я мыслил и, следовательно, я был свободен и мог вместе с вами пройти по кругам Знания. Путь к истине тернист и бесконечен. Однако даже в тюремной камере на него стоит ступить, чтобы, говоря словами божественного Данте Алигьери, вернуться в ясный свет и двигаться все вверх неутомимо. Мой тост — за искру бесконечной истины, осветившую камеру 32 Лефортовской тюрьмы!

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОММУНИЗМ ПОБЕДИТ

Эта статья написана за тюремной решеткой в первые же дни после расстрела парламента и разгрома народного восстания в октябре 1993 года. Позже в камере 32 Лефортовской тюрьмы будет написана книга «Лефортовские диалоги», цикл очерков на испанском языке «Саргичос», речь для суда «История за нами» и ряд писем. Каждая из этих работ представляет определенный интерес для серьезных исследователей истории борьбы советских людей против реставрации капитализма на родине Октября. Однако первая статья «Коммунизм победит», написанная в дни, когда на улицах Москвы еще звучало эхо танковых залпов по Дому Советов, точно отразила непримиримую борьбу идеологии пролетариата и буржуа.

Если учесть то немаловажное обстоятельство, что в те дни ельцинское окружение требовало от Генерального прокурора Казанника «провести расследование в кратчайшие сроки» и потребовать смертного приговора для всех узников Лефортова, то становится очевидным, что предлагаемая читателям работа могла стать последним боем автора с антикоммунизмом.

К счастью народный протест и международная солидарность вырвали узников Лефортово из застенков. Но актуальности статья «Коммунизм победит» не потеряла. Наоборот, каждый день, каждые новые высказывания открытых врагов и перевертышей доказывают необходимость ее публикации. Сегодня «спикер» Госдумы, вчерашний руководитель фракции коммунистов в Верховном Совете Иван Рыбкин стыдится того, что он когда-то вступал в пионеры, комсомол и компартию, стыдится, что голосовал за импичмент Ельцину. А тем временем за спиной нового кумира рыбкиных поднялись давно истлевшие политические трупы истории. 25 октября 1994 г. «Независимая газета» опубликовала письмо белоэмигрантов,

начиная от барона Врангеля до полукровки Марии Михайловны Борель-Бауман. Пока Рыбкин краснеет за свое пионерское прошлое, обнаглевшие после черного октября белоэмигранты призывают к физической расправе над коммунистами — «нераскаявшимися наследниками погубителей России».

Ответом недобиткам, мордовавшим народы России вчера, антисоветчикам и подонкам, торгующим Родиной и убеждениями сегодня, и является предлагаемая читателям работа.

*Свободной мысли вечная душа
Всего дороже ты в тюрьме, свобода.
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.
Джордж Гордон Байрон.*

После событий 3-4 октября, когда армия (или ее худшая часть?) сорвала с себя фиговый листок уверенений: «Армия в народ стрел ять не будет», начался расстрел всех неугодных нашей «демократии» газет. Казарменная однобокость официальной пропаганды и до этого не радовала плюрализмом мнений, а теперь скалозубы превалируют безо всяких огороков.

Здесь, в СИЗО (следственный изолятор бывшего КГБ СССР) к человеческому достоинству относятся с уважением. Я имею возможность регулярно читать «Известия», «Труд», «Российскую газету», кроме того, в камере с 6.00 до 22.00 можно слушать по репродуктору радиостанцию «Маяк». Не густо. Но сказать, что я отрезан от мира нельзя. И вот здесь я еще раз убедился, что по этой пуповине, которая соединяет человека с миром и называется «средства массовой информации», непрерывно, ритмично и целенаправленно перекачивается гной антикоммунизма. Какой-то частью эта гадость направлена и против меня лично. Скажем, собкор «Труда» по Тульской области представляет меня в момент ареста этаким нашкодившим мальчишкой, спрятавшимся под бронезилет, да еще к тому же

страдающим «манией величия». Надо полагать, лишь собственное ничтожество собкора «Труда» заставляет его подзревать других в мании величия, но откуда он приплел бронезилет?! А что касается страха... Знаете, когда к вам в окно неожиданно сунут дуло крупнокалиберного пулемета БТР, то и испугаться не грешно. Хуже было бы, если бы побегал...

Впрочем, дело даже не в моей персоне. Я живу надеждой, что мне будет предоставлена возможность публично защитить моих товарищей, живых и павших за дело коммунизма. Разумеется, я не беру динозавров ленинианы типа Егора Яковлева или его однофамильца-академика, учившего нас как сверять свои чаяния с идеями Горбачева. Все они быстро и с выгодой для себя превратились в питекантропов пещерного антикоммунизма. С ними у меня лично, да и у моей партии — РКРП — не будет ничего общего. Мне важно защитить тех людей, которые с гордостью называли или называют себя коммунистами и являются таковыми по своим убеждениям и поступкам.

Вот статья главного режиссера московского театра имени Ленинского комсомола Марка Захарова в газете «Известия» N 203 от 23 октября 1993 года. Заголовок статьи «Отказ от ленинского наследия не крайность, а необходимость» свидетельствует о том, что в годы комсомольской юности давно облысевший и состарившийся Марк прочитал емкое и краткое: «Свобода — осознанная необходимость». Прочитаем, что же пишет сегодня этот деятель культуры, претендующий на исключительность. «Ленинские тактические открытия возымели огромное воздействие на историю XX столетия и конкретно на его самых талантливых учеников: Сталина, Муссолини, Гитлера, Ким Ир Сена, Кастро и некоторых других». Поражает безапелляционность, с которой «мастер культуры» валит в одну кучу врагов рода человеческого и тех, кто всю свою жизнь посвятил освобождению человечества от войн, от эксплуатации, от нищенского жалкого прозябания. Такой менталитет театрального деятеля может

быть объясним только его патологическим стремлением к уродству, что находит выражение на цене возглавляемого Марком Захаровым театра, где похоть голого тела и секса смакуется на глазах у зрителей. Слава Богу, воспаленный мозг Марка Захарова не додумался поставить на своей сцене «Ромео и Джульетту» Шекспира. Прекрасная возможность осквернить чистоту любви пошлятиной конца XX столетия: заставить Джульетту колоться наркотиками, Ромео — курить марихуану и совокупляться в фамильном склепе. Во всяком случае, настойчивость, с которой Марк Захаров предлагает разрыть могилы у кремлевской стены и вытащить тело Ленина из Мавзолея, свидетельствует об отсутствии уважения не только к любви, но и к местам захоронений людей.

«Обществу привили ген романтики бескомпромиссной борьбы. Были «мы» и были «они». «Они» — враги, враги не люди, а нелюдей не жалко: чем больше таких изведешь, истребишь, тем больше тебя будут уважать Народ и Держава». Это пишет другой «мастер» — драматург Александр Исаакович Гельман («Труд», N 243 от 27 октября 1993 г. «Упрощение — наш великий грех»), в прошлом автор неплохой пьесы о рабочем классе «Мы, нижеподписавшиеся». Что же случилось сегодня с уважаемым Александром Исааковичем? Ему ли, драматургу, знатоку человеческих душ, не знать, что если уж речь заходит о таких вещах как истребление людей (причем, «чем больше, тем лучше»), нельзя быть абстрактным. Кто «они», кто «мы»? Может мы сбросили бомбу на Хиросиму? Или мы позировали во Вьетнаме с отрубленными головами черноволосых людей в руках? Кому давали награды за эти «подвиги»? Или Александр Исаакович жалеет по тем безвинно погибшим под Сталинградом, под Курском, под Минском, под Киевом... Да, людей жалко всегда. Но нельзя забывать, что «они» шли убивать «нас». Причем, убивали многими способами: пулей, виселицей, газовой камерой... Как быть? И куда, к «нам» или к «ним» товарищ Гельман отнесет Константина Сиимонова? Вспомним!

Если ты фашисту с ружьем
 Не желаешь навек отдать
 Дом, где жил ты, жену и мать,
 Все, что Родиной мы зовем, —
 Знай, никто ее не спасет,
 Если ты ее не спасешь;
 Знай, никто его не убьет,
 Если ты его не убьешь.
 И пока его не убил,
 Ты молчи о своей любви,
 Край, где рос ты, и дом, где жил,
 Своей родиной не зови.
 Пусть фашиста убил твой брат,
 Пусть фашиста убил сосед —
 Это брат и сосед твой мстят,
 А тебе оправдания нет.
 За чужой спиной не сидят,
 Из чужой винтовки не мстят.
 Раз фашиста убил твой брат, —
 Это он, а не ты солдат.
 Так убей фашиста, чтоб он,
 А не ты на земле лежал,
 Не в твоём доме, чтобы стон,
 А в его по мертвым стоял.
 Так хотел он, его вина, —
 Пусть горит его дом, а не твой,
 И пускай не твоя жена,
 А его пусть будет вдовой...

Увы! Гельман не оглаживается на деятелей культуры прошлого. Он спешит вынести приговор, который обжалованию не подлежит. «Какую бы бешеную активность не развивали деятели типа Баркашова и Анпилова, ни фашистской, ни коммунистической диктатуры никогда больше в России не будет». Так сильно, что сам собой напрашивается вывод: будет диктатура гельманов. И если бы мне хотелось упрощать вещи и явления, то я на этом и поставил бы точку.

Наиболее распространенное обвинение в адрес коммунистов — стремление к “уравниловке” или «ко всеобщей уравниловке». Вообще-то на эти наскоки можно ответить одной ироничной фразой: абсолютное равенство и тождество бывают только на кладбище. Однако это не сбавляет пыла наших обличителей. Давеча, выступает по «Маяку» «теневого поэт» (по голосу был Вознесенский). Во всяком случае, «поэт» сообщил, что его отец в 70 лет вышел из КПСС и получил инфаркт, (сам он сейчас стихи писать не может, но зато написал пьесу «Белая гвардия», которую никто ставить не хочет) и с таким жаром говорит миллионам людей, что его «тошнило от этих морд типа Анпилова и что его всегда корбила идея так называемого равенства». Само собой: гусь свинье не товарищ. И не стал бы я лезть в лужу, где почти по Салтыкову-Щедрину кто-то хрюкает. Но ведь большинство людей примут разглаговольствования поэта за правду, за истину: «Как можно говорить о равенстве! А как же поэзия? Как быть с творческой индивидуальностью, тем более такой как?..» Мне трудно цитировать по памяти, однако жил в Испании не менее известный миру, всем ценителям поэзии, живописи, танца и музыки поэт Федерико Гарсия Лорка. «Передо мной, — говорил Федерико, — кладут на весы исход борьбы: вот твое страдание и твои жертвы, в вот — справедливость для всех, хотя бы и с тяготами перехода к угадываемому, но неясному будущему — и я со всею силой опускаю свой кулак на вторую чашу весов”.

Золотая рыбка поэзии обернулась лунной снежинкой и ускользнула из рук Вознесенского, Евтушенко и им подобных. Теперь они надеются поймать славу на поприще антикоммунизма. Для таких Лорка не аргумент. Но должны же они знать, по крайней мере, что равенство, братство — самая древняя и потаенная мечта человечества. Загляните в Евангелие! Задайтесь вопросами вечными! Почему Христос утверждает, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное? Почему он советует каждому чело-

веку раздать свое богатство нищим и только тогда идти за Ним? Почему Он, в конце концов, утверждает: «Не можете служить двум господам. Ибо одного станете любить, а другого ненавидеть, одному станете угождать, а другому не радеть. Не можете служить Богу и Маммоне» (т.е. деньгам?)

Толковая библия Лопухина совершенно верно указывает на то обстоятельство, что Христос не объясняет нигде своего негативного отношения к богатым. Но, исходя из текста Святого писания, мы можем догадаться, что посланника Бога на земле смутила неравномерность, несправедливость распределения богатств среди смертных.

Отвлекаясь от ненужного и совершенно пустого спора, есть ли бог или его нет, каждый материалист (а мы, коммунисты, и являемся таковыми) при внимательном изучении тысячелетнего текста Евангелия видит сконцентрированную мечту человечества о равенстве, о достойном благосостоянии для всех смертных. Вместе с тем, невозможно отрицать негативное пренебрежительное отношение Христа (как воплощение идеала справедливости) к богатым. Да, прямо об этом в тексте Евангелия не говорится, но намек дается очень прозрачный: Богатый не может быть праведником, праведной жизнью богатства не наживешь, богатство одних появляется там, где страдают и бедствуют многие. Можно смело утверждать, что христианство с момента своего возникновения отвергло несправедливое распределение продуктов деятельности человечества. Карл Маркс разоблачал концентрацию богатств в руках немногих с беспощадностью титана.»За каждым капиталом, — говорил он, — прячется преступление». Именно этот факт отражен в учении христиан, хотя и не так открыто.

С другой стороны Христа, как, впрочем, и Маркса, не может не беспокоить мысль, как сделать распределение справедливым? В Евангелии от всех апостолов на это указывает притча о винограднике, хозяине и работнике.

В каталоге книг библиотеки лефортовской тюрьмы Святое писание пока не фигурирует, а потому позвольте мне процитировать по памяти первую попытку человечества найти справедливый способ распределения своего труда.

Итак, хозяин виноградника пришел на площадь своего селения и видит, что она полна людей, которым нечего делать (говоря современным языком, на площади с утра собрались безработные).

— Идите в мой виноградник, убирать урожай, — говорит хозяин, — я заплачу вам по талану каждому.

И они согласились и пошли работать. В полдень хозяин опять вышел на площадь и увидел, что площадь опять наполнена людьми, которые опять хотят (!) работать.

— Идите в мой виноградник! — говорит работодатель. — Я заплачу вам по талану каждому.

И люди пошли работать.

К вечеру пришел хозяин виноградника на площадь, а там опять люди (Видимо индекс безработицы был известен уже две тысячи лет назад).

— Идите в мой виноградник! — восклицает хозяин. — Я заплачу вам каждому по талану.

И вновь на виноградное поле пришли люди... Однако работники, нанятые с утра и с обеда, начали роптать и возмущаться: почему мы работаем с утра и с обеда, а оплата нам будет не больше, чем тем, которые нанялись с вечера и проработают всего час-два?!

Назревает бунт. Хозяин виноградника возмущен, напоминает условия договора и заявляет, что условия оплаты меняться не будут. В этой притче — двойной смысл. Первый, божественный, свидетельствует о чистоте и бескорыстности зарождавшегося христианства. Здесь главенствует идея равенства людей перед Богом — воплощением справедливости. Действительно, если виноградник — это царство небесное, хозяин — Бог, то люди на площади — желающие попасть в царство небесное. В таком случае поведение хозяина безупречно: когда бы вы не пожелали служить Ему — на заре своей жизни, в

зрелом возрасте или на закате жизни — всем найдется работа. Никому не будет привилегий: ни малому, ни старому, ни царю, ни нищему — все, согласившиеся служить Ему, войдут в царство небесное. В этом случае притча безупречна, доброта хозяина виноградника — воплощение справедливости: сколько бы ты поклонов не клал раньше, разницы между тобой и тем, кто только что приобщился к вере, не будет: всем воздастся по талану.

Но... богу — богово, а кесарю кесарево. Спустимся с неба на землю и тотчас увидим: хозяин земных виноградников насаждал дикую уравниловку и при этом мог быть либо пьян, либо слегка тронулся. И это не преувеличение! Можно ли, будучи в здравом и трезвом уме, устанавливать одним и тем же работникам (да к тому же и общающимся между собой на одном винограднике) такую дико неравную почасовую оплату?! Во-первых, на следующий день хозяин вряд ли встретит кого-нибудь на площади в утренний час, да и в поддень мало найдется охотников. Все работники пришли бы к вечеру, чтобы работать поменьше, но получить талан. Во-вторых, хорошо, что опыт такой оплаты на живых людях закончился всего лишь недовольством работников, нанятых с утра. А ведь могли бы из хозяина и сок выжать. Каждому — по труду! Этот лозунг человечество вынашивало тысячелетия. Именно такой императив диктовал поведение библейских работников, и коммунисты здесь не при чем.

Основоположники научного коммунизма хороши тем, что они ясно увидели, объяснили и доказали стремление хозяев эксплуатировать работника как можно дольше в течение дня и как можно меньше платить ему за это. В реальной, а не в небесной жизни, хозяин — владелец не только присвоит себе прибавочную стоимость, создаваемую в результате труда работника, но и стремится к сверхэксплуатации, то есть сверхграбежу работника. Маркс в своем "Капитале" привел достаточно примеров, как это делается с увеличением продолжительности рабочего дня, сокращением отпусков, уменьшением про-

должительности перерыва на обед и так далее. Другой мощный рычаг для выжимания сока из работника — интенсивность труда. Во времена Маркса этот последний фактор был достаточно известен. Однако сегодня интенсивность труда на ведущих концернах капстран достигла чудовищной силы. В результате постоянной переутомляемости средняя продолжительность жизни японского рабочего, к примеру, на 10 лет ниже продолжительности жизни хозяев. Эффект переутомляемости рабочих в Японии называют «эффектом Кароши». Создан комитет защиты жертв Кароши, который обратился в 1993 году в комиссию по правам человека в ООН с требованием прекратить издевательства над людьми.

В России рыночной экономики до эффекта Кароши, возможно, еще и далеко, но что касается продолжительности рабочего дня, то здесь мы явно идем к периоду первоначального накопления капитала. Только идем по-своему, по-русийски. На основной работе бьем баклуши (нет электроэнергии, нет сырья, нет поставок), а после вкалываем на шабашках: варим гаражи, строим дачи-дворцы новым хозяевам жизни. Они, хозяева, вроде и платят щедро, наподобие того хозяина виноградника, но еще больше дерут. Ведь все эти новоявленные миллионеры России нажили свои богатства не на промышленном, а на банковском капитале, то есть на спекуляции деньгами, на посредничестве, на банальной спекуляции. Стоит ли удивляться, что не успеешь донести заработок до дому, а он уже теряет в своей покупательной способности. Впрочем, апологеты рыночной экономики и антикоммунисты видят в этом торжество справедливости.

Пожалуй, все видные экономисты и философы XVIII-XIX веков еще до Маркса понимали, что частная собственность на средства производства автоматически означает эксплуатацию человека человеком. По признанию самого Маркса, его основной заслугой, новым словом в науке стало доказательство неизбежности уничтожения частной собственности, смены ее общественной формой собственности. Латинское слово «comin», озна-

чающее «общий» является корнем слова «коммунист», которое сегодня в России вызывает припадки бешенства у сторонников поворачивать историю вспять. Заметим, что Маркс выступал за обобществление тех средств производства, которые изначально принадлежат всем, а также тех, которые в результате естественно-исторического развития производительных сил человечества требуют коллективных общих деяний для их функционирования. К первой категории относится земля, ее недра (открытые и открываемые в будущем), атмосфера, космос, если желаете. Ко второй категории средств производства, которые рано или поздно перейдут из частных рук в общественное пользование, относятся заводы, железные дороги, шахты и рудники, то есть все то, что один частный человек привести в движение, в работу не может. Скажем, современный прокатный стан требует усилий, умственных и физических, десятков, а то и сотен людей, хотя за пультом управления и сидит один оператор. Такие средства производства не могут находиться во владении одного человека. Строго понаучному говоря, общественный способ производства находится в непримиримом антагонистическом противоречии с частной формой собственности. Рано или поздно с помощью революции или другим, эволюционным способом, это противоречие устранился в пользу общественной собственности.

Любопытная деталь. Маркс выстраивал свою теорию, исходя из развития производительных сил общества. Однако не все производительные силы, или, вернее, не все орудия труда претерпевают изменения по мере развития человечества. Есть орудия труда, которые остаются как бы в стороне от столбовой дороги цивилизации, остаются индивидуальными, и тем не менее, прекрасно выполняют свою функцию и в индивидуальной и в общественной сферах жизни. Посмотрите на лопату! Тысячелетнее изобретение человечества продолжает служить людям. То же самое можно сказать о кисти художника. Технологический прогресс, общественный способ про-

изводства, в свою очередь, создают орудия труда, которые могут быть и индивидуальными и общественными.

Вот вам грузовик. Он может сослужить хорошую службу и в индивидуальных руках, и в общественных, скажем, на автобазе, где есть ремонтная база, отдел снабжения, и хорошему водителю незачем ломать голову: где «обуть» свой грузовик. Отсюда вывод, который должны сделать и делаем мы, коммунисты, обобществление средств производства не может быть тотальным, материальная база для индивидуального труда остается и будет расширяться, но никогда эта база не станет определяющей в истории человечества. Так лопата никогда не сравнится с землеройной машиной. Впрочем, Маркс никогда и не говорил о тотальном обобществлении. А что касается основных средств производства, Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года подтвердила правоту основоположника научного коммунизма: земля, заводы, фабрики перешли в общенародную собственность, частная собственность на основные средства производства, казалось бы, канула в века. 75 лет человечество шло по новому неизведанному пути. Увы!

Через 75 лет непрекращающейся борьбы между новым и старым миром мы по-новому осмысливаем проблему: могла ли революция победить в отдельно взятой стране, или необходимо было ждать, когда история начнет развиваться строго по Марксу, то есть победы пролетарской революции одновременно в наиболее развитых капиталистических странах. После реставрации капитализма в России (не без помощи наиболее развитых капиталистических стран) ясно одно: победа социализма в одной стране и даже в нескольких странах не устранит возможности реставрации капиталистических отношений, частной собственности на средства производства, пока такие отношения сохраняются в большинстве промышленно развитых стран. Хотим мы того или нет, но мы должны признать правоту сталинского положения: по мере упрочения социализма в одной стране или в группе стран классовая борьба обостряется. Новейшая история

не оставляет сомнений в том, что Сталин имел в виду обострение классовой борьбы в глобальном масштабе.

Впрочем, вернемся в наш виноградник. Проблема справедливого распределения продуктов человеческой деятельности не исчезает с обобществлением и экспроприацией частной собственности. Октябрьская революция уничтожила почву для эксплуатации человека человеком. Общепародная земля, общепародные заводы и фабрики превратились в материальную базу невиданного доселе братства людей. Вот почему сегодня нельзя без слез смотреть документальные кадры кинохроники конца 20-х и 30-х годов.

Освобожденный труд творил чудеса. Лопатой и тачкой возводились домны, строились каналы. А с какой любовью освобожденные люди относились друг другу. Как они соревновались в труде, как обнимали друг друга! Не было ни национальных, ни этнических конфликтов, мы строили, а не разрушали. И мы гордились своим братством. Это братство спасло нас во время фашистского нашествия. Это факт истории, который невозможно вымарать ни Яковлевым, ни Брагину, ни даже самому Евтушенко...

Не будь той войны, мы, безусловно, сделали бы следующий самый важный шаг на пути к справедливому распределению совокупного общественного продукта. Ленин указал ясный, конкретный путь движения к справедливости: хозяевами несметных богатств должны стать сами трудящиеся. К сожалению трудов Ленина, равно как и Библии в «Лефортово» нет. Но почитайте, в конце концов, работу Ильича «Что такое советская власть?». Обращаясь к трудящимся, Ленин утверждает, что советская власть начинается там, где они сами берут на учет каждый килограмм угля, каждый гвоздь, каждый заработанный рубль. Раз берут на учет, значит имеют возможность самим распределять заработанное. Каким же образом? Через Советы! Те Советы, которые по мысли Ленина должны начинаться в первичной ячейке общества — трудовом коллективе. К сожалению, за-

вет Ленина не успели выполнить по объективным причинам приближающейся войны. А после, особенно после XX съезда КПСС, когда Хрущев завернул штурвал государственного корабля подальше от интересов рабочего класса и поближе к "общечеловеческим" ценностям, об этой фундаментальной идее позабыли всерьез и надолго. Кормчий рулил. Советы, лишённые своей массовой созидательной силы, переродились вместе с партией.

Однако в колхозах советская власть успела зацепиться прочнее. Разумеется, были и отклонения, райкомы, случилось, навязывали колхозникам «своего» председателя. И, тем не менее, колхозники на общем собрании избирали и председателя, и правление колхоза.

По сути это и есть демократия производителей, которые выбирают подотчетный им Совет (правление) и его председателя. Одновременно избиралась ревизионная комиссия, подотчетная только общему собранию. Избранное правление принимало решение распределении текущих доходов, а конце года вместе с председателем отчитывалось перед всеми членами коллектива: сколько заработали, потратили, сколько нужно доплатить к тому, что уже получили колхозники. Повторяю, отклонения, самоуправство могли быть и при этой системе. Но это не могло заслонить главного: люди знали, что у них есть земля и все, что они на ней зарабатывают, распределяется при их участии. Вот почему крестьянство России, да и в других республиках, так сопротивляется насильственному разгону колхозов, приватизации земли. Крестьяне на собственном опыте знают, что такое советская власть и назад, в ярмо собственности им идти не хочется. Признаюсь, тему земли и колхозов мне хочется рассмотреть подробнее, надеюсь, такая возможность у меня будет.

Что же касается рабочего класса, то после того как правящая в стране КПСС предала его интересы забвению, каждый конкретный рабочий все больше и больше удалялся от управления производством (учет и контроль)

и от участия в распределении совокупного продукта коллектива. Накатом, по инерции, полученной еще в Октябре 17-го года, трудящиеся, в том числе и рабочие, еще пользовались благами, завоеванными тогда для всех: бесплатное образование, медицинское обслуживание, право на труд для всех и каждого, право на жилье — то есть благами социалистического общества. Однако решающая роль в распределении всех благ общества у рабочего класса потихоньку изымалась. Продвижение в очереди на получение квартиры, льготная путевка в хороший санаторий, заработок, в конце концов, все больше и больше становились в зависимость не от количества и качества работы, не от воли рабочего и его товарищей, а от того, какие отношения у него складываются с начальством: администрацией, профкомом, парткомом. В то же время рабочий человек не мог не видеть, что как раз начальство, за редким исключением порядочности, черпало большой ложкой из общего котла. Это и улучшенные квартиры, и санатории со спецобслуживанием и т.д., и т.п. Чем выше начальство — тем больше были привилегии. Пройдите по Москве и вы увидите, что лучшие дома были построены для начальников Совмина, ЦК, Моссовета... Подобные "дворянские гнезда" возникали по всем городам страны, рванувшейся в будущее. Обитатели "дворянских гнезд" публично распинаясь в верности идеалам коммунизма, а в тайне развратничали и издевались над "гегемоном". Вот чем объясняется апатия рабочего класса, его анабиозное состояние, когда окрепший теневой капитал стал легализовываться, вошел в союз с партгосноменклатурой и начал атаку на партию, а затем и на советскую власть. Горбачевское "новое мышление" было высмеяно рабочими, но к конкретным действиям по защите своей власти они так и не перешли. Слишком глубоко проникла гниль перерождения. Да к тому же телевидение, радио, печать с утра до ночи вбивали одну и ту же мысль: капиталист, хозяин, лучше партийных вождей. Мысль верная. Предатель хуже открытого врага. Однако вместе с отречением от перерожденцев, рабочий класс

отдал в руки классовому противнику собственность. И, видимо, рабочий класс должен на своей шкуре почувствовать последствия перемен, чтобы вновь осознанно включиться в борьбу за равенство и братство на этой земле. В этой борьбе надеяться на дядю, который будет умнее и добрее Горбачева, Ельцина, Хрущева, Брежнева не приходится. Придется вспомнить суровые слова гимна коммунистов: "Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой".

Российская коммунистическая рабочая партия еще до своего основания в ноябре 1991 года отстаивала точку зрения, согласно которой коммунистами могут считать себя только те люди и партии, которые выступают за общественную собственность на общественные средства производства и за такую систему распределения продуктов совместного труда, при которой труженик, созидатель является основной фигурой, хозяином произведенного продукта. Такой системой могут стать советы рабочих, крестьян, специалистов и служащих в трудовых коллективах. Избранные открытым, альтернативным путем, периодически сменяемые, такие советы должны не только поставить на учет и под свой контроль каждый заработанный коллективно рубль, каждый килограмм топлива и металла, но и перейти к найму администрации с установлением начальству заработка, известного каждому члену коллектива. Наем администрации советами рабочих, крестьян, специалистов и служащих и есть реальное выражение диктатуры пролетариата, которой пугают обывателя средства массовой информации.

Другого пути к справедливости нет. Советы в трудовых коллективах должны стать не только массовой базой для выдвижения депутатов вышестоящих советов, но и гарантом против несправедливости, попрания свободы и достоинства человека труда. Будь то заработок, получение квартиры, путевки в санаторий, даже продвижение по службе, устройство ребенка в детский сад — решающая роль в распределении этих благ должна при-

надлежать труженику. Рабочий, крестьянин, научный сотрудник не должны унижаться перед начальством, администратором, партийным или профсоюзным боссом, чтобы получить то, что им принадлежит по праву. В условиях бешеной пропаганды частной собственности, священного права «хозяина» платить, как ему вздумается, идея Советов внизу пока с трудом пробивает себе дорогу в массе российских рабочих. Однако среди научных работников идея самоуправления через низовой Совет набирает влияние, что подтверждается все возрастающим количеством людей науки в колоннах манифестантов под красными знаменами. И это закономерно. Наука давно перестала быть уделом одиночек-индивидуалистов и к концу XX века являет собой наиболее коллективистскую обобществленную сферу деятельности человечества. Научные работники, не имея дорогостоящих средств научного производства, постоянно отчуждаются от результатов своего труда академическими баричами, проходимцами от науки и давно превратились по своему материальному и общественному положению в пролетариев умственного труда. Поэтому лозунг диктатуры пролетариата не в вульгарном смысле — стреляет налево и направо, — а в смысле справедливого распределения результатов труда, в смысле «каждому по труду» людей науки не пугает.

Даже сторонники буржуазной политологии вынуждены признать, что именно здесь, в сфере справедливого распределения, проходит водораздел российского общества. Так, в своей статье «Тэтчер, Пиночет или Андропов» («Известия», № 211 от 4 ноября 93 г.) доктор исторических наук Игорь Клямкин пишет: «Авторитарный режим в современном его понимании — это договоренность влиятельных элитарных групп, контролирующих экономику и силовые структуры, о свертывании или ограничении политических свобод ради того, чтобы перекрыть легальные каналы проявления социального недовольства и сломить (при необходимости — силой) сопротивление той части населения, которая идеалу экономической свобо-

ды и эффективности предпочитает идеал справедливого распределения” (курсив наш. — В.А.). Заметим, что идея диктатуры пролетариата, или ее материальное воплощение через Советы в трудовых коллективах, ничего общего не имеет ни с авторитарным режимом, ни с элитными группами.

Как это не покажется странным и непонятым нашим оппонентам, однако диктатура пролетариата в смысле общего владения собственностью, привлечения к управлению обществом миллионов трудящихся, справедливого распределения продуктов общественной жизнедеятельности — это и есть демократия в подлинном значении этого слова. А теперь посмотрим, является ли таковым «идеал экономической свободы и эффективности» старого капиталистического общества, которым восторгается Игорь Клямкин и вся рать хорошо оплачиваемых лакеев — политологов, которым несть числа. Ни одной сколько-нибудь серьезной социальной проблемы человечества этот «идеал» не решил. Возьмем вершину «идеала» — Соединенные Штаты Америки. Что там решена проблема безработицы? Или проблемы жилья для простых американцев больше не существует? Или в обители «идеала» давно покончили с неграмотностью? Полноте! Раскройте глаза, напрягите извилины мозга и почитайте, что пишет об этом буржуазная печать самих США. Сейчас, когда пишутся эти строки (6 ноября 93 г. 11 часов 20 минут), по радиостанции «Маяк» выступает начальник одного из многочисленных департаментов администрации президента России Николай Медведев, утверждающий, что «коммунисты разграбили и разворовали страну». Слушая очередного Емелю, я вспоминаю спор с корреспондентом телекомпании ЭнБиСи в Москве господином Биллом. Что дал коммунизм России? — попытался Билл, упрасывая меня быть откровенным. Помнится, — ответил я собеседнику, когда коммунисты еще имели вес, в рабочих и студенческих столовых хлеб был бесплатный, а сегодня цена батона выросла в тысячу раз. Хлеб — народу, это уже весомый аргумент. Затем

было доступное всем образование всех уровней, жилье, работа, наконец! А что дал вам капитализм? — вернулся вопрос к корреспонденту. — Вещи! — был ответ.

Вещи, тем более облегчающие жизнь и труд человека, тоже аргумент. Однако, если вещизм становится смыслом бытия, тогда есть ли смысл в самой жизни? Те люди, которые по количеству вещественного богатства измеряют «идеал экономической свободы и эффективности», конечно же стремятся и сами поскорей перебраться в благодатный виноградник капиталистического рая. Эти люди искренне верят, что если даже они придут в этот рай слишком поздно, их встретят с распростертыми объятиями, обласкают, дадут по библейскому талану каждому, окружат красивыми нужными вещами.

Увы! Оставь надежду всяк сюда входящий! Благополучие, эффективность, вещизм самых развитых капиталистических стран, основываются не на сумасбродной благотворительности хозяев, а на беспощадной эксплуатации своих и, особенно, чужих народов. Данные ООН общеизвестны: 40 тысяч детей на нашей планете умирают сегодня из-за голода или нехватки противоинфекционных лекарств, цена которых не превышает одного доллара. И пока мы не слышали, чтобы США, Германия, Япония, Англия или Франция облегчили долговое бремя народов, проживающих к югу от экваториальной линии. «Идеал экономической свободы и эффективности» стремится как можно туже затянуть долговую петлю на шею других народов, препятствует равномерно мирному развитию производительных сил по всему земному шару, так как его интересует только эксплуатация природных ресурсов стран ради собственного вещизма и накопления роскоши.

Впрочем, вернемся в матушку-Россию. Может, действительно у нее особая судьба, и Запад будет относиться с особой нежностью, несмотря на то что, что она стала в очередь желающих попасть в райские кущи слишком поздно.

Итак, фактор первый — развитие народного хозяйства. Как только мы ступили на путь «цивилизованного»,

то есть капиталистического общества промышленное и сельскохозяйственное производство начали снижаться с каждым годом. По данным правительства (См. «Российская газета» № 208 от 6 октября 93 года «Счет пока не в нашу пользу»), за сентябрь-октябрь 93 года валовой внутренний продукт по сравнению с тем же периодом минувшего года уменьшился на 11%. При этом объем промышленного производства сократится на 17 % «. Отметим, что официальная статистика дает мрачную, но далеко не объективную картину. По данным «Финансовых известий» № 53 от 5-11 ноября этого же года «темпы сокращения промышленного производства становятся угрожающими и к концу сентября 1993 года приблизились к 45 процентам по сравнению с прошлым годом... Особенно значительно снижение, — продолжает газета, которую никак не назовешь коммунистической, — показывают отраслевые индексы для машиностроительного комплекса, химической, нефтехимической и пищевой промышленности». Резюме: на первом этапе капитализации идет подавление наиболее технологических отраслей производства, определяющих независимость страны и благосостояние ее народа.

6 ноября, московское время: 14.28. Только что радиостанция «Маяк» через репродуктор в моей камере предупредило население о том, что уже ко второму кварталу 1994 года килограмм говядины будет стоить до 6 тысяч рублей (при коммунистах стоила 2 рубля за кг. Рост — 3 тысячи раз), килограмм сахара будет стоить 1,5 тысячи рублей (при коммунистах стоил 90 копеек. Рост соответственно — 1600 раз), картофель будет стоить 400 рублей (при коммунистах стоил 10 копеек килограмм-рост, соответственно, в 4 тысячи раз). Этот прогноз более чем правдоподобен, так как сегодня, в результате спада производства стоимость продовольственных и промышленных товаров возросла в тысячу раз по сравнению с эпохой «тоталитаризма». Напомним, что при коммунистах средняя месячная заработная плата в промышленности была 170 рублей. Сегодня по официаль-

ным данным правительства, среднемесячная заработная плата в промышленности составляет 85-90 рублей. То есть цена продуктов возросла в тысячу раз, заработная плата в пятьсот раз. У миллионов людей отняли половину заработка. Добавьте к этому ограбление миллионов вкладчиков, которые доверили свои трудовые вклады государству и потеряли их в результате чудовищной инфляции. Добавьте угрозу гражданской войны, которая и должна была разразиться в многонациональной стране и уже идет в ряде республик как следствие уничтожения общенародной собственности и ее захвата в частные руки. Значит, помимо материальных потерь люди вынуждены расплачиваться и кровью за возврат к капитализму! Господи! Да знаешь ли Ты, что творится в Твоем винограднике?! Молчит Господь. Зато без устали молотят языком журналисты — сторонники реформ: «Государство действует на пределе возможностей, и массовые увольнения, закрытие предприятий, нарастание социальной напряженности могут стать явью в ближайшее время. Но ситуацию нельзя назвать безнадежной. Чем скорее Россия опустится до нижней точки, тем раньше начнется подъем». Автор этого оптимистического прогноза и статьи «Инфляция остается главным врагом правительства» — Сергей Митин. (См. «Финансовые известия», № 53 от 5-11 ноября 93 г.).

На чем основываются безумные прогнозы? Да все на той же идее доброго Запада, который воздаст нам за послушание, за то, что бросили свой виноградник зарастать бурьяном и поползли в кущи общества потребления. Журнал «Экономист» как-то зло высмеял надежду Ельцина получить от «семерки» 14 миллиардов долларов наличными сразу и в пульмане железнодорожного вагона. Однако у нас каппрессу в подлиннике мало кто читает, мы теперь и сами демократы, и по страницам газет продолжают гулять заголовки «Российская связь получит 200 миллионов долларов в помощь российским реформам», «России требуется 300 миллиардов долларов, но ей пока дают 100 миллиардов». Читаешь, и сам

начинаешь верить: золотой дождь пролился на голову Ельцина — тут только успевай доллары собирать.

Нет, господа хорошие! Как говаривал Маркс, в денежных делах нет места сантиментам. Не пахнет этот золотой дождь ни благотворительностью, ни тем более справедливостью. Придет время, и народ вынужден будет оплачивать огромные долги, в которые вы лезете ради призрачного капиталистического рая. Отдавать придется по общепринятой ставке капитала: не менее 17% годовых. Только по процентам мы будем обречены платить вечно. И каждый новый президент будет говорить от "реструктурировании долга", "отсрочке выплаты платежей". Да и чем нам будет платить? Наше собственное производство международный капитал раздавит безжалостно... У нас останется только земля да ее недра. Но и эти богатства мы продать не сможем. Мы их пропьем. Нас споят водкой (причем американской) как спаивали индейцев Аляски в эпоху золотой лихорадки в Клондайке.

Процесс пошел. Если в 1992 году, — радостно сообщил сегодня «Маяк» (6 ноября, 9.50, ведущий Виктор Аникин), импорт водки из США в Россию составил 5 миллиардов долларов, то за 10 месяцев этого года он превысил 9 миллиардов долларов.

Есть ли выход из этого тоннеля безумия? Есть! Есть, если до этого алчность, стремление получить как можно больше прибыли за счет эксплуатации других не превратят колыбель человечества, цветущую землю в пустыню. И речь не только о ядерной войне. В погоне за прибылью капитал не остановится ни перед какими «общечеловеческими ценностями». Выход просматривался уже тысячелетия назад: вся земля, вся планета должна стать цветущим садом, виноградником, если хотите, в котором хозяевами будут работники. Каждый будет трудиться по способностям. Усиленные наукой, невиданными орудиями труда, сознанием того факта, что каждый работник и есть хозяин, которому совершенно не нужны ни таланты, ни доллары, способности каждого человека-труженика дадут каждому по человеческим потребностям. Так бу-

ЛЕФОРТОВСКИЕ ДИАЛОГИ

дет даже независимо от нашей воли. Об этом мечтали лучшие умы и пророки человечества.

В 1917 году мой народ сделал шаг навстречу мечте. Наш национальный герой Маршал Советского Союза Жуков, заканчивая свою книгу "Воспоминания и размышления", пишет: "Перебирая все вехи жизни, главной считаю ту, от которой мы все ведем отсчет. Революция! Каждому человеку революция дала возможность пробовать силы, искать, сознавать себя частью созидательной мощи народа. И когда пришел час защитить это главное завоевание, мы знали, за что сражаемся".

Я рад, что книга Жукова есть в библиотеке СИЗО "Лефортово" и я могу перечитать ее в камере. Завтра 7-е ноября. После того Октября прошло всего 76 лет. Мы не отвыкли мечтать. Мы хотим и можем работать. Борьба продолжается. Мы победим!

В.АНПИЛОВ

*СИЗО "Лефортово",
Октябрь-ноябрь 1993 г.*

Содержание

Предисловие ко второму изданию.....	3
Глава 1. СЛУЧАЙНОСТЬ	4
Глава 2. РАЗМИНКА	8
Глава 3. СЛОВО	13
Глава 4. СОН НАД БЕЗДНОЙ.....	24
Глава 5. ЗАКОН.....	35
Глава 6. СОКРАТ	44
Глава 7. ПРАВО.....	56
Глава 8. СОБСТВЕННОСТЬ.....	64
Глава 9. ЗЕМЛЯ.....	76
Глава 10. ОТКРОВЕНИЕ.....	91
Глава 11. ГОСУДАРСТВО	97
Глава 12. РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ.....	110
Глава 13. ПИР	132
Приложение. Коммунизм победит	141

АНПИЛОВ Виктор Иванович

ЛЕФОРТОВСКИЕ ДИАЛОГИ

Тюремный конспект лекций Гегеля

Издание второе

Ответственный редактор *Станислав Рузанов*
Верстка *Екатерины Дегтяревой*

В оформлении книги использована оригинальная обложка первого издания книги «Лефортовские диалоги» 1994 г.

Подписано в печать 09.05.2012 г.

Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии «Русский Печатный двор», г. Москва

По вопросам распространения обращаться:

109044, Москва, 1-я Дубровская ул., офис движения «Трудовая Россия», редакция газеты «Молния»; по электронной почте: trudros@yandex.ru, или на официальный сайт «Трудовой России»: www.trudros.ru.